

[Скачать](#)
[Часть I: XVII Чтения](#)
[«История институтов мышления»](#)

[Перейти](#)
[к Части I: XVII Чтения](#)
[«История институтов мышления»](#)

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ
ИМ. Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО

«Институты мышления»

*Цикл Чтений
памяти Г.П. Щедровицкого*

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Чтений памяти Г.П. Щедровицкого

**XVII Чтения – «История институтов мышления»
XVIII Чтения – «История и современное состояние
институтов мышления»**

Москва, 23 февраля 2011 г. / 23 февраля 2012 г.

Отель «Ренессанс Москва»

Часть II

Программа и регламент XVIII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого «История и современное состояние институтов мышления»

23 февраля 2012 года

- 10.00 – [Открытие XVIII Чтений](#)
10.20 [Г.А. Давыдова: Вступительное слово.](#)
[П.Г. Щедровицкий: Вступительное слово.](#)
[I коллоквиум:](#)
Понятие и принципиальная схема института мышления
- 10.20 – [В.Я. Дубровский: «Системодеятельностное понятие института».](#)
10.55 (Трансляция по Скайпу). *Вопросы по докладу.*
- 10.55 – [Н.С. Розов. «Институциональные аспекты мышления и проблема современного кризиса философии».](#)
11.30 *Вопросы по докладу.*
- 11.30 – [Дискуссия по докладам](#)
12.10
- 12.10 –** *Кофе-брейк*
12.30
- [Продолжение I коллоквиума](#)
- 12.30 – [С.Б. Переслегин: «Форматы мышления: институциональные решения».](#)
13.00 *Вопросы по докладу.*
- 13.00 – [С.Н. Градировский: «Институционализация мышления в истории Церкви».](#)
13.30 *Вопросы по докладу.*
- 13.30 – [Дискуссия по докладам](#)
14.00
- 14.00 –** *Перерыв на обед*
15.00
- [II коллоквиум:](#)
Исторические примеры институционализации мышления (на материале истории инженерного мышления)
- 15.00 – [В.М. Розин: «Эволюция инженерного мышления и форм его институционализации».](#)
15.40 *Вопросы по докладу.*
- 15.40 – [В.В. Воловик: «Институциональный контекст становления и эволюции инженерного мышления».](#)
16.20 *Вопросы по докладу.*
- 16.20 – [Дискуссия по докладам](#)
16.50
- 16.50 –** *Перерыв*
17.00
- [Продолжение II коллоквиума](#)
- 17.00 – [Ф.О. Александров: «Институциональная когенерация науки и инженерии».](#)
17.40 *Вопросы по докладу.*
- 17.40 – [Д.А. Бахтурин, Н.Б. Фейгенсон: «Институционализация ТРИЗ в компании “Самсунг”».](#)
18.20 *Вопросы по докладу.*
- 17.20 – [Дискуссия по теме коллоквиума](#)
18.50
- 18.50 – [Заккрытие XVIII Чтений](#)
19.00
- [Сведения об авторах докладов XVII и XVIII Чтений](#)

Открытие XVIII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого

Петр Щедровицкий. Уважаемые коллеги!

Я приветствую вас всех на XVIII Чтениях памяти Георгия Петровича Щедровицкого. По традиции я бы хотел передать слово для вступления Галине Алексеевне Давыдовой. Сразу хочу предупредить, что это совмещенное выступление, которое будет содержать в себе не только общие приветственные слова, но и презентацию книги, которую мы подготовили к данному мероприятию.

Галина Алексеевна, прошу Вас. Потом я тоже скажу несколько вступительных слов, и мы начнем двигаться по программе.

Г.А. Давыдова

Вступительное слово

Давыдова. Здравствуйте, коллеги! Спасибо, что вы приехали!

У меня небольшое сообщение – как бы вступление к Чтениям этого года. К XVIII Чтениям памяти Георгия Петровича Щедровицкого мы переиздали книгу «Я всегда был идеалистом...»¹, которая впервые вышла в свет в 2001 году². Прошло десять лет с того времени, как был издан первый вариант. Это – второй. Как во всяком переиздании, найденные в первом издании ошибки были исправлены. Но это еще и дополненное издание: в отличие от первого, оно снабжено указателем и примечаниями. Это тоже вроде бы вещь стандартная, и ничего здесь особенного нет, если бы в процессе подготовки материалов для примечаний лично мое отношение к этой книге не изменилось бы.

Георгий Петрович не в первый раз рассказывал о себе, о семье, о школе, о вузе. Я слышала эти его рассказы лет за десять до того, как он их наговорил под магнитофон Николаю Щукину. И уже тогда у меня было впечатление, что Георгий Петрович давно уже выносил всё то, о чем он потом говорил, – рассказ был уже сложен, и ему нужно было просто это проговаривать. Это повторялось неоднократно, но воспринималось (в частности, мною) так: да, интересно рассказывает; там бабушка, мама, папа, там всякие дяди, тети, и потом – сам вырос, дорос до философского факультета, до встречи с Зиновьевым, Мамардашвили, Грушиным и до создания логического, а потом и методологического кружка. Как канва – верхняя, сюжетная – нормально. А когда мы с Андреем Русаковым стали заниматься подготовкой примечаний, я поняла, что этот рассказ для самого Георгия Петровича ложится не просто на события его жизни, но и на события того времени, к которому относятся те вещи, о которых он рассказывал. Как говорится, «времена не выбирают, в них живут и умирают». И поэтому фактически это рассказ о времени и о себе.

¹ *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... 2-е изд., испр. и доп. М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2012.

² *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.

Материалов у нас оказалось значительно больше, чем могло войти в тот формат, который сначала был задан. В новое издание нам все-таки удалось много чего интересного включить, но многое не вошло и в него.

Я хочу сказать, Петр, что нужна была бы еще другая работа, при следующем переиздании, которая воссоздала бы тот социальный и культурный контекст, в котором Георгий Петрович жил.

Видимо, когда Георгий Петрович говорил, ему казалось, что слушателю – тому, кто его в данный момент слушает, – понятно, про что он говорит. Я не знаю, в какой мере и как это было понятно Николаю Щукину. Когда Георгий Петрович рассказывал это мне, я просто не обращала на эти реалии внимания. А сейчас, когда те времена стали историей, многое требует пояснений. Когда мы делали примечания, нам приходилось задавать себе вопросы такого рода: а зачем Георгий Петрович, скажем, упоминал того или другого человека или рассказывал именно об этом, а не о другом? Так возникал этот материал.

Чтобы было понятно то, что я хочу вам сказать, я приведу только два примера.

Там, где Георгий Петрович рассказывает об отце и о том, чем отец занимался (это авиастроение и в дальнейшем – авиационная промышленность Советского Союза), почему-то в одном контексте, то есть просто рядом, он упоминает Жуковского и Рамзина. Жуковского – понятно, почему: у него Петр Георгиевич старший работал, – но почему Рамзина? Как будто бы и он там же работал? Непонятно, при чем здесь Рамзин – теплотехник, который никакого отношения к биографии Петра Георгиевича старшего вроде бы не имел? Но почему-то Георгий Петрович счел нужным его упомянуть, причем в таком соотношении: Жуковский и Рамзин. И когда мы подбирали материал под эту тему, то стало понятно, я думаю, что же имел в виду Георгий Петрович, когда соединил вместе этих двух людей.

Жуковский, и Рамзин – это инженеры высокого класса, которые получили образование в дореволюционной России.

Рамзин, блестяще окончив в 1914 году Московское высшее техническое училище, был оставлен в нем для занятий научной и педагогической деятельностью. Исключительные способности, энергия и трудолюбие сделали Рамзина в течение пяти лет одной из самых ярких фигур энергетического сообщества России. Он был исключительно предан науке, его интересы не простирались далее педагогики и проектно-конструкторской деятельности. Он не имел политических пристрастий и все силы и время отдавал подготовке студентов, науке и инженерному делу. В.И. Ленин и Г.М. Кржижановский привлекли его к работе в комиссии ГОЭЛРО, что определялось исключительно его профессиональными качествами. Как талантливый теплотехник он становится одним из лидеров энергетической науки Советской России. В 1921 году он вводится в состав Госплана и назначается директором Всесоюзного теплотехнического института. Под руководством Рамзина стремительно развивается и крепнет ВТИ, а сам ученый ведет успешные изыскания по проектированию своего главного детища – прямого парового котла.

Георгий Петрович много и специально занимался инженерным образованием. Я помню его лекции 1983 года в «СоюзМорНИИПроекте» после Игры-22³, где он рассказывал о подготовке инженеров в университетах дореволюционной России и делил эту инженерную подготовку на два типа: формальную и материальную.

Так, в университете образование было формальное. Это означает, что инженеры такого высокого уровня должны мыслить в чистых формах или на уровне чистого мышления, то есть то, что служит материальным носителем мышления, должно быть отделено. А в другом типе образования, который Георгий Петрович называл «материальное», или «реальное», – там люди учились мыслить предметно, или еще проще можно сказать – учились мыслить вещами. И подготовка, соответственно, была совершенно другой.

В этих же лекциях, чтобы объяснить слушателям, что такое формальное инженерное мышление, он приводил такой пример: он говорил, что в обязательном порядке в университете – в том, старом, – инженер должен был знать несколько иностранных языков. Не просто русский и, скажем, немецкий, а несколько иностранных, и это способствовало его инженерной подготовке. Потому что, когда изучают несколько иностранных языков, тогда то, как устроен язык, и то, чем человек мыслит, отделяется от материального носителя языка – от речи – и таким образом ставится мышление.

На этом месте, когда речь шла о Рамзине, видимо, оказалось, что для Георгия Петровича был важен этот контекст, причем – в каком плане важен? Эти специалисты, подготовленные таким образом, которые не эмигрировали и остались в Советском Союзе, видимо, думали, что такие вещи, как самолеты, поезда, мосты, железные дороги, не имеют никакого отношения к политике и тем более к власти. Но они ошиблись. Эти люди действительно привлекались к работе, поскольку был взят курс на индустриализацию (речь идет о конце 20-х – начале 30-х годов), поэтому, естественно, такие люди были нужны. Они назывались «спецами».

А за десять лет, которые прошли с того времени, как большевики взяли власть, был подготовлен другой слой, так сказать, инженерной продукции. Это люди, которые кончали рабфак, в лучшем случае – Институт красной профессуры. И в конце 20-х – начале 30-х годов начались аварии и разнообразные техногенные катастрофы на шахтах, на железных дорогах, на заводах. И, естественно, надо было найти виновных. И виновные нашлись. Это были «спецы» – вредители, поскольку они как бы чужие. И состоялись процессы: шахтинский процесс, процесс промпартии, в котором пострадал Рамзин, то есть люди, с которыми он работал. Он был теплотехник, и под него специально был сделан Всесоюзный теплотехнический институт. Значит, у него был свой контингент людей. Они были расстреляны в результате процесса промпартии. Сам он не был расстрелян, был потом выпущен, но это уже его личная биография, к мо-

³ ОДИ-22 по теме: «Цели, программы и формы организации научно-исследовательских и проектных работ в головном научно-проектном институте отрасли». 01.03.83–10.03.83, Москва/Монино, СоюзМорНИИПроект Минморфлота СССР. – *Ред.*

ему сюжету не имеющая отношения. Но процесс-то был не один, и постепенно люди такого уровня вообще были уничтожены. И тогда дальше понятно положение инженера в Советском Союзе, который, если говорить словами Жванецкого, по сравнению с товароведом – простой инженер с зарплатой в сто двадцать рублей. И я думаю, что последствия этих действий мы ощущаем до сих пор в смысле уровня людей этой профессии.

А второй пример еще интересней! Я его только поставлю как вопрос и не буду рассказывать, как и что. Здесь, в первом случае, мы нашли какой-то ответ. А во втором примере – ответа не нашлось. И тогда этот вопрос к вам – тем, кто уже читал эту книгу в первом издании, – для размышления, когда вы будете еще раз ее читать. Вопрос же возникает такой: Георгий Петрович был студентом физфака, на который он пошел, считая, что учиться нужно там, где самые сильные люди и самая сильная профессура, – поэтому он и выбрал физфак. Но на третьем курсе, рискуя остаться вообще без образования и без диплома, будучи исключенным из комсомола и, соответственно, с угрозой быть исключенным из университета, он стремится на философский факультет. Почему на философский?

У нас нашлись кое-какие предположения, но я о них говорить не буду. Почему именно на философский? Почему нельзя было остаться на физфаке у профессора Власова, который занимался тем, чем вроде бы Георгий Петрович хотел заниматься, то есть строением науки, понятиями, но на физическом материале? А профессор Власов был заведующим кафедры теоретической физики. Почему нужно было заниматься понятиями, но химическими и на философском факультете на кафедре логики? Почему не на мехмате и почему не на истфаке, если что-то не нравилось на физфаке? Когда будете читать книгу, подумайте об этом. Георгия Петровича предупредил проректор, что философский факультет – это большая помойка. И это действительно так, похоже на то. Потому что там готовили идеологических работников, партийных идеологических работников. Соответственно, такая же была и профессура. Почему же он рвался на философский факультет?

Всё, Петр, спасибо.

Щедровицкий. Спасибо, Галина Алексеевна! Я хочу высказать Вам (в том числе от лица многих, сидящих в этом зале) слова благодарности за тот огромный труд по изданию работ Георгия Петровича в таком более академическом и более культурологическом формате с указателями, интерпретациями, комментариями, который Вы ведете в последние годы. От себя лично я хочу сказать, что очень трудно найти людей, которые сегодня готовы скрупулезно и педантично проводить подобную работу с текстами, с контекстами и, собственно, уже представлять нам – читателям, пользователям – более глубокие материалы, позволяющие часть этой работы считать уже проделанной и опираться на те комментарии и интерпретации, которые дают составители этих книг. Поэтому – спасибо вам большое!

Вступительное слово

Уважаемые коллеги, поскольку у нас плотно насыщенная программа, и мы, как всегда, очень сжаты во времени, в качестве вступительного слова я выскажу буквально несколько тезисов.

Прежде всего, я порадовался тому, что при подготовке этих Чтений, хотя почему-то с опозданием на год – вы помните, что впервые мы эту тему институтов и институционализации мышления сформулировали еще год назад, – вдруг начала разворачиваться полемика по поводу самой этой темы как рамки. Не буду приводить цитаты и примеры – может быть, как-нибудь потом, в комментариях, – но выскажу свою точку зрения.

Первое. Я считаю, что в целом тема институционализации мышления оказывается одной из самых ключевых для современной социокультурной ситуации. При этом речь идет не только о философском или методологическом мышлении, – хотя понятно, что здесь лежит основная точка моего и нашего интереса, – но и об институционализации других типов мышления. И поэтому, когда меня спрашивают, какое отношение к Чтениям памяти Георгия Петровича Щедровицкого имеет обсуждение институтов и институционализация инженерного мышления, я говорю: «Самое прямое!». Как минимум – потому, что Георгий Петрович трактовал инженерное мышление как одну из составных частей методологического мышления; как максимум – потому, что мы не можем обсуждать институционализацию философского и методологического мышления в отрыве от других типов и контекстов мыслительной работы. Ведь, в конце концов, если для нас мышление является ценностью, то, наверное, для нас ценностью являются любые формы мышления. И мы обязаны продумывать и заботиться о других типах и технологиях мышления для того, чтобы в конце концов не потерять того, что для нас является самым значимым.

Чтобы уж совсем огрубить то, что я говорю, можно вспомнить такой хороший старинный анекдот. Умирает пожилой армянин, он пережил геноцид, много чего другого, вокруг стоит группа армянской родни, и какой-то внучатый племянник спрашивает: «Дедушка, скажи, а какой ты хочешь нам оставить самый главный завет, который мы должны пронести через всю жизнь?». Умирающий и говорит: «Берегите евреев!». Все в недоумении смотрят друг на друга, и этот племянник тоже удивляется: «Дедушка, почему такой странный завет?». А тот ему в ответ: «Потому что помните: мы – следующие!».

Поэтому – берегите инженерное мышление, берегите научное мышление, потому что если эти ареалы мышления не будут воспроизводиться, то философскому и методологическому мышлению ведь не будет воздуха!

Второй момент. Георгий Петрович действительно считал это важным и всю свою жизнь разворачивал идею и мегапроект формирования методологического мышления. Он говорил, что методологическое мышление значимо именно сейчас, в этот период перехода между XIX и XXII веками, что это мышление

берет самые интересные решения и технологии и из философского, и из научного, и из инженерного мышления. Оно берет технологемы и синтезирует их внутри мыследеятельностной картины мира. И он считал, что именно методологическое мышление сегодня в наибольшей степени отвечает тем комплексным практикам и запросам, которые идут от этих практик к мышлению вообще.

Можно дискутировать и обсуждать – правда это или не правда, был ли он прав 50 лет тому назад, когда формулировал все эти тезисы и установки. Честно говоря, сегодня, глядя вокруг себя, я всё чаще и чаще вижу, как возникают островки методологического мышления. Не в смысле Георгия Петровича, не в смысле системомыследеятельностного подхода – а именно мышления, которое работает с методами, с техниками. И даже в крупных корпорациях появляются подразделения, которые отвечают за методологию. Поэтому можно сказать, что движение идет в том направлении, которое он описывал.

Третий момент. Ключевой вопрос, который я хочу вынести на Чтения следующего года, – это вопрос, какие же формы институционализации возможны для методологического мышления? Мы как сообщество на сегодняшний день к нему не готовы – это показали дискуссии и обсуждения последних двух лет. Но мы проделали достаточно большую работу, часть результатов которой вы услышите сегодня в докладах по анализу исторических кейсов институционализации различных типов мышления и различных форм мышления. И мы проделали достаточно большую работу по попытке выделить само понятие института и институционализации по отношению к мышлению. Вы знаете, что была серия дискуссий, и некоторые говорили о том, что процесс институционализации относится только к деятельности, а не к мышлению. А еще жестче – только к социальным структурам, которые поддерживают деятельность и мышление. Всё это вы услышите в докладах, я не хочу предвосхищать те развилки выборов и дискуссий, которые будут.

Со своей точки зрения, я исхожу из того, что понятие института мышления имеет право на существование. Я исхожу из того, что для методологического мышления вопрос адекватных форм институционализации сегодня является одним из важнейших. В этом плане от *движения* как формы институционализации методологии нужно переходить к другим формам институционализации. Но на тех исторических примерах, которые вы сегодня услышите или слышали год назад, я думаю, вы поймете и увидите, что этот процесс является историческим. В этом смысле он далеко не предопределен. У нас есть разные варианты самоопределения, и я бы хотел, чтобы это самоопределение стало основной точкой дискуссий через год. Но к этому желательно подготовиться.

По программе – у нас два крупных коллоквиума. Каждый состоит из четырех докладов. Немыслимо: восемь больших докладов с дискуссиями, я не знаю, как мы это выдержим! Первый коллоквиум посвящен понятию института и институционализации мышления, а второй – инженерному мышлению... «Берегите евреев!»⁴.

⁴ Из рассказанного выше анекдота. – *Ред.*

Мы начинаем нашу работу, и теперь я хотел бы воспользоваться современными коммуникационными технологиями.

Виталий Яковлевич, Вы нас слышите? (*Связь по Скайпу с США. – Ред.*)

Дубровский. Да.

Щедровицкий. Отлично, Виталий Яковлевич! Засим – передаю Вам слово для доклада. Я знаю, что Вы всегда пунктуальны, поэтому рассчитываю, что и в этот раз Вы точно уложитесь в регламент. 30 минут на доклад и обсуждение в целом, поэтому желательно доклад уместить минут в 20, чтобы была возможность задать вопросы.

I коллоквиум:

Понятие и принципиальная схема института мышления

Дубровский. Вы меня хорошо слышите? Можно начинать?

Щедровицкий. Да. Можно.

В.Я. Дубровский

Системодеятельностное понятие института⁵.

(трансляция по Скайпу)

Доклад и вопросы по докладу

Дубровский. Уважаемые коллеги, я бы хотел поблагодарить организаторов этих Чтений за возможность выступить перед вами, а вас – за то, что вы пришли послушать среди других докладчиков и меня. Я специально поместил расширенные тезисы, поскольку время доклада не позволит изложить мне все желаемое содержание и, в частности, цитирование и ссылки, которые я в докладе опущу.

Мой доклад называется «Системодеятельностное понятие института». В этом сообщении институт определяется как стандарт, задающий сферу массовой деятельности определенного типа. Оказывается, что структура института обеспечивает ему и задаваемой им сфере деятельности постоянство, стабильность и развитие.

Учитывая практический интерес к социализации и институционализации методологии, мне кажется, целесообразно рассмотреть понятие института с системодеятельностной точки зрения в надежде, что оно будет способствовать уяснению возможности, а также желательности или нежелательности институционализации методологии. В соответствии с принципом «культуросообразности»⁶ системодеятельностное понятие института должно учитывать все те

⁵ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁶ *Щедровицкий Г.П.* Коммуникация и процессы понимания (1982) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: 2005. С. 689–708. – В.Д.

смыслы, которые стоят за этим термином в научной, философской, методологической литературе.

При этом можно следовать одной из двух принятых в ММК стратегий. Первая стратегия – схематизировать смысл существующих представлений об институтах, а затем построить конфигуратор, синтезирующий все эти смыслы, в терминах теоретико-деятельностных онтологом. Вторая стратегия более рискованная: лишь имея в виду существующее представление об институтах, сконструировать понятие института в терминах деятельностной онтологии, а затем продемонстрировать, что основные существующие представления учтены в этом понятии.

Здесь я воспользуюсь второй стратегией по двум причинам. Первая – слишком большое разнообразие существующих представлений. И вторая – почти все они не учитывают принятого в ММК принципиального различения планов норм и реализаций. Именно на основании этого различения я буду конструировать понятие «институт». Я буду пользоваться термином «стандарт» вместо принятого в ММК термина «норма», поскольку последняя является лишь одним из видов стандарта. Другие виды стандартов – это различные отклонения от нормы, которые также всегда стандартизированы. Примером могут служить Уголовный кодекс и медицинская диагностика. Поэтому каждое выполнение деятельности актуализирует, а каждый вовлеченный в нее предмет реализует некоторый стандарт: либо норму, либо стандартный вид отклонения.

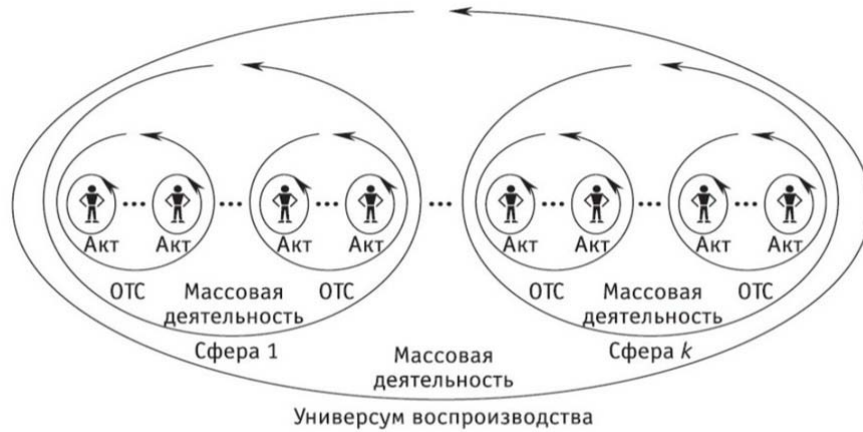
Исходным пунктом конструирования понятия института будет идея Георгия Петровича Щедровицкого, что *институт является специфическим типом стандарта, задающего сферу деятельности*, а также целый ряд соображений, касающихся особенностей сфер деятельности и нормативного состава институтов, высказанных им на «Узком семинаре» в 1972 году⁷. Мой метод конструирования может быть охарактеризован как *пошаговое развертывание понятия* за счет последовательного соотнесения его с онтологическими схемами деятельности.

В методологии принято считать, что в системе человеческой деятельности имеется 4 иерархических уровня упорядоченных отношений включения⁸ (см. рис. 1 (Дубровский)).

⁷ Щедровицкий Г.П. Сферы деятельности. Методологическое мышление (тексты дискуссий на «Узком семинаре») // *Анналы ММК 1972-1* // *Наследие ММК*. М. (Готовится к печати.) – В.Д.

Здесь было бы полезным познакомиться также с еще одним методологическим представлением сферы деятельности, см.: [Генисаретский О.И. Сферический анализ и задачи методологической организации деятельности. Рукопись. ~1976 \(и схема к тексту\).](#) – *Ред.*

⁸ Дубровский В.Я. Введение в системодетельностный подход (Лекции в Академии народного хозяйства, 2008) // *Очерки по общей теории деятельности*. М.: ННФ ИР им. Г.П. Щедровицкого, 2011. – В.Д.

Уровень воспроизводства	Тип стандартов
универсум	универсальные ценности
сферы	институты
ОТС	протоколы
акты	способы

Рис. 1 (Дубровский). Иерархическая организация воспроизводства деятельности и соответствующие типы стандартов

Универсум самовоспроизводства деятельности включает *сферы массовой деятельности*. Сферы массовой деятельности включают различные *организационно-технические системы (ОТС)*, которые, в свою очередь, включают координированные *акты индивидуальной деятельности*. Каждому уровню организации деятельности соответствует свой тип стандартов. Это соответствие изображено в таблице, где самовоспроизводству массовой деятельности соответствуют универсальные ценности, сферам – институты, ОТС – протоколы координации, субординации, коммуникации, актам – способы, включающие цели, методы, процедуры и операции.

В соответствии с противопоставлением норм и реализации стандарты следует отличать от *систем деятельности, которые актуализируют эти стандарты*. Как квазиуниверсум сфера является самовоспроизводящейся и, следовательно, должна включать задающий ее стандарт – институт. Получается, как показано на схеме, что, будучи частью сферы, институт рефлексивно задает всю сферу целиком (рис. 2 (Дубровский)). Это позволяет сформулировать исходное определение института как стандарта, рефлексивно задающего сферу массовой деятельности.

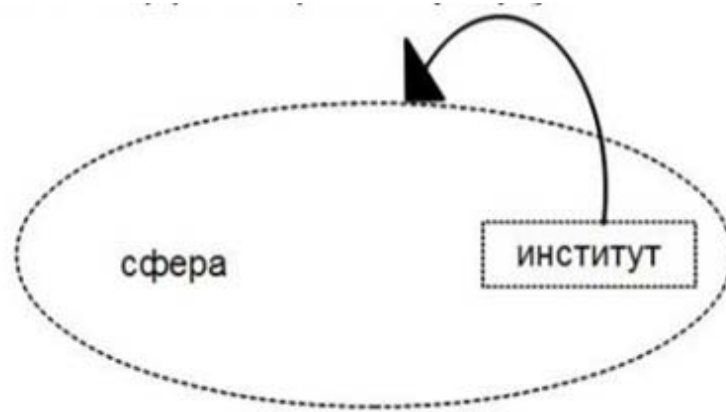

Рис. 2 (Дубровский). Институт – стандарт, рефлексивно задающий сферу массовой деятельности⁹

Сфера имеет особый тип структуры. Элементами этой структуры являются отдельные *учреждения*, которые часто тоже называются «институтами». Совокупная деятельность этих учреждений образует массовую деятельность сферы, актуализирующую институт. Можно выделить четыре основных типа «сферных» конфигураций или структур:

- 1) *иерархии*, основанные на субординации авторитетов и полномочий, распоряжений и отчетов;
- 2) *рынки*, понимаемые в широком смысле конкурентного обмена;
- 3) *сети*, основанные на взаимных обязательствах и доверии;
- 4) *правление*, основанное на законодательстве, авторитете, надзоре и принуждении¹⁰.

Как отмечал Георгий Петрович [Щедровицкий], сфера имеет необычное *открытое* и *незамкнутое* единство. *Открытость* (о замкнутости ниже) позволяет включать в сферу новые компоненты и удалять из нее существующие, не нарушая ее единства.

Возникает вопрос: как отражается *массовость* сферы деятельности на форме и содержании института как ее стандарта? Георгий Петрович характеризовал массовую деятельность как популятивный объект¹¹ типа речи и предложил рассматривать отношение массовой деятельности и ее норм как подобное

⁹ Несмотря на внешнее сходство знаковой фигуры на рис. 2 (Дубровский) с известной схемой самоорганизующейся системы В.А. Лефевра (*Лефевр В.А.* О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965), содержание этих схем совершенно различно. В то время, как рефлексивный элемент системы в схеме Лефевра – «проект» – выполняет функцию образца для единичного системного целого, в схеме на рис. 2 (Дубровский) сфера не есть целое, она – открытый и незамкнутый квазиуниверсум (обозначен пунктирной линией), а институт, в силу своей парадигматико-синтагматической организации, не может служить проектом-образцом единичного объекта. Например, парадигматико-синтагматическая система языка не может служить образцом для речевого построения этого конкретного доклада, хотя все доклады должны следовать правилам языка. – В.Д.

¹⁰ *Thompson, G., Frances, J., Levacic, R. and Mitchell, J.* Markets, Hierarchies & Networks. The Coordination of Social Life. London: Sage Publications, 1991. – В.Д.

¹¹ *Щедровицкий Г.П.* Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования. Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976 [Перепечатано в сб.: Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: 2005. С. 245–284]. – В.Д.

отношению речи и языка. Согласно этому предложению, институт должен включать *парадигматику структурных единиц*, состоящих из учреждений и конфигураций сферных связей (рыночных, иерархических, сетевых и связей правления), и *синтагматику правил синтеза структурных единиц*.

Согласно Г.П. Щедровицкому, каждая сфера может существовать только как массовая деятельность определенного типа. Верно и обратное: типы деятельности существуют только в виде сфер деятельности. Поэтому, чтобы задать сферу деятельности определенного типа, институт должен включать стандарты всех уровней этой деятельности, особым образом соорганизованные и таким путем насквозь задающие этот тип деятельности на всех иерархических уровнях.

Чтобы соорганизовать в рамках института стандарты всех уровней деятельности данного типа, воспользуемся следующим *«правилом типа»*, которое является частным случаем общесистемного принципа соотнесения мест и наполнений структурных элементов. Стандарт данного уровня задает тип стандарта более низкого уровня, позволяя индивидуальным стандартам варьировать в рамках типа.

Если помните, исторически сформировавшиеся *универсальные ценности* жизни, свободы, любви, справедливости, веры, познания и другие относятся к типу стандартов, соответствующих уровню универсума массовой деятельности¹². В соответствии с «правилом типа» универсальная ценность как принцип задает *тип института*. Например, ценностной принцип веры задает организованную религию как тип института, а не как отдельный институт определенной деноминации, например, Русской православной церкви. Это различие принципиально. Очевидно, что воспроизводящиеся сферы деятельности задаются *конкретными институтами*, а не типами институтов: организованная религия не воспроизводится, но русское православие – да. В интенции то же самое касается и других деноминаций.

В соответствии с тем же «правилом типа» институт задает *институциональные типы учреждений*, например, институт здравоохранения задает такие специфические для этой сферы учреждения, как поликлиники, больницы, лаборатории и прочее. Точно так же и институциональные учреждения задают и *тип ОТС*, а значит, и тип ее структуры, то есть тип ее *миссии* (организационного аналога цели акта деятельности) и тип должностей – статусов и обязанностей. Например, тип миссии, номенклатура должностей и обязанностей для средней школы будут очевидно иными, нежели для больниц. ОТС задает и *типы протоколов координации, субординации и коммуникации*. Очевидно, тип расписаний школьных уроков как протокол координации отличается от расписания взлета и посадки самолетов в аэропорту. В свою очередь, протокол задает и *типы способов осуществления актов деятельности*, допуская вариации способов в рамках типа. Например, ресторанный скрипт, или «сценарий», задает специфические типы ролевых способов деятельности посетителя, официантов,

¹² См., например: *Конт О.* Курс положительной философии. СПб.: 1899; *Parsons T.* Essays on sociological theory. N.Y.: 1964. – В.Д.

метрдоителя, поваров и т.д. Из вышеизложенного видно, что *иерархическая структура института отражает иерархическую структуру типа деятельности*.

Поскольку сфера воспроизводится, она должна включать компоненты, функционирование которых служит *механизмом воспроизводства сферы*. Это означает, что парадигматика института должна включать структурные единицы воспроизводства, элементами которых, согласно Лефевру, Щедровицкому и Юдину¹³ (статья 1965 года), являются учреждения практики, обучения, стандартизации и трансляции культуры, связанные конфигурацией кооперативных связей. Например, парадигматика сферы образования должна включать единицы воспроизводства обучения, каждая из которых включает один из следующих учреждений практики: ясли, детские сады, школы, техникумы, училища или университеты, типы педагогических учреждений, подготавливающие педагогов соответствующего уровня (педучилища, пединституты или университеты), учреждения, устанавливающие соответствующие стандарты обучения и педагогической профессии, разрабатывающие учебные программы, методики, тесты, а также аккредитующие и лицензирующие агентства. Наконец, в сферу необходимо включать и учреждения, ответственные за трансляцию культуры педагогической традиции и опыта, например, музеи, архивы, агентства повышения квалификации.

Рис. 3 (Дубровский). Структурная единица воспроизводства¹⁴

¹³ [Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М.: 1965.](#)

¹⁴ Дубровский В.Я. Указ. соч.

Таким образом, составляющие института – структурные единицы воспроизводства – являются основным фактором постоянства деятельности определенного типа.

Институциональная *стандартизация* пронизывает иерархические уровни деятельности *сверху вниз*, тогда как *актуализация* институциональных норм происходит в противоположном направлении – *снизу вверх*. Координированные акты индивидуальной деятельности составляют коллективную деятельность ОТС, совокупная деятельность ОТС образует массовую деятельность сферы, воспроизводство сфер является механизмом самовоспроизводства универсума массовой деятельности. При этом на всех уровнях актуализации случаются отклонения от норм, которые ставят под угрозу воспроизводство деятельности.

Следует отметить, что на всех уровнях деятельности нормы транслируются не изолированно, а в виде структурных единиц – *стандартов* (см. рис. 4 (Дубровский¹⁵)), которые, помимо норм, включают стандарты отклонений или норм запретов, а также норм реакций как на нормальное действие, так и на различного рода отклонения. Обратите внимание на роль норм реакции в *стабилизации* институциональных норм и задаваемого ими типа деятельности на всех уровнях иерархии. Награждение и вознаграждение направлены на поощрение, соответственно, идеальной и допустимой актуализации. Наказания направлены на предотвращение нарушений. А главное: деятельности корректировки, абсорбирования и компенсации направлены на исправление последствий отклонений. Таким образом, *включение единиц стандартов в парадигматику института обеспечивает стабильность как самому институту, так и задаваемой им сфере*.

Рис. 4 (Дубровский). Структура стандарта

Включить следующий слайд в презентацию побудили меня замечания Вячеслава Марача и Веры Даниловой на предварительном обсуждении.

¹⁵ Дубровский В.Я. Нормы и отклонения с системодетельностной точки зрения // Кентавр. 38 и 39. 2006. – В.Д.

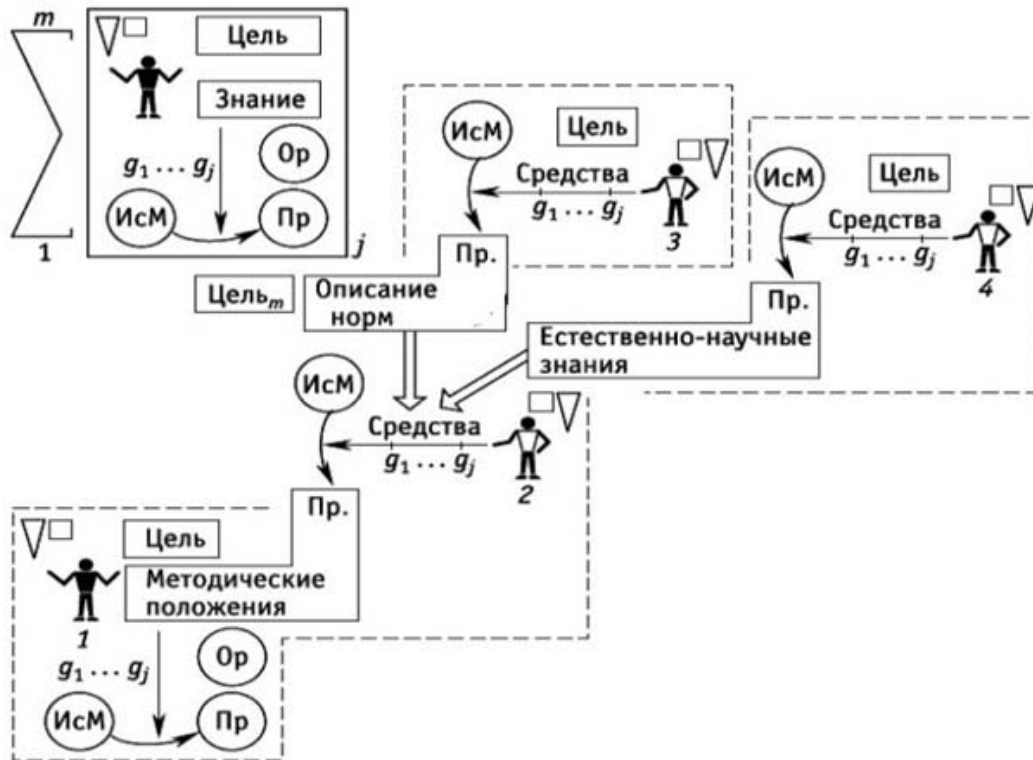

Рис. 5 (Дубровский). Структура частной методологии

Согласно представленной всем известной схеме частной методологии¹⁶, практик (индивид-1) при попытке осуществить акт деятельности наталкивается на затруднения, которые сам преодолеть не может, и поэтому обращается за помощью к методисту (индивиду-2). В общем случае методист как инженер разрабатывает проект предписания нового способа осуществления акта на основании исторических (индивид-3) и естественно-научных знаний (индивид-4), а также требований к предстоящей деятельности. Эта древняя, 1967 года схема применима лишь к актам деятельности. Впоследствии, в 1980-е годы, Георгий Петрович разработал сферно-фокусные схемы, выполняющие похожие функции уже по отношению к ОТС. В общем случае речь идет о *частной методологии*, обеспечивающей разработку *новых стандартов* деятельности определенного типа.

Для нас здесь важны три момента.

Первый. В связи с постоянным изменением ситуаций и условий деятельности, парадигматика современного института должна содержать единицы частной методологии, структура которой образуется из учреждений, поставляю-

¹⁶ Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я. Научное исследование в «системе методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск: 1967. С. 105–116. См. также: Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности (сх. 7к) // Сб.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975 [Перепечатано в сб.: Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 233–280]. – В.Д.

ших необходимые для стандартизации мыслительные средства, и соответствующей конфигурации сферных связей.

Второй. Включение в парадигматику института таких единиц обеспечивает устойчивость деятельности за счет приспособления ее к изменяющимся условиям.

И третий. Частно-методологические единицы добавляют к воспроизводству сферы вектор развития деятельности.

Рассмотренные выше постоянство, стабильность и устойчивость институтов рассматриваются в социальных науках как отличительные и даже определяющие характеристики этого типа стандарта¹⁷.

Мы рассмотрели системодетальностное понятие института, его структуру, общую всем типам деятельности. Как мы видели, эта структура обеспечивает как самому институту, так и задаваемой им сфере деятельности постоянство воспроизводства, стабильность по отношению к различного рода отклонениям от норм и устойчивость по отношению к изменениям ситуаций и условий деятельности.

Следует отметить, что Георгий Петрович вводил понятие сферы, делая акцент не столько на массовости деятельности, как это делал я, сколько на ее развитии. Он утверждал, что именно развитие деятельности, ее стандартов является самоцелью существования сферы. Конечно, он не антропоморфизировал сферу, приписывая ей сознательную цель, – он имел в виду, что понятие развития применимо к данному типу деятельности только после ее обособления в сферу, то есть после ее институционализации. До этого можно говорить только о формировании или становлении типа деятельности в контексте развития другой деятельности, уже обособившейся в сферу. Другими словами, только обособившись в сферу, деятельность определенного типа, включая методологическое мышление, приобретает способность самостоятельного развития.

Возникает вопрос: не будут ли все эти распрекрасные характеристики институционализированной деятельности – постоянство, стабильность и устойчивость – препятствовать ее развитию? Казалось бы, ответ на этот вопрос дает наличие единиц частной методологии в парадигматике института, где самим их назначением является разработка новых стандартов деятельности, а значит, и ее развитие. Однако, в то время как частная методология очевидно может служить средством развития любого обычного типа деятельности, ее применимость к институционализированной общей методологии не очевидна.

Представляется, что при обсуждении социализации и институционализации методологического мышления эта проблема заслуживает самого пристального внимания. Может оказаться, что частная методология не способна обеспечить развитие норм общей методологии. В таком случае должна быть разрабо-

¹⁷ «Институты по определению являются наиболее устойчивыми характеристиками социальной жизни» (*Giddens A. New Rules of Sociological Method. London: Hutchinson, 1976. P. 24*). «Институционализацией называют процесс, в результате которого нормы, ценности и способы поведения организуются в прочные, стандартные и предсказуемые структуры (patterns)» (*Harre R. & Lamb R. (eds). The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Cambridge, MA: The MIT press, 1983. P. 311*). Согласно Парсонсу, именно институты обеспечивают интеграцию и стабильность социального порядка (*Parsons T. Essays on sociological theory. N.Y.: 1964*). – В.Д.

тана иная единица деятельности, служащая этой цели. Возможно, что схема мыследеятельности может послужить исходным пунктом такой разработки.

У меня есть еще минута?

Щедровицкий. Да.

Дубровский. Я только перечислю линии дальнейшего развертывания, но если у меня есть еще четыре минуты, я могу их развернуть.

Щедровицкий. Четырех нет, Виталий Яковлевич.

Дубровский. Тогда – вот эти линии. Институт как тип нормы, задающей *систему* сферы деятельности, – идея простая. Я, в основном, говорил о кинетическом слое системы деятельности. Есть еще три других слоя, которые должны быть развиты: функциональные, динамические и генетические структуры сфер массовой деятельности.

Благодарю за внимание!

Щедровицкий. Коллеги, можно задать три вопроса. Преимущество у будущих докладчиков.

Розов. Дорогой Виталий Яковлевич, спасибо большое за доклад! Вы представили чрезвычайно внушительную картину, которая мне напомнила «Эннеады» Плотина. Есть множество различий, конфигураций слоев, уровней. Все это работает на стабильность. Немного Вы говорили про развитие. Насколько я знаю, занимаясь макросоциологией, такие сферы иногда развиваются бурно и взрывным образом, иногда медленно, иногда стагнируют на столетия, а иногда просто деградируют и погибают, что, например, случилось с прекрасным русским инженерным образованием. Что в Вашей схеме позволяет объяснить историческую динамику и эволюцию?

Дубровский. Это, конечно, очень сложный вопрос. В тех схемах, которые я показал, оснований для такого объяснения не содержится. Но если мы, например, возьмем и посмотрим на взаимодействие сфер деятельности, то на уровне сфер деятельности происходит постоянное брожение, возникают новые сферы деятельности – и, главное, иногда одни сферы деятельности ассимилируют другие сферы деятельности: они как бы всасывают в себя ОТС и способы деятельности, реформируют их, изменяют стандарты. Скажем, в одном случае доминирует теология – в другом случае наука начинает доминировать. Все осложняется еще и тем, что сферы деятельности могут ассимилировать друг друга, и каждая из них стремится стать метасферой.

Но, с другой стороны, причины, механизмы исторической динамики и эволюции лежат в других слоях системы, например, в слоях динамической структуры: что там происходит? Начиная с демографии и заканчивая различиями политических движений, может быть стагнация или развитие. Поэтому в том материале, который я сравнительно подробно представил, у меня нет оснований для ответа на Ваш вопрос – он лежит как раз в линиях дальнейшего развития.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас к микрофону. Представьтесь заодно.

Лобанов. Лобанов Владимир Иванович, НИИ «Комета». Я занимаюсь разработками оборонных систем управления. Вопрос такой: знаком ли доклад-

чик с работами Порецкого Платона Сергеевича¹⁸? Не торопитесь с ответом. Если не знакомы, то невежда. Если знакомы, то бестолочь.

Дубровский. Не знаком.

Щедровицкий. Спасибо. Денис Александрович.

Ковалевич. Виталий Яковлевич, добрый день. Скажите, пожалуйста, в Вашей картине мира мышление – это то, что работает на стабилизацию института и нормы, или то, что их подрывает и разрушает?

Дубровский. Может быть и то, и другое.

Щедровицкий. Коллеги, спасибо большое! Спасибо, Виталий Яковлевич.

Всех призываю к экологии коммуникации!

Николай Сергеевич, прошу.

Н.С. Розов

Институциональные аспекты мышления и проблема современного кризиса философии¹⁹.

Доклад и вопросы по докладу

Розов. Дорогие друзья, дорогие коллеги, я очень польщен, что мне дана возможность выступить здесь вторым после столь основательного доклада профессора Дубровского.

Я должен сразу признаться, что до того как Петр Георгиевич попросил меня рассказать про институты мышления, институционализацию мышления, я про это ничего не знал. Но я, по крайней мере, знаю, что такое институты и что такое мышление. Об институтах я много писал в последней книге «Колея и перевал»²⁰, а проблематика мышления мне знакома, поскольку за плечами психологический факультет МГУ. К тому же, как я понял, есть общий интерес разобраться с тем, что происходит в философии, а именно с кризисом современной философии. Эта тема меня давно волновала, и в книге «Философия и теория истории»²¹ одна из важных тем – это кризис философии и пути его преодоления. В той же книге я пытался ответить на вопрос: чем определяется вечность философских проблем? Это имеет прямое отношение к тематике нашего сегодняшнего заседания.

Сразу скажу, что мой доклад не методологический и не философский. Подход здесь макросоциологический, вполне научный. И сейчас я покажу, как я идентифицирую свою позицию.

¹⁸ Порецкий Платон Сергеевич (1846–1907) – русский астроном, математик. Автор первых в России трудов по математической логике. – *Ред.*

¹⁹ См. также файл [презентации](#).

²⁰ *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. – *Н.Р.*

²¹ *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. – *Н.Р.*

Будет представлен подход:

- рационалистический – никакой мистики;
- вполне западнический – то есть никаких поклонов восточной мудрости, сейчас модной;
- классически научный – и в постнеоклассику я не верю, и ценность категории «мыследеятельность» как-то мне не очень понятна;
- концептуальный – то есть буду работать с относительно строгими понятиями;
- позитивистский – то есть опирающийся на реальный опыт, на исторические данные, насколько возможно;
- конструктивный, то есть будут предложены структуры, полезные для последующей работы;
- и, что очень важно, особенно в сопоставлении с предыдущим докладом: мой подход – конфликтный, динамический и исторический.

То, что мы сейчас слышали (это было понятно из моего вопроса В.Я. Дубровскому), я воспринимаю как статичный, ориентированный на гармонию, системно-функциональный подход. То есть от Плотина – к Лейбницу и Парсонсу. Я же буду говорить больше о конфликтах, о динамике и об истории. Такова традиция от Гераклита – к Марксу и Коллинзу.

В чем же состоит проблема? Кризис современной философии понимается как совокупность следующих явлений: падение общественного престижа, отсутствие популярных, широко известных философов после Сартра и Поппера, причем нынешние философские трактовки уступают в значимости и известности в сравнении с научными, экономическими, политологическими, социологическими, историческими. Конечно же, о кризисе свидетельствует всем известное сокращение, падение роли философии в университетском образовании, стагнация, упадок, маргинализация философских факультетов (детальнее см. в книге «Философия и теория истории»²²).

Как я понимаю философию? Здесь явно намечаются большие дискуссии по этому поводу. Предлагаю следующее определение.

Философия – это дискурсивное мышление, направленное на разработку и критику предельных оснований суждений и решений, а также на построение целостного, осмысленного образа мира, места и роли в нем разумных существ.

На самом деле, внутри здесь кроется противоречие, и оно имеет ключевое значение для развития философии. Действительно, каждый построенный целостный и осмысленный образ мира (части, аспекта мира) рано или поздно обнаруживает слабость оснований. Однако критика этого образа, сосредоточенность философов только на основаниях, различениях, нюансах всегда приводит к потребности в целостном осмысленном образе, который опять кем-то строится и потом вновь подвергается критике. В самом ядре философии как многовековом проекте заложено это противоречие интеллектуальных стремлений, но оно же и

²² Розов Н.С. Философия и теория истории... Указ. соч.

порождает все новые конфликты, которые движут философское мышление вперед²³.

Как я попытаюсь выявить причины кризиса? Расскажу об институциональных аспектах мышления вообще, о факторах подъемов и упадков, о последних институциональных сдвигах. Контрпримеры я опущу за недостатком времени. Было проведено лишь пилотажное исследование, какой-то основательной эмпирической базы, к сожалению, пока нет.

Как понимается социальный институт? Прежде всего, это устойчивый комплекс предписывающих, ограничивающих *правил поведения* (это вполне сопоставимо со стандартами у В.Я. Дубровского) и подкрепляющих их *символов* (это очень важно: символы соединяют традицию институционализма Р. Мертона с традициями Дюркгейма, культурологии). Данный комплекс регулирует какую-то из сторон деятельности, организует *взаимодействие*, где очень важна система *позиций* (это детально разработано в методологии Щедровицкого), *статусы* в престиже и доступе к *ресурсам*, за которые всегда идет борьба. Здесь очень важна конфликтная динамика, что, мне кажется, требует особого внимания. Взаимодействия по правилам и ресурсы используются в институте для выполнения различных *стратегий, деятельностей, практик* и проч.

На рис. 1 (Розов) представлена упрощенная графическая схема. Здесь показаны позиции, а также символы – то, во что люди верят, их святыни, всегда связанные с их самоидентификацией. Интерактивные ритуалы – исключительно важное понятие, разработанное у Гофмана и Коллинза²⁴, радикально расширивших дюркгеймовское понимание ритуала. Нет институтов без регулярных, поддерживающих отношения и позиции ритуалов. Правила, нормы в социологии хорошо изучены, про стандарты уже сегодня много было сказано. А вот про ресурсы не было сказано, и они, кстати, очень разные, в том числе силовые, символические, социальные – про каждый можно много говорить. Стратегии деятельности, действия и просто реакции – все это вполне понятно.

Мышление я предлагаю, вслед за Максом Вертгеймером, понимать прежде всего как *мышление продуктивное*, то есть направленное на постановку и решение задач.

Значит, *институты мышления регулируют взаимодействия между людьми, которые ставят и решают задачи*. При этом институты придают этим людям *статусы* и определяют порядок их *доступа к ресурсам*.

Соответственно, институционализация – это упорядочение первоначально разовых спорадических взаимодействий, возникающих при постановке и решении задач, в регулярные отношения с позициями, правилами, ритуалами, статусами, доступом к ресурсам.

²³ Идея интеллектуального конфликта относительно общих и абстрактных оснований как главной движущей силы развития философии развернута в фундаментальном труде: Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Перевод Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм.) Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – Н.П.

²⁴ Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004. – Н.П.

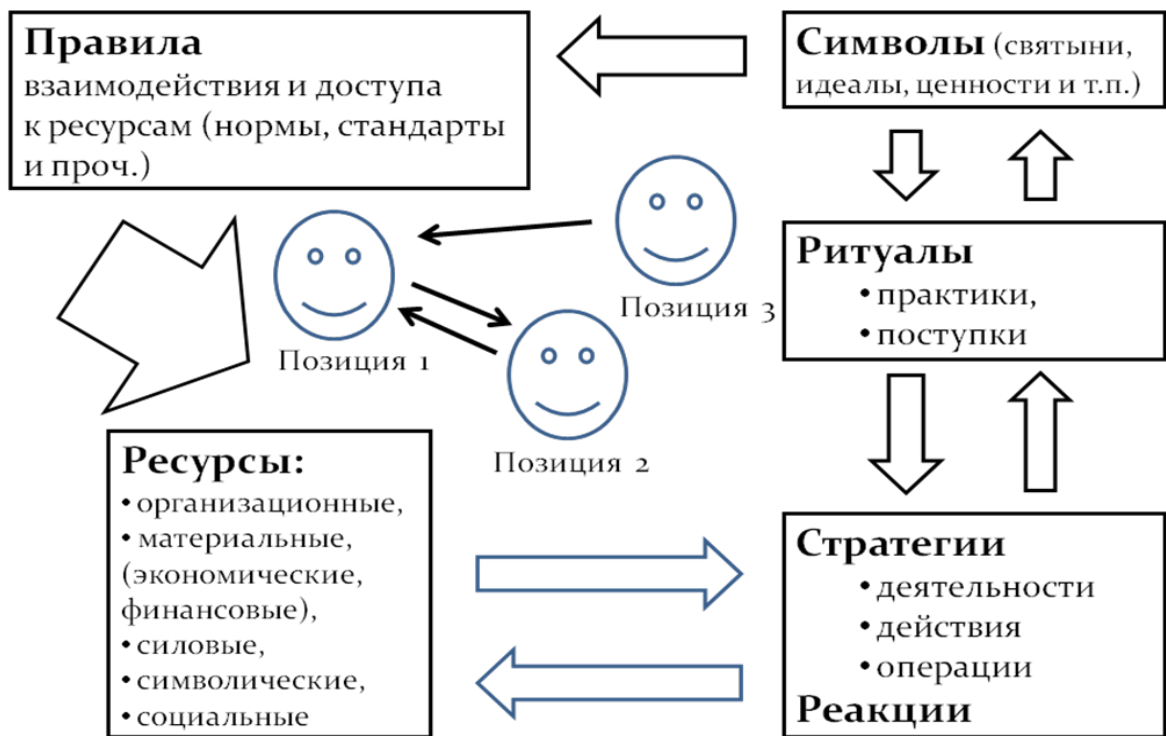

Рис. 1 (Розов). Графическая схема социального института

Далее я предлагаю различать три основных типа институтов мышления.

Первичные институты – может быть, их лучше назвать непосредственным взаимодействием тех, кто осуществляет мышление, или же актами мыслительности, а с точки зрения социологической это, конечно же, ритуалы, а именно – *интеллектуальные ритуалы*. Сюда входят семинары, конференции, симпозиумы (то, что происходит у нас сейчас, в эти секунды); конечно же, игры, форумы в интернете. Иными словами, первичные институты имеют место там, где мышление происходит *здесь-и-сейчас* между присутствующими.

Вторичные институты – то, что у В.Я. Дубровского было названо учреждениями. Таковы организации и процессы, обеспечивающие условия для этих интеллектуальных ритуалов. НИИ, академии, профессионально-экспертные ассоциации (на заседании одной из них мы сейчас присутствуем). Структуры и процессы подготовки защиты диссертаций также сюда входят, поскольку в этих явлениях участвует много различных учреждений и там есть свои стандарты и правила взаимодействия. Периодические издания, включающие рецензентов, редакторов, издание научных и философских монографий, сборников – все это также вторичные институты мышления.

И, наконец, есть *третичные институты мышления*, создающие условия для существования первичных и вторичных институтов. Исторически это была церковь, позже государство. Именно церковь учреждала и курировала университеты. Затем центр тяжести перешел к государству, оно стало финансировать академии, НИИ, исследовательские центры и до сих пор это делает. Международные организации, бизнес-сообщества, спонсирующие интеллектуальные центры, также получают статус третичных институтов. У нас бизнес не очень пока раскошеляется, а на Западе, как известно, бизнес весьма щедро спонси-

рует университеты, экспертные центры, think tanks и т.д. А также образованный класс оказывает поддержку тем, кто занимается мышлением (постановкой и решением задач). Действительно, каждый из нас как-то поддерживает друг друга, мы поддерживаем интеллектуалов как материально, оплачивая обучение детей, покупая книги, так и символически – через признание, общественное внимание и репутацию, что для интеллектуалов зачастую важнее, чем деньги.

Теперь, на основе этого общего понятийного каркаса, рассмотрим основные вехи – главные взлеты – в истории европейской философии как наиболее длительной и лучше всего нам знакомой развивающейся традиции мышления и соответствующих институтов.

Яркие случаи *подъемов европейской философской традиции* всем известны, я их перечислять не буду. Каждый раз мы видим очень яркие фигуры, яркие труды, яркие идеи. Что любопытно, так это наличие общих черт, несмотря на все различия. Особенно важно, что каждый раз имела место способность философов ассимилировать текущее научное знание и использовать его в собственной аргументации. Причем до начала XIX века, как известно, науки развивались медленно, и такой учет современных научных достижений вообще не составлял проблемы. На философском факультете – подготовительном в университетах средневекового образца – изучались почти все науки, тогда существовавшие. Как известно, Лейбниц был последним человеком, который знал всё, – очень меткое замечание русского историка В.И. Герье и основателя кибернетики Н. Винера²⁵.

Ситуация стала резко меняться после университетской революции в Пруссии в начале XIX века, когда был создан т.н. Гумбольдтовский университет – та модель, к которой мы привыкли. С этих пор философы уже не способны быть на уровне широкого круга современных научных достижений. Понятное чувство резиньяции, зависти к престижу ученых ведет многих философов на тропу отчуждения от науки, горделивой самоизоляции, что бьет уже по самой философии.

Рассмотрим известные периоды упадка философии. Таковы «осень Средневековья», кризис докантианской метафизики XVIII века, кризис немецкого идеализма (примерно середина XIX века), деградация и крах советской философии. Здесь мы можем видеть те же факторы, но с обратным знаком: прекращение интеллектуальной конкуренции, отставание от текущего развития научного познания, проигрыш альтернативным направлениям, жесткая привязанность к старым институтам.

Развитие социальных наук исключительно важно для судеб философии в XX веке. В последнее десятилетие – это бурное развитие также когнитивных наук: от психологии восприятия до искусственного интеллекта. То есть «человек в мире» – это уже не монополюбно философская тема. При этом, кроме участников узких сект гуссерлианцев и хайдеггерианцев, уже никто не верит

²⁵ Лейбниц был «последним из счастливых, которым удалось обзреть в своем уме все обширное поле наук и содействовать развитию каждой из них» (В. Герье). «После Лейбница, быть может, уже не было человека, который бы полностью охватывал всю интеллектуальную жизнь своего времени» (Н. Винер). – Н.Р.

в привилегированный доступ философов к сознанию и Бытию. И сами философы, по-моему, не очень уже в это верят.

Тройной триумф специализации. Во-первых, в эпоху бурного расширения функций государства, а значит, и бюрократии, происходил бюрократический рост, соответственно, имело место умножение подразделений и углубление специализаций. Про дифференциацию наук все знают – это второй важнейший тренд. После Второй Мировой войны начинается также бурный рост экспертных сообществ – специализированных научных институтов – и они работают, как правило, на соответствующие подразделения бюрократии²⁶.

Подытоживая, можно говорить о *трех главных причинах* современного кризиса философии. При плотном взаимодействии разнообразных институтов мышления главное значение начинают обретать результаты эмпирических научных исследований. Главное признаваемое основание суждений теперь – это уже не метафизика и не священные книги, а то, что дают результаты научных эмпирических исследований. Науки разрослись, усложнились. Философия утратила прежнюю способность полностью ассимилировать, использовать их результаты. Претензии на прямой доступ к сознанию и Бытию тоже потерпели фиаско. При этом престиж сферы мышления, как всегда, определяется близостью к элитам, власти и принятию решений. В условиях тройного триумфа специализации – в бюрократии, в науках и в экспертных сообществах – философы и философия остались «за бортом». Где нет престижа, туда не идут таланты. Далее уже действует обратная связь: потенциальные таланты в мышлении идут не в философию, а в науку и экспертные сообщества, что вновь оставляет философию без общественного престижа, без близости к власти и политическим решениям, без грантов и без талантов в новых поколениях.

В истории европейской мысли выделим *две большие философские эры*. В каждой есть период подъема, основной («высокий», «классический») период главных достижений и период упадка.

В первую эру философия конкурировала с религией. Период подъема – «Золотой век» в Древней Греции – именно потому и произошел, что религия и церковь были еще очень слабы.

В основной период первой философской эры – в высоком Средневековье – конечно же, философия расцвела именно как религиозная.

Пересечение эр, равновесие было крайне напряженной, конфликтной и продуктивной для философии эпохой – таково Новое время.

Вторая философская эра – это уже преимущественно *отношения между философией и наукой*. Период подъема здесь – это философия XVII–XVIII вв., когда усилиями философов научное мировоззрение все больше атаковало все еще доминировавшую религию. Венцом этих процессов и началом периода высокой классики второй философской эры был ранний немецкий идеализм, философия Канта, Фихте, Шеллинга. Неслучайно главные их произведения посвящены наукам, попыткам превратить философию в науку, философски ос-

²⁶ Одна из наиболее значимых разновидностей этого типа институтов (think tanks) описана в книге: Диксон П. Фабрики мысли. М.: Прогресс, 1976. – *Ред.*

мыслить тогдашние научные достижения. Религия и церковь уже ослабли, а науки еще недостаточно усилились.

В основной период, в течение примерно 150 лет (с начала XIX века до 1960-х гг.) философия удерживала лидирующие позиции (тогда расцветали и охватывали умы гегельянство, позитивизм, материализм и марксизм, неокантианство, махизм, эмпириокритицизм, логицизм, психологизм, эволюционизм, либерализм, феноменология, экзистенциализм и др.). Однако после Т. Куна, К. Поппера и Ж.-П. Сартра, после упадка логического позитивизма и экзистенциализма мы до сих пор находимся в периоде упадка влияния и общественного признания философии. Ведь XX век – это бурный рост престижа науки, с откровенным ее доминированием как раз начиная с 1960-х гг.

В этом контексте самый волнующий философский вопрос: *возможна ли третья философская эра?* Причем нынешние условия весьма жесткие, о них уже говорилось выше. В сфере общественных проблем, человеческого бытия уже доминируют специальные науки. Стало понятно, что у философов нет никакого «прямого доступа» к Бытию. Приходится признать неспособность философии овладеть широтой и глубиной современных научных познаний. Можно ли вернуть философии общественный престиж, влияние, причем не политтехнологически (читай, жульнически), а по-настоящему – субстанционально?

Последние волны социальных протестов, революций, волн насилия показывают уязвимость социальных устройств (о кризисном положении России и сущности глобального экономического кризиса см. в книге *«Колея и перевал»*²⁷).

Здесь я уже говорю о проблемах, о вызовах, на которые должна ответить философия. И суть здесь заключается в разрыве между основной частью населения и олигархатом, который везде – и в отсталых обществах, и в самых развитых – монополизировал власть, собственность и статус. Соответственно, речь идет о необходимости создания новых систем правил, новых стандартов взаимодействия в обществах. И *как* их создавать – это самый любопытный вопрос. Сама по себе наука на это, конечно, не ответит, притом что делается множество попыток со стороны экономистов, политологов и практических социологов. Тем не менее, принципиальные, фундаментальные вопросы должного, обоснование нормативности, разрешение ценностных конфликтов – это по-прежнему епархия философского мышления.

В международной системе, конечно же, остается множество острых конфликтов, чреватых насилием и войнами. Рано или поздно какие-то региональные структуры должны взять на себя ответственность – а для этого, опять же, нужна система правил взаимодействия, которая бы ограничивала свободу действия суверенных государств.

Совсем в иной сфере мы наблюдаем сходный вызов – конкуренция типов культуры: здесь речь идет уже не столько о военно-политическом противостоянии и не о соревновании в темпах экономического роста, но о том, *какая* культура может создать такие действенные внутренние «правила игры», которые

²⁷ Розов Н.С. Колея и перевал... Указ. соч.

обеспечивают благополучие, стабильное развитие страны, поддерживают солидарность, взаимную поддержку разных социальных слоев и групп. И тут мы знаем, что по некоторым параметрам (сплоченность семей, этническая солидарность, взаимопомощь, забота о стариках и др.) мусульманские сообщества выигрывают, хоть мы и считаем их отсталыми. Конкуренция разных типов культур – это та реальность, в которой мы живем и будем жить. В интеллектуальном плане это воплощается в борьбу мировоззренческих, ценностных, морально-религиозных позиций. Никакая наука разрешить такие споры не может. Если же переходить от рецидивов насилия, от бесплодного и пагубного взаимного идеологического очернительства на цивилизованный уровень мирных обсуждений, хотя бы для совместного выработки взаимоприемлемых правил сосуществования, то без постановки и решения общих – философских – вопросов здесь также не обойтись.

Глобальные проблемы всем известны, и всё здесь тоже упирается в новую систему правил, которых пока нет, и которые могли бы обеспечить если не решение, то хотя бы недоведение ситуации до опасных пределов, до бедствий.

Во всех этих сферах необходимы институты нового типа. Помним, что все предыдущие расцветы философии были связаны именно с появлением новых институтов – от философских школ до исследовательских университетов. Новые институты, прежде всего, должны иметь свой круг функций: анализ актуальных проблем, формирование целей и программ для научных коллективов, в том числе мониторинг эффективности этих новых систем правил. Здесь важно появление новых и разнообразных позиций, необходимость в новых символах, правилах и стандартах. В этом аспекте все перечисленные проблемные сферы остро конфликтны, причем ни одна из имеющихся сфер мышления, о которых я здесь упоминал, одна справиться с соответствующими проблемами не может.

Необходимо появление принципиально новых институтов, которые консолидировали бы усилия философов, ученых, экспертов, активистов, политиков. Соответственно, нужны аксиологические, онтологические и прочие основания формирования стратегий, решение вопросов, связанных с конфликтностью и единством, свободой и необходимым принуждением, демократичностью и целесообразностью и т.д.

Таким образом, необходим *тройственный союз*. Философы слишком долго отчуждались от науки и насущных общественных проблем, и во многом мы оказались в башне из слоновой кости – на наших кафедрах и в наших журналах с бесконечным пережевыванием «чисто философских» тем. Теперь нужен союз с *учеными-экспертами* и с *социальными проектировщиками и разработчиками* законопроектов, международных документов и т.д.

Не подходят здесь ни традиционные НИИ, ни исследовательские центры, ни фонды сами по себе. А что нужно? Должны появиться несколько взаимосвязанных мозговых трестов, у каждого должно быть финансирование из множественных источников, каждый должен быть связан с кластерами, сетями исследовательских и проектных групп, кафедр, центров, лабораторий. Также нужны временные исследовательские коллективы, долговременные исследования, об-

ратные связи, постановка новых задач. В общем, все это достаточно понятно для методологов.

Проясняются большие сферы актуальных философских проблем: прежде всего, философия политики и права. Следует ожидать бурного подъема актуальности проблематики связи должного и сущего, ценностных конфликтов, идеальных принципов и практической целесообразности. Полученную в научных исследованиях эмпирику следует систематически сопоставлять с новыми правилами и стандартами; нужно увязывать между собой звенья этой сложной цепочки: от выявленного дискомфорта через постановку проблем и их решений в виде систем ценностей, принципов и правил – до практического воплощения и мониторинга результатов и последствий. Отдельные центры и университеты с этим не справятся, но и создание больших бюрократизированных монстров ничего не даст, кроме вреда. Речь должна идти о гибких сетевых структурах, объединяющих как традиционные интеллектуальные центры, так и временные рабочие группы.

И похоже, что именно методологи лучше всего подготовлены для того, чтобы определить, какие здесь необходимы позиции, какие и перед кем нужно поставить цели, как организовать все это взаимодействие, включая туда и философов. Иными словами, необходим, может быть, альянс философов/методологов, ученых/экспертов (от культурологов, экономистов, правоведов до экологов, архитекторов-градостроителей) и законодателей/социальных проектировщиков.

Нужны будут исследования и разработки в области аксиологии и этики, а также в области философии истории, поскольку важно охватить масштаб происходящего в большой истории, в макросоциологии, и без этого сегодня как-то уже несерьезно обсуждать большие проблемы. Следует также наладить исследования и в философии науки, и в логике (это проблема когерентности между системами правил), поддерживать аналитическую философию²⁸, обращая ее к проблемам общественной практики. Герменевтика здесь оказывается тоже востребованной, потому что нужно будет иметь дело с символами, с реконструкцией ценностей в классических текстах – необходимо ведь культурно-историческое обоснование, оправдание стратегии, связанное с идентичностью каждой участвующей группы, конфессии, нации.

Общий вывод, связывающий институты, мышление, развитие философии и актуальные проблемы современного мира, представлю в следующих тезисах:

1. Нынешний, временами обостряющийся, временами угасающий, кризисный период глобальной турбулентности имеет глубокие причины, связанные как с естественными напряжениями бурного роста мировой цивилизации, так и с взрывным ростом социального и культурного разнообразия.

²⁸ Перспективы развития аналитической философии наметил в своем манифесте известный финский логик: Хинтика Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 3–17. – Н.Р.

2. После первой эры, когда философия вместе с наукой одолели религию, и второй эры, когда философия, увы, проиграла науке в общественном признании, теоретически возможно наступление третьей эры – нового витка развития философского мышления.
3. В современных условиях этот новый подъем философии возможен только через создание принципиально новых – гибких сетевых – институтов, соединяющих усилия философов, ученых и практиков, позволяющих диагностировать проблемы современного, чреватого кризисами, мира, разрабатывать новые основания для решения этих проблем, воплощать полученные знания и практические идеи в новых порядках социального взаимодействия.

Благодарю за внимание!

Щедровицкий. Спасибо. Коллеги, можно задавать вопросы. Прошу Вас. Только к микрофону и представляйтесь. И вы помните, что у нас после двух докладов еще дискуссия, поэтому вопросы вопросами, а суждения суждениями.

Вопрос. Спасибо коллеге за доклад. У меня такой вопрос: должны ли у институтов существовать акционеры? И если да, то что это за позиции должны быть? Диагноз Вы поставили, рассказали некий рецепт, как вылечить. А кто обладает этим правом?

Розов. Конечно же, то, о чем я говорю, – очень серьезная работа. Каждая серьезная работа должна быть оплачена. При этом должна быть определенная самостоятельность, автономия интеллектуалов от тех, кто платит и «заказывает музыку». Я считаю, что оптимальный здесь вариант – это фонды. То есть для фондов могут быть вкладчики, спонсоры, акционеры – все, кто осуществляет финансовую деятельность. Такие фонды обеспечивают деятельность упомянутых институтов. Акционеры – это те, кто вкладывает деньги, а потом хочет получать дивиденды. Тогда здесь речь идет уже немного о другом – о создании таких продуктов, которые имеют коммерческую ценность. Сумеют новые институты создавать такие продаваемые интеллектуальные продукты – значит, будет оправдано и акционирование, почему нет?

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас, Любовь Николаевна.

Цой. Ваше самоопределение произошло в контексте или в рамках макро-социологии, и у меня вопрос как у социолога. Не могли бы Вы сформулировать макросоциологический смысл институтов мышления?

Щедровицкий. Институтов или институционализации?

Цой. Институционализации мышления, да, наверное.

Розов. Я определял институты на уровне «мезо-» в смысле социального и временного масштаба. Учреждения – институты второго типа – как правило, существуют несколько десятков лет (за некоторыми исключениями – университеты, как мы знаем, могут и сотни лет существовать). Макросоциологический аспект существования таких институтов – это то, что с ними происходит в большом историческом времени: они погибают, развиваются, соединяются, трансформируются, – и почему, вследствие каких причин и факторов: почему в большом историческом времени в разные эпохи одни типы институтов появ-

ляются и процветают, другие приходят в упадок, разрушаются. Вот это – макросоциологические аспекты существования и развития институтов.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Ваш вопрос.

Чудновский. Я понимаю, что Вы излагали такую широкую рамку по поиску нового места философа в современном мире. И, в частности, упомянули о том, что, по-видимому, союз методологов и продвинутых философов является тем синтезом, который с большой долей вероятности изменит мир. Понимая Вашу заданную общую рамку, я хочу, тем не менее, спросить о некоторой прагматике. Возможно, Вы о ней думали, но философы живут в вечности, им не обязательно думать о прагматизме. Сколько веков потребуется на все эти изменения? И как практически Вы мыслите это снижение конфликтности – Вы постоянно говорили о ней как об объективно неустранимой реальности, – существующей конфликтности между *людьми*? Я не говорю – между учеными, между специалистами: просто между людьми. И может ли то, что Вы предлагаете – это опять прагматизм, выходящий за Ваши рамки, – изменить мир в таком реальном, видимом времени?

Розов. Прежде всего – о конфликтах. Конечно же, и Вам, и всем уважаемым коллегам я рекомендую, если кто еще не прочел, обязательно прочесть книгу Коллинза «Социология философий», где он на 1300 страницах обосновывает следующий тезис: *конфликт является стержнем и живительным соком развития мышления*. Речь идет не о том, чтобы уменьшить, погасить конфликты, и все бы друг друга любили в вечной платиновской гармонии. Речь идет о том, чтобы как раз установить системы правил, позволяющие превращать извечную и временами разрушительную человеческую конфликтность в плодотворную конкуренцию. При этом конфликт порождает творчество. У Коллинза речь идет только о достижении репутации интеллектуалами – некий аналог гонки бегунов. Однако нет принципиальных препятствий для разработки таких правил взаимодействия и институтов, которые направляли бы интеллектуальные конфликты и творческие таланты на общественное благо. Вопрос заключается в том, *как конвертировать* конфликт в такое творчество.

Теперь относительно того, сколько сотен лет понадобится. Вообще, мне кажется, что и XIX век с потрясающим развитием и наук, и технологий, и начало XX века демонстрируют нам, какие невероятные скорости в социальных, технологических, экономических процессах может набирать социальная эволюция. Есть и новейшие прецеденты создания, особенно с помощью новых технических средств, новых гибких и эффективных организаций. Возьмите хотя бы практически уже глобальную империю Google. Вопрос в том, смогут ли философы и ученые создать нечто подобное не для получения прибыли, а для исследования и преодоления неминуемых кризисов. Здесь гарантий никаких нет. То, о чем я говорил, – это вызов для нас, интеллектуалов. Это испытание. А сумеем ли мы адекватно ответить – вопрос философский.

Щедровицкий. Спасибо. И Ваш вопрос.

Винов. Вы указывали на утрату прямого доступа к Бытию как на одну из основных причин кризиса философии. Как Вы исторически исследуете и как Вы фиксируете эту утрату? Я задаю этот вопрос, поскольку эта утрата стано-

вится основной темой философии в XX–XXI веках с различением целей и смыслов онтологии и науки, начиная с Гуссерля, Хайдеггера и, я считаю, даже и Георгия Петровича Щедровицкого, а также и Жака Лакана.

Розов. Вы задали большой и сложный вопрос. Я не уверен полностью в своей правоте, но предложу жесткий тезис: *никогда* прямого доступа к Бытию у философов и не было! Это Хайдеггер считал, что до того, как произошла порча рационализмом, досократики напрямую общались с Бытием. Ерунда это всё! Или, как говорил Мераб Мамардашвили, «чушь зеленая»! Всегда у каждого разумного человека есть какой-то доступ к миру и Бытию, но только в своей ограниченной нише. Поначалу здравый смысл и наука просто не отделялись от философии. Когда говорят, что Аристотель – философ, я, конечно, улыбаюсь, потому что на самом деле его труды – это не только метафизика и логика, но еще и целый компендиум тогдашних научных текстов: и гуманитарных, и естественно-научных, – никуда от этого не денешься.

Потом получилось так, что в каждой нише, в каждом аспекте появилась своя, отпочковавшаяся когда-то от философии наука. И у нее, благодаря методам, стандартам и прочему, появился тот самый привилегированный доступ к собственной ограниченной предметной области: никто не знает лучше о жизни животных и растений, чем биологи, никто не знает лучше о разнообразии человеческих сообществ, чем антропологи, о человеческой психике – чем психологи... Когда философ заявляет, что он напрямую общается, скажем, с человеческим Бытием и при этом игнорирует современные исследования в антропологии, в психологии, социологии, – это ничто иное, как шарлатанство.

Щедровицкий. Прошу.

Вопрос. Поясните связку «должное и сущее». Кому Вы определяете роль определения должного, кто будет этим заниматься?

Розов. Это непростой вопрос. Здесь есть проблема взаимодействия между учеными-предметниками и философами, которые занимаются ценностями и проблемами должного. Есть еще философия политики, есть реальность разных социальных групп, у которых свои верования, свои символы, свои представления о должном, и каждый хочет чего-то своего. Сама политика – ответственная политика, а не политиканство, – занимается тем, что пытается согласовывать эти интересы через различные институты представительства и т.д. А еще могут прийти ученые и сказать: «То, что вы считаете должным, обернется огромным провалом, об этом свидетельствуют результаты наших эмпирических исследований и моделирования». Не учитывать эмпирику, которая получается учеными, тоже нельзя.

Пафос моего доклада и состоит в том, что есть сложнейшее взаимодействие онтологий и сфер должного, которые нужно учиться каким-то образом между собой соединять и конфигурировать. Для этого нужны новые институты и новый уровень мышления – и философского, и методологического.

Щедровицкий. Спасибо. Давайте поблагодарим Николая Сергеевича.

Переходим к дискуссиям. У меня есть две заявки. Вадим Маркович, пожалуйста. Пишите мне заявки.

Дискуссия по докладам

Розин. У меня соображения сначала по первому докладу. Доклад моего друга Виталия Дубровского выглядит очень описательно. Ну да, в рамках системодейательностной онтологии мы можем рассмотреть эту реальность институтов, но здесь, когда я слушал, я спрашивал себя: а где здесь проблемы? Какие проблемы его волнуют, когда он обсуждает институт? Где, собственно, приращение знания за счет этого? Совершенно безукоризненная конструкция, все логично и правильно, но по сути – описание. Описание некоего феномена. А зачем нам нужен этот феномен, какие проблемы возникают – не очень понятно. Это по поводу первого доклада.

Теперь по поводу второго. Меня как философа, естественно, тоже тянет совсем по-другому взглянуть на философию. И я, в частности, когда думаю, занимается ли философия анализом предельных оснований и выстраивает ли она общие мировоззренческие картины мира, сразу могу указать на массу философов, которые ни того, ни другого не делают – и, тем не менее, это очень уважаемые философы и они оказали большое влияние [на всех нас]. Это первое.

Второе: сделаны очень сильные обобщения, и они, мне кажется, опасны. Когда говорится, что философия победила религию, то сразу возникает масса возражений. Сама идея природы, на которой была основана наука, во многом шла из Средних веков и через переосмысление в религиозной картине как раз идеи творения: природа как сотворенная, природа как творящая, где сила и энергия... Только через религиозную картину это все вошло. Или когда мы берем ту основную картину, на которой разворачивалась наука – Декарт и прочее, – то ведь она вся по сути вышла из Средних веков.

Есть природа; над ней стоит человек. Человек, с одной стороны, элемент природы – а с другой стороны, он все равно сохраняет позицию демиургическую. Как Паскаль говорит: «Человек – слабый тростник, но он за счет мышления сразу поднимается над природой и может ее использовать». А я бы сказал, что ничего подобного! Наоборот, мы видим, что новая европейская философия – во многом продукт религиозного мироощущения, но она втянула в себя отчасти это мироощущение.

И последнее. Если я правильно понял, предлагается философию привязать к практике. Мне кажется, это очень опасное дело. Давайте подумаем над словосочетанием «прикладной философ» – может быть такое или нет? Даже когда речь идет о «частном методологе», это уже непростая проблема. А «прикладной философ», мне кажется, – это нонсенс. Все-таки философия – это имманентное движение мышления. А по мере того, как она развивает свои картины, знания и т.д., она может кем-то быть использована и в практике. Вот здесь тоже, мне кажется, возникают сложные проблемы.

Благодарю!

Щедровицкий. Спасибо, Вадим Маркович! Вячеслав.

Марача. Огромное спасибо обоим докладчикам – и Виталию Яковлевичу, и Николаю Сергеевичу – за два замечательных доклада! И особенно прият-

но, что эти доклады соотносимы, что не так часто случается в наших рядах в последние годы. Это очень важно для коммуникации. Причем, говоря о соотношении этих двух докладов, Николай Розов уже в начале своего выступления отметил (и здесь я согласен), что первый доклад сделан с упором на структурно-функциональные схемы, а второй доклад – с упором на историческую динамику.

Но я сейчас хотел сказать о другом – о том, чего в докладах не было. На мой взгляд, *в этих докладах как раз не было сказано об институте мышления*. Во всяком случае, понятия института мышления в них не было. Тут я сразу должен сделать оговорку, что Николай Розов сделал целый ряд очень точных суждений про периоды расцвета и упадка философии и дал набросок контуров новых институтов мышления. Но я это воспринимаю скорее как *точные экспертные суждения, основанные на эмпирике, а не суждения, выводимые из понятия института мышления*.

А почему понятия института мышления здесь не получилось? Если говорить о докладе Николая Розова, то, на мой взгляд, здесь *само понятие мышления использовано было слабое: мышление как решение задач*. И постановка вопроса здесь – с упором на слове «задачи». На каком основании я это считаю слабым? Если, например, соотнести подобную постановку вопроса с куновским представлением о науке, – в науке вроде бы, по нашей интуиции, явно есть какое-то мышление, – то у Томаса Куна было понятие «нормальной науки». *Нормальная наука – это в точном смысле институт деятельности по В.Я. Дубровскому*. Но что есть в нормальной науке по Куну? Там есть решение задач, или, как это Томас Кун называет, «решение головоломок». А развитие мышления в подлинном смысле осуществляется, согласно версии Куна, за счет других механизмов – научных революций, которые осуществляются уже вне и во многом вопреки институту нормальной науки.

И если теперь вернуться к докладу Дубровского, совершенно не случайно у него в конце получается такой парадокс, – я намеренно огрублю, – что сфера деятельности не развивается в таком систематическом плане. Она может случайно совершать какие-то изменения и эволюционировать – а вот развиваться она не может. Не может именно потому, что *построенная в рамках системодетельностного подхода картина институциональной сферы деятельности взята без мышления – или, точнее, с мышлением, но сведенным к интеллектуальной деятельности на уровне решения задач*.

А как может институциональная сфера деятельности развиваться? Развиваться она может за счет внешнего воздействия именно со стороны мышления. И Виталий Дубровский в конце доклада пытался решить эту проблему, приделав к своей схеме деятельности еще другую схему, где он говорил про прикладную методологию. Но, к сожалению, к той схематизации, которая была дана, – это, конечно, моя точка зрения, автор может по-другому считать, – просто так другую схему не приделаешь, поскольку *мешают два онтологические допущения, которые сделаны самим Виталием Яковлевичем. А именно – допущение о массовости деятельности и допущение о сквозной стандартизации*. На мой взгляд, эти два допущения к мышлению не подходят, поскольку мышление

устроено иначе. В частности, мышление для чего нужно? Не для того чтобы работать со стандартами и стандартизованными отклонениями, – а как раз для того мышление нам нужно, чтобы решать нестандартные задачи.

И, соответственно, прежде чем что-то приделывать к картине институциональной сферы деятельности, на мой взгляд, нужно несколько поменять онтологические допущения, переструктурировать эту картину, в частности, *изменить структурную единицу воспроизводства*, которая была у Виталия Яковлевича на одной из схем (рис. 3 (Дубровский)). А тогда уже, может быть, в сочетании института деятельности с институтом мышления у нас получится какая-то развивающаяся единица.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас, только помните, 3 минуты! Говорите только самое главное.

Ключ. Ключ, город Обнинск. Репарка Петра Георгиевича связана с тем, что я просил дать мне на выступление 12 минут. И он боится, что я затяну свое выступление. Тема, которую я хочу охватить, называется «Свежий взгляд на проблему институционализации».

Щедровицкий. Коллеги, либо вы выступаете в дискуссии, либо садитесь. Два главных тезиса из Ваших тезисов. Иначе мы сейчас умрем. Мы обсуждаем *сделанные* доклады, а не делаем *самостоятельные* доклады.

Ключ. Это как раз и является обсуждением, но обсуждением этой же проблемы с другого фокуса.

Щедровицкий. Еще раз: два главных тезиса!

Ключ. Я согласен в такой постановке, если очень коротко говорить, но я надеюсь, что сам текст мне удастся разместить.

Щедровицкий. Обязательно! Мы Ваш текст с удовольствием разместим на сайте.

Ключ. Поэтому я и говорю, что тот фокус, с которого все это рассматривается, по крайней мере, в предыдущих докладах, как-то не отвечает духу того, к чему стремился Георгий Петрович. А он человек был деятельный, его наблюдательная позиция не очень устраивала. Поэтому я считаю, что обсуждение должно идти как раз с оргдеятельностной позиции.

Почему возникает вопрос об институционализации применительно именно к системной методологии? Потому что, с одной стороны, мы считаем – по крайней мере, я так считаю, – что это необходимо, поскольку только с помощью методологии системного подхода удастся разрешить тот кризис, который все более усиливается в области традиционного рационализма. И что при этом нужно делать? Здесь я должен многое пропустить, но два момента я хочу все же выделить.

Почему с таким трудом идет институционализация системной методологии? Об этом неоднократно говорил и Георгий Петрович. Он говорил, что системный подход задает и создает иную логическую структуру знаниям, моделям, методам, даже проблемам и задачам. И потому важно включение методологических наработок в программы средней и высшей школы: именно такой путь является наиболее действенным для того, чтобы институционализация методоло-

логии состоялась. Поэтому включение таких наработок вызывает куда более сильное, чем обычно, отторжение и противодействие.

Институционализация системной методологии, понимаемая и как направление познания, и как накапливание развиваемой системы знания особого вида или типа, произошла бы гораздо быстрее, если бы была создана капитальная монография, желательна в жанре учебного пособия, примерно на такую тему: «Введение в методологию системного подхода», – где помимо собственно последовательного изложения основ такой методологии было бы осуществлено смысловое сопоставление знаний и проблем системно-методологических с традиционными.

Щедровицкий. Хорошо, спасибо большое! Осталось только найти автора. Я последние 30 лет ищу, никак найти не могу.

Ключ. Лично я...

Щедровицкий. Вы напишете, я понимаю. Но боюсь, что...

Ключ. Можете не бояться.

Щедровицкий. Коллеги, мы участвуем в *дискуссии по докладам!* Пожалуйста, Липкин.

Липкин. У меня реплика по второму докладу. Спасибо Николаю Сергеевичу, поскольку его доклад хорош тем, что по поводу него можно еще что-то сказать, и эти высказывания оказываются чрезвычайно полезными. Это я про других участников дискуссии. Что касается моей реплики, то я двигаюсь в продолжение того, что говорил Вадим Маркович Розин, я с ним согласен. И отсюда два маленьких замечания.

Первое: историческая линия реконструкции, мне кажется, слишком упрощена, она такая очень позитивистская. Это одно.

Второе и, наверное, главное. Все-таки: критерии кризиса и кризис чего? Кризис общества – или кризис философии? Мне недавно студенты вопрос такой задали: что важнее – игра в салочки, в которую играют сто студентов, или опера, которую слушают только два? И мне представляется, что то, что было сказано, все-таки надо рассматривать со стороны кризиса. Непонятно, – если даже исходить из постановки вопроса, что такое философия, – причем тут разработка правил? Все это соединяется у меня, только если предположить, что нужно исходить из анализа кризисов, чем Николай Сергеевич и занимается, поскольку там возникают некие проблемы создания правил. И, насколько я понимаю, Николай Сергеевич считает, что у философов там должно быть место. Это одна сторона, а вторая – это то, что в университетах у философов что-то не получается, и к ним студенты всерьез не ходят. Но это, по-моему, отдельный и другой вопрос. Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Федор.

Александров. Мне представляется, что вопрос, поднятый в докладе Розова относительно проблем институционализации философии как одного из типов мышления, очень важен. Особенно в связи с мотивами наших собственных исканий в этой тематике. Но при этом я считаю важным заострить внимание на двух вопросах.

Первое: а вообще была ли когда-либо у философии собственная институциональная форма? Или философия всегда была внутри некоторых институтов – политики и античного обучения, богословия, позднее – университетского образования? И ровно в тот момент, когда появился вызов распадающихся на специализированные разделы наук и появился запрос на соответствующую функцию философии, философия (в силу причастности к другим институциональным формам) попросту дезертировала – и в этом смысле за эту задачу даже не взялась. Или взялась – но почему-то не справилась с ней.

И, с моей точки зрения, было бы полезно возвращение к этой исторической реконструкции и анализ ее чистоты: была ли когда-либо у философии самостоятельная институциональная форма и что, с точки зрения внутренней конструкции философии, не позволило ей взяться за эту задачу? Мне кажется, что этого в докладе не прозвучало, а это существенные вопросы в этой теме.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу. Кто еще, коллеги?

Цой. У меня два момента. Первый – по поводу кризиса в философии. Я, конечно, обращаюсь к Розову Николаю Сергеевичу. Дело в том, что социологи тоже в кризисе. И главный кризис, который все-таки у Вас четко обозначился. Вы сделали упор на то, что нужно обращать внимание и в основе иметь эмпирические исследования. Но сегодня социологи в эмпирических исследованиях имеют дело со стихийными установками. И это даже не рефлексится. Поэтому состояние эмпирических исследований в социологии – это тоже проявление кризиса в самой социологии. Это маленькое замечание, и можно дискутировать, что социологи могут увидеть, изучая процесс институционализации мышления.

И второе замечание. Это даже не замечание. Когда мы говорим, что социологи начинают изучать какое-то явление или процесс, например, Гидденс четко ответил на этот вопрос, когда он размышлял о том, что же происходит: какие-то изменения в обществе, какие-то инновации. И он сформулировал социологический смысл изменений. Это изменение всей статусно-ролевой системы в обществе. Все-таки каков социологический смысл изучения – нам нужно на этот вопрос тоже ответить. Но Вашего ответа я не нашла – он вышел из практики, а не из пространства мышления.

Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас, только не сообщайте нам, что поскольку мы не читали чью-то книжку, то нам и обсуждать не нужно ничего.

Лобанов. Хорошо. На одном из слайдов Розова появилась фамилия Бертрана Рассела как в какой-то степени приемника Лейбница по широте охвата научных сфер. Смею вас заверить, что Бертран Рассел – это образец вопиющей безграмотности, дремучего невежества и бестолковости. Если вы почитаете русскую логику, то вы увидите там математические примеры, доказывающие бестолковость Бертрана Рассела, в частности, такой. Есть у Бертрана Рассела задачка: если А вне В, а В вне С, то А вне С. Такую задачку решит даже дошкольник, а здесь вопиющая бестолковость, то есть он считает, что А вне С.

Щедровицкий. Уважаемый коллега, у меня к Вам огромная просьба. У себя там, в своей «Комете», Вы делайте что хотите. Мы надеемся, что на нас

это не упадет. А здесь давайте все-таки соблюдать элементарные правила коммуникации. Хорошо?

Лобанов. Договорились. И теперь о современной логике. Вот Вы сказали, что надо будет опираться на современную логику. Что Вы имели в виду под современной логикой? Я считаю, что современной логикой может быть только [логика Порецкого](#) и русская логика Вашего покорного слуги²⁹.

Щедровицкий. Ура! Спасибо большое! Бахтурин.

Бахтурин. Я в первой части солидаризируюсь с тезисом Александра, поэтому не буду его повторять. Вкратце из обоих докладов, с моей точки зрения, можно сделать простой вывод, что, с точки зрения докладчиков, институционализация мышления состоялась. И в этом смысле Виталий Яковлевич пытался найти какое-то место для еще чего-то, поскольку – извините, если это будет звучать грубовато, – об этом говорил Георгий Петрович. А уважаемый господин Розов, судя по всему, просто сожалеет о философии, сочувствует ей, при этом не указывая ни на один – из его системы деятельности – другой кризис.

Щедровицкий. Спасибо. И Ваше последнее выступление. Потом Николай Сергеевич завершит. Представляйтесь, пожалуйста.

Аладин. Аладин Виталий Владимирович.

Я очень внимательно прослушал оба доклада и считаю их содержательными в плане практичности и в плане понимания.

Вообще говоря, для чего нам как человечеству дана сама возможность мышления? В первую очередь – какими инструментами оперирует мышление? Это, в первую очередь, ум, разум, сознание. И, в принципе, продуктом процесса мышления является мыслеформа, точнее – его продуктом является осмысление того, что мы видим вокруг и, вообще говоря, Бытия как такового. Этим занимались и философия, и практическая деятельность.

Мне понравился доклад Дубровского, потому что он дает, в первую очередь, понимание и систематизацию. Он раскрывает внутреннюю структуру данных действий и институционализации. Что же касается второго доклада, то мне кажется, что в нем очень правильно поставлены вопросы. Прежде всего, вопросы ставятся исходя из целей и задач, и дальше потом решаются. И само мышление, и, конечно же, его институционализация, и то, что выработано в процессе человеческой деятельности помогают и систематизируют мышление. И поэтому я считаю, что это важно, это следует продолжать – но делать, все-таки, в практическом применении. И методология проецируется на практику, она помогает нам осознавать и творить эту жизнь.

Щедровицкий. Коллеги, будет еще один такт коллоквиума. Готовьтесь, думайте.

А сейчас [с ответным словом выступит] Николай Сергеевич. Виталий Яковлевич [Дубровский] нас тоже слушал, может быть, он тоже что-то скажет. Пожалуйста, Николай Сергеевич!

²⁹ О «русской логике» см.: [Лобанов В.И. Русская логика против классической \(азбука математической логики\)](#). М.: Компания Спутник+, 2002. – Ред.

Розов. Очень коротко по высказанным замечаниям. Все они содержательны и интересны. Отвечу только на то, что меня особенно задело и с чем я никак не могу согласиться.

Вадим Розин говорил о том, что представленная мной схема упрощена. На самом же деле любые схемы – упрощенные, на то они и схемы. И упирал он на то, что научное понимание природы проистекает из прежней религиозной философии. И все это, конечно, правда. Но я говорил совсем о другом. Еще раз обращаю внимание на книгу Коллинза «Социология философии» – смотрите там двенадцатую главу об университетской революции. Что из того, что Фихте и Гегель получили богословское образование? В тот период церковь, священнослужители маргинализировались. Уже не теологи оказались во главе университетов и академической науки, а философы. Потом и философов, правда, стали атаковать крайние сциентисты и материалисты – но философы, прежде всего неокантианцы, с честью отбили нападки, сохранив в XIX веке свое интеллектуальное и административное доминирование, а религия была вовсе вытеснена на обочину интеллектуального мира.

Относительно практики – любопытный вопрос. Полностью поддерживаю тезис о самостоятельной ценности философии вне зависимости от какой-либо утилитарной пользы. Я также не верю ни в какую «прикладную философию». Но говорить о том, что вообще ничего из философии нельзя использовать в практике, неверно. Все информационные технологии, компьютерные вычисления вышли из достижений логики, исследования алгоритмов, строгой формализации, а ведь логицизм Фреге, Витгенштейна, Рассела – это неотъемлемая часть философии.

Далее, для философов крайне важны какие-то импульсы, источники затруднений, позволяющие им ставить свои глубокие философские проблемы. А эти импульсы и источники откуда берутся? Из практики, в том числе и из больших – глобальных, международных – социальных, технологических и прочих проблем. Полностью отрывать философию от практики тоже неправильно, хотя я всегда ратую за фундаментальный поиск, о чем разговор!

Аркадий Липкин говорил о том, что либо у нас кризис общества, либо кризис философии. Кризис общества – это совсем другая тема, этому посвящена моя макросоциологическая книга «Колея и перевал»: о России, о политике, о циклах российских, о стратегии на XXI век. Здесь просто совсем другая тема.

Речь шла о современном кризисе философии. Почему кризис? Такая оценка сделана исходя из сравнения нынешнего состояния философии с тем огромным престижем, который имела философия на протяжении предыдущего времени – особенно, конечно же, начиная с немецкого классического идеализма. Это весь XIX век и первая половина XX века со взлетом Венского кружка на одном фланге, феноменологии и экзистенциализма – на другом. Тогда экзистенциалисты действительно верили, и публика им верила, что они скажут некое слово – и мир преобразится. Однако после Поппера и Сартра ни один философ на такое уже претендовать не может, и люди сейчас если и верят кому-то, то не философам.

И, поскольку меня уже останавливают, я только скажу, что об очень многом я не успел рассказать. На сайте Чтений есть полная версия моей [презентации](#) для доклада, рассчитанного на четыре часа. На многие вопросы, которые здесь задавались, и на возражения там есть ответы. Все это – в открытом доступе.

Щедровицкий. Спасибо.

Виталий Яковлевич, Вы нас слышите?

Дубровский. Да.

Щедровицкий. У Вас есть возможность сказать свое слово.

Дубровский. Хорошо. Я согласен с Вадимом Марковичем, что я не обсуждал реально проблем, потому что это не входило в мои задачи. Моей задачей было введение системодетальностного понятия института для того, чтобы создать платформу для определенным образом структурированного обсуждения проблем.

Щедровицкий. У Вас не очень получилось.

Дубровский. У меня была другая задача. Теперь, что касается очень важного замечания Розова, то, безусловно, он обратил внимание на тот факт, что я не рассматривал проблемы конфликтов. Можно говорить об институтах политики и т.п. и обсуждать, скажем, протоколы конфликтов или правила разрешения конфликтов. Но это, опять же, просто не входило в мою задачу.

Очень важное замечание Вячеслава Марача по поводу моего акцента на массовости. Я бы здесь немного возразил, если мне будет позволено. Понимаете, дело в том, что первый описанный случай возникновения института связан был как раз с проблемой массовости. Если Вы позволите мне, я вам зачитаю этот случай. Вы видите мой слайд?

Щедровицкий. Да, видим. Мы даже начали читать.

Дубровский. Понятно. Древний случай институционализации:

«На другой день Моше стал судить народ, и стоял народ перед Моше с утра до вечера... И сказал тесть Моше: «Не хорошо то, что ты делаешь. Истощишься окончательно ты и народ сей, который с тобой. Слишком тяжело для тебя это дело, не сможешь один совершать его... Теперь послушайся голоса моего. Я посоветую тебе... объясняй им уставы и наставления, и указывай им путь, по которому им ходить, и дела, которые им делать. Ты же высмотри из всего народа людей способных, богобоязненных, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ними тысяче-начальниками, сто-начальниками, пятидесяти-начальниками и десяти-начальниками. И пусть судят они народ во всякое время... И послушался Моше тестя своего, и сделал все, что он сказал»³⁰.

Если вы теперь после этого эпизода посмотрите Пятикнижие, то четыре остальных книжки [после «Исхода» – *Ред.*] – это, в основном, мифология о взаимоотношении Бога с народом и законы. Кстати, Моисей еще строит там сферу здравоохранения, но это уже другой вопрос. Прежде всего на протяжении всех четырех книг, особенно в старозаконии, он строит именно сферу права

³⁰ «Пятикнижие», Книга «Исход», глава 1-5, стихи 13-24. – *В.Д.*

с судами и т.д. То есть с массовостью и ни с чем иным.

Щедровицкий. Хорошо. Всё, Виталий Яковлевич?

Дубровский. Да.

Щедровицкий. Спасибо большое!

И я прошу всех в 12:26 снова собраться в зале.

Продолжение I коллоквиума

Щедровицкий. Коллеги, мы продолжаем нашу дискуссию. В кулуарах кто-то из участников сказал мне, что на первом коллоквиуме было очень скучно. Но я хочу вам сказать, что мышление – вообще такая, довольно скучная штука, если не находится особенно внутри него. Потому что, когда находишься внутри него, там всё очень весело.

Я передаю слово для доклада Сергею Борисовичу Переслегину. К сожалению, он не сможет поучаствовать в прослушивании ваших выступлений по его докладу, но я надеюсь, что потом у него будет возможность в электронном виде как-то отреагировать на эту дискуссию.

Итак, у нас продолжение первого коллоквиума по понятию института и институционализации мышления. Пожалуйста, Сергей Борисович.

С.Б. Переслегин

Форматы мышления: институциональные решения³¹.

Доклад и вопросы по докладу

Переслегин. Я рад приветствовать всех и начну с истории-полуанекдота.

Пару-тройку лет назад в Москве был поставлен превосходнейший спектакль «Берег утопии» Тома Стоппарда³², и сам Стоппард приехал на премьеру. Его спросили корреспонденты: «О чем и о ком Ваш спектакль?» – Он сказал: «Ну, о Герцене, Огареве, Белинском». – «Но ведь Белинский – это же безумно скучно!» – «Ума не приложу, как ваши учителя ухитрились сделать его скучным?».

Мне кажется, что мышление, его институционализация – вещи очень веселые, но я приложу все усилия к тому, чтобы сделать их скучным, насколько это возможно.

Я буду говорить о форматах мышления и о претензиях методологического мышления на создание самостоятельного формата, а тем самым и самостоя-

³¹ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

³² Речь идет о трилогии «[Берег утопии](#)», поставленной Российским академическим Молодежным театром в 2007. Упомянутые докладчиком персонажи фигурируют в первой части трилогии, которая называется «Путешествие». – *Ред.*

тельных институтов мышления. *Я буду называть мышлением процесс проживания – как своей – мысли, извлеченной из поля разума.* Концепция в основном лингвистическая, я ее взял у А. Парибока³³.

Здесь я должен сразу сказать, что, с точки зрения нашей группы, не мышление является основой возникновения разума. Напротив, разум как видовое и социосистемное свойство является основанием возникновения мышления у людей – кстати, не у всех, и уж точно, не всегда.

Мышление, с нашей точки зрения, трудно определить. Почти все определения мышления негативны. Это – не текст, не образ, не метафора, хотя мне очень нравится фраза Петра Георгиевича [Щедровицкого] о том, что метафора – опорный конспект мысли. Мысль не является действием, мысль не рефлексия, не понимание, хотя и то, и другое, и третье, и четвертое имеет к ней прямое отношение.

С моей точки зрения, *ключевым в понятии мысли является возникновение «личного иного»* – того, чего для данного человека ранее не было. Или, иными словами: мысль представляет в понимаемое, представимое, допустимое, рефлекслируемое, используемое для действия или для создания текста то, чего ранее для данного человека не было вообще. Кстати, лингвистически совершенно понятно: разве не мысль превращает немислимое в мыслимое, «по-построению»?

Мы называем мышление антитренингом. Ибо если большинство психологических тренингов есть поиск самости, то *мышление есть поиск инаковости*³⁴. И в этом плане мышление гораздо ближе к ролевой игре, чем, например, к изучению математики.

Мысль можно рассматривать не только как антитренинг, но и как антикризис. Вспомним: кризис – ситуация, при которой совокупность обстоятельств, ранее вполне приемлемая, с появлением какого-то нового фактора оказывается абсолютно неприемлемой. Задача мышления противоположна: превратить неприемлемую конфигурацию противоречий, например, по условию задачи неприемлемую, во вполне приемлемую или даже в единственно приемлемую.

И далее у нас есть по этому поводу жесткое убеждение: мышление – кризисная технология. В большинстве случаев мыслить нет ни необходимости, ни потребности. Более того, иногда это бывает вредно. Когда учишь школьников дифференцировать, самое главное – им объяснить, что дифференцирование не требует мышления, оно требует навыка. Если человек, управляя машиной или, не дай Бог, самолетом, начинает мыслить вместо того, чтобы пользоваться навыком, то результат вполне предсказуем, поскольку это – просто очень дорогой и неудобный способ убится.

Поэтому *мышление необходимо, когда стереотипные реакции на воздействие внешней среды не помогают.* При этом важными и значимыми являются

³³ Парибок Андрей Всеволодович (род. в 1952 г. в Ленинграде) – российский востоковед, специалист по языкам и философской традиции Древней Индии. Изучает и практикует буддизм с конца 1970-х гг. Участник нескольких съездов по методологии и Чтений памяти Г.П. Щедровицкого. – *Ред.*

³⁴ Учитывая сказанное в предыдущем абзаце о «личном ином», мышление в данном контексте есть попытка «выхода из себя» за границы обычного бытия. – *Ред.*

лишь те кризисы, где проявляется недостаточность самого мышления, способов, инструментов, форматов, пределов и принципов. Я попытался сделать маленькую табличку, в ней интересны только последние три строчки, но понимаемы более-менее толково только первые три.

Таблица 1 (Переслегин). Виды кризисов и способы мышления.

Уровень неблагополучия	Тип кризиса	Когнитивное разрешение кризиса
Задача	Производственный кризис	Инстинкт, опыт и наработки
Проблема	Структурный кризис	Мышление (опыт недостаточен)
Вызов	Сценарный кризис	Творчество (инструменты мышления неадекватны, нужны новые инструменты)
Угроза	Стратегический кризис	Стратегирование мышления (творчество не помогает, нужно работать с масштабами и укреплять онтологию)
Катастрофа	Онтологический кризис (гносеологический кризис)	Модернизация мышления (стратегирование не помогает, онтология меняется)
Разрушение	Системный кризис (кризис принципов мышления)	Трансформация мышления (модернизация не помогает, онтология разрушается, трансценденция меняется)
Смерть	Фазовый кризис (кризис формата мышления, кризис пределов мышления)	Преображение мышления, создание нового формата мышления (трансформация не помогает, трансценденция разрушается)

Совершенно понятно, что в большинстве стандартных кризисов его разрешением является навык, опыт, наработки. Когда у вас возникает не задача, а проблема, вы впервые приходите к выводу, что опыт недостаточен, и вам приходится начать думать. Очень люблю здесь фразу из У-цзы, когда князь У-хоу спрашивает его: «А что же мне делать, если армия противника гораздо сильнее, полководцы лучше, его солдаты воодушевлены и хотят победить, у него справедливы награды и наказания, а у меня слабая армия, неподготовленное

руководство, плохие солдаты, и мое государство на грани гибели?» На что У-цзы ему отвечает: «Ваше величество, тут уже стратегия не поможет, тут уже думать придется»³⁵.

Я замечу, что когда у вас становятся недостаточными инструменты мышления и вам нужны новые, тогда у вас возникает потребность не просто в мышлении, а в творчестве. Но для нас еще интереснее, когда необходимо работать уже с масштабами и онтологиями, когда «не хватает» творчества. Это – кризис, который мы называем стратегическим. Теоретически можно говорить о модернизации мышления, когда начинает меняться онтология, о трансформации мышления, когда меняется трансценденция и разрушается онтология, но сразу укажу, что последние строчки таблицы скорее умозрительны. Я сам это через себя не пропускал, как это с людьми происходит, не знаю, исторический опыт, конечно, есть, но вы же сами понимаете, это – описание, а не опыт.

Каковы основания мышления, понимаемого как кризисное? Вообще говоря, все эти основания были сформулированы еще в античной Греции.

Это – *язык*, причем язык, как единство семантики, грамматики и синтаксиса. Замечу по этому поводу, что теоретически можно посмотреть, что будет происходить, если вы уберете из языка, например, синтаксис. У вас очень сильно поменяется мышление, но вот как – исследовано очень плохо, хотя лингвисты пытались здесь что-то найти.

Это *логика как рассуждение*. Математика, причем изначально геометрия – отсюда, кстати, любовь очень многих мыслительных техник схематизировать. Затем алгебра, анализ, а сегодня – теория множеств и теория чисел.

Гораздо менее известно, что одним из оснований мышления является музыка. Согласно концепции Пифагора, развитой и известной в античности, основаниями мышления являются эстетика и гармония, рожденные музыкой. Отметим, что в Новое Время понимание роли музыки в мышлении было в значительной степени утрачено.

Если мы будем верить античным представлениям, то окажется, что *деятельность не является основанием мышления*³⁶: труд создал человека, но не его

³⁵ У-Цзы. Трактат о военном искусстве. Глава 5, часть 3 // Трактаты о военном искусстве. Сунь-Цзы, У-Цзы; пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: ООО «Издательство Аст»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

В действительности, я собрал несколько цитат в одну, поскольку исходный текст трудно понять без трех предшествующих глав, в которых У-Цзы и князь У-хоу беседуют о способах ведения боевых действий в различных условиях. Оба они, разумеется, относятся к тезам, высказанным ранее. В «чистой» форме цитата звучит так:

«1. Князь У-хоу спросил: – Если у противника есть войско и очень многочисленное, если он воинствен и храбр, если в тылу у него высокая гора, перед ним – пропасть, если справа у него гора, слева вода, если рвы у него глубокие, валы высокие, если защищаются они большими самострелами, если его отступление подобно движению гор, если его наступление подобно ветру и дождю, если у него съестных припасов также много и мне трудно держаться долго против него, – как в этом случае поступить?

2. У-цзы отвечал: – Замечательный вопрос! Тут дело уже не в силах боевых колесниц и коннице, здесь нужен ум совершенного мудреца.» – С.П.

³⁶ В отличие от двух предыдущих выступлений ([В.Я. Дубровского](#) и [Н.С. Розова](#)) трактовка мышления в данном докладе является *антиредукционистской*. С.Б.Переслегин *не сводит* мышление ни к деятельности (как В.Я. Дубровский), ни к решению задач (как Н.С. Розов). См. также [тезис В.Г. Марача](#), высказанный в оппозицию докладу В.Я. Дубровского. – *Ред.*

мышление. Если это так, – я оставляю этот вопрос открытым, – то это означает, что целый пласт подходов к мышлению нужно будет убирать.

Мысль мы представляем сегодня как *суперпозицию субъектов*: событие с содержанием, спутанное состояние в диалоге.

Мысль не возникает в индивидуальном сознании: она всегда *коллективна*, всегда *рождается в зоне взаимодействия разумов*. Чтобы такое взаимодействие произошло, от каждого из разумов нужна жертва. Мысль возникает, если эта *жертва своей идентичностью* принесена, – и этим удалось создать спутанное состояние с партнером.

И следующий момент: мысль требует признания поля непрерывности. На самом деле, мы с Сергеем Николаевичем Градиловским в какой-то мере читаем один доклад – о христианском мышлении, поэтому я скажу, что мысль требует понимания, что Бог есть, или, по крайней мере, что некое Целое есть. Мышление в индивидуальной логике «я есть целое» не происходит.

Мышление можно организовывать очень разными способами, но важно, чтобы структура мышления удерживалась, а переход от одной структуры к другой рефлектировался. Только в этом случае мышление является дисциплинированным и сильным, и только в этом случае оно способно к саморазвитию.

Теперь я введу *понятие «формат мышления»*, понимая его как способ когнитивной соорганизации четырех социосистемных процессов: *познания* (получения новой информации), *образования* (воспроизводства ранее известной информации), *управления* (распределения информации) и *деятельности* (конвертации информации в иные формы ресурсов, нужных человеку).

Этих социосистемных процессов четыре. Когда мы находим способ их соорганизовать, мы этим и задаем формат мышления. Поэтому формат «по построению» прописан во всех процессах и определяет их конкретные исторические особенности, формат задает структуру и функционал всех общественных институтов, непосредственно влияет на ценностные категории, нормы морали, правовые механизмы и культурные рамки. Он занимает промежуточную позицию между мышлением как актом соборным – и разумом как свойством видовым или биологическим. Он определяет, как в данном конкретном случае вы строите единство жизни, мысли и деятельности, какие социальные когнитивные нормы связывают между собой четыре социосистемных процесса, и какую целостность эта связь задает.

Формат связан с понятием *шага технологического развития*. Дело в том, что шаг – это тоже неформальный институт, связывающий четыре процесса. Но там – это форма *деятельностной* соорганизации, а в формате мышления – *когнитивной*. И в этом плане шаг технологического развития является деятельностным представлением формата мышления.

Отсюда интересный вывод: *оба предыдущих доклада, в моем языке, говорят о кризисе современного формата мышления*. Следовательно, если наши предположения верны, мы должны говорить и о кризисе современного технологического развития. Так вот, похоже, кризис этот действительно наблюдается.

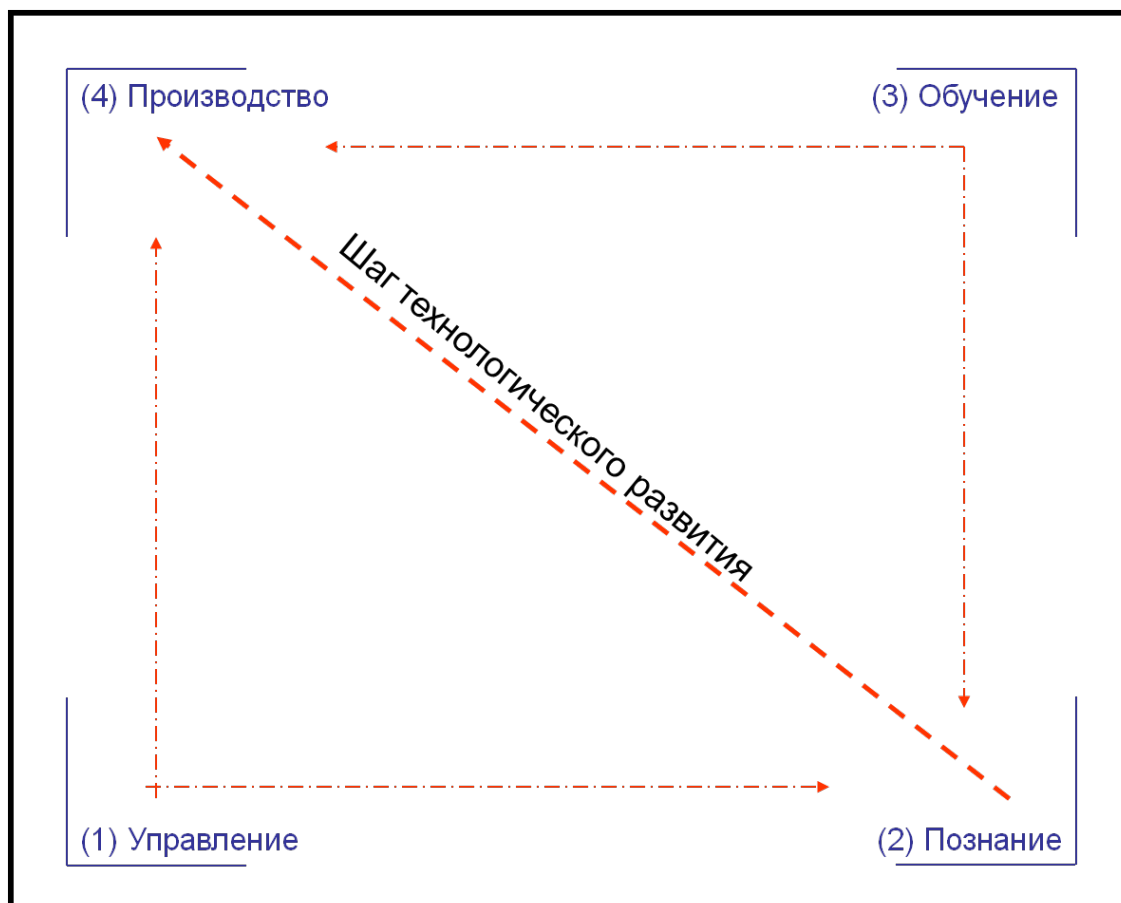

Рис. 1 (Переслегин). Шаг технологического развития – 1.

Раскроем шаг технологического развития в социосистемных процессах управления и образования. Обращаю ваше внимание на то, что угол, связанный с управлением, не достроен (см. рис. 2 (Переслегин)). Зона практики – да, есть менеджмент. Зона создания технологии – да, есть проектное управление. В принципе, есть управление мегапроектами. Но вообще-то этаж науки – это, соответственно, НИРы, НИОКРы и ОКРы, – а управление мегапроектами охватывает зону ОКРов и частично НИОКРов, вообще не касаясь НИРов. Внизу, где у нас лежит «мышление», – там одни вопросы.

И в этом плане очень интересная ситуация: для современного мира характерна крайняя недостаточность управления как технологическим развитием, так и мышлением. А фраза о том, что «современный мир административен, мышление должно принадлежать к административным системам», заставляет меня вспомнить известный одессизм: «Шоб мы так хорошо жили, как вы о нас думаете!» *Администрация не готова управлять мышлением, а само мышление собой управлять не может: это другой процесс.*

Рис. 2 (Переслегин). Шаг технологического развития – 2.

Я обращаю ваше внимание на то, что, хотя мы постоянно говорим о кризисе образования, здесь линия застроена гораздо лучше (см. рис. 3 (Переслегин)), причем где-то до этого момента, до «зоны компетенций», мы, вообще говоря, довольно хорошо ее институционализировали (на участке «Компетенция – Навык»). Проблемы начинаются здесь («Сборка») и становятся очень серьезными здесь («Преобразование»). Но обращаю ваше внимание на разницу: если в области управления у нас нет даже необходимых слов, уже не говоря об институтах, нормах и т.д., то здесь у нас уже есть представление о том, что мы хотим получить. Но пока, к сожалению, это представление не институционализировано.

Отсюда вывод: задача институционализации этих вещей – это значительная часть того, что надлежит сделать в ближайшие двадцать лет.

В отличие от способа мышления, который индивидуален, формат коллективен и стремится к глобальности. На самом деле, люди, которые не вписываются в господствующий формат мышления, являются маргиналами, с ними не работают; если же они – гении (такие вещи тоже бывают), им искусственно приписывают принадлежность к господствующему формату мышления.

Кризис формата мышления не обязательно приводит к кризису социосистемных процессов общественных институтов, но если кризис формата мышления произошел, то институты существуют по инерции и теряют способность к развитию.

Рис. 3 (Переслегин). Шаг технологического развития – 3.

Сейчас у нас кризис всех известных форматов мышления и, прежде всего, – сциентического: научного, или натурфилософского.

Современное научное мышление деривативно. Это суждение на суждение на суждение на суждение и т.д. Деривативы оторвались от Реальности, и необходимо каким-то образом эту связь восстановить. На самом деле, последние 25 лет наука занимается исключительно созданием мифа о том, что она всё описывает, что она эмпирична, что она решает задачи и т.д. Говоря о [кризисе философии в предыдущем докладе](#), мы реально говорили о кризисе частных наук и о том, что философия оказалась не в состоянии этот кризис разрешить. О чем, кстати, предупреждал Георгий Петрович Щедровицкий еще в 1970-е годы³⁷.

³⁷ Г.П. Щедровицкий указывал, что мы «приходим к ситуации, реально угрожающей целостности человеческой мыследеятельности». В качестве решения данной проблемы, альтернативного происходящему ныне «опусканию» интегрирующей функции на более простые, массовые формы мышления и деятельности, он говорил о необходимости развития «методологического мышления как универсальной формы мышления, организованной в самостоятельную сферу мыследеятельности и рефлексивно (в том числе и исследовательски) охватывающей все другие формы и типы мышления». См.: [Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов](#) // Вопросы методологии. 1991. № 2 [Перепечатано в сб.: *Щедровицкий Г.П. Избранные труды*. М.: Школа культурной политики, 1995; цит. по данн. изд. С. 152].

О претензиях философии, затем науки, а теперь и методологии на выполнение функции «универсальной формы мышления» см. также: *Марача В.Г.* Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка // Георгий Петрович Щедровицкий (Философия России 2-й половины XX века). М.: РОССПЭН, 2010. С. 15–23.

Кризис формата мышления, если он не привел к катастрофе, стимулирует создание «кентавров» – государственных или надгосударственных образований, где форматы мышления разрушаются, искусственно смешиваются, и на этом субстрате создается новый формат мышления. Примеры: эллинизм, Возрождение и современный кризис.

Самое интересное, что все эти кризисы имеют очень четкую структуру, которую я представил как эволюцию «кентавра».

Эволюция «кентавра»:

- кризис старого формата мышления;
- расстройство социального организма, нестабильность, локальные войны;
- глобальная война (начало перемешивания форматов);
- метастабильная империя (целенаправленное волюнтаристское перемешивание форматов);
- распад империи, «релаксационные» войны (новое перемешивание форматов, всплытие «реликтовых» форматов);
- организация региональных государств смешанного формата;
- возникновение и установление нового формата мышления.

Сначала начинается собственно кризис формата мышления, затем расстраивается социальный организм, затем начинается глобальная война. Глобальная война приводит к созданию метастабильной империи, где форматы смешиваются абсолютно волюнтаристски. Александр Македонский это сделал в самой ясной форме, просто поженив эллинскую и персидскую знать. Дальше империя всегда распадается, начинается новая система войн, всплывают реликтовые форматы, образуются государства смешанных форматов, например, эллинистические государства или раннеевропейские после Тридцатилетней войны, и, наконец, лет через 150–200 после этого новый формат устанавливается.

Обращаю внимание собравшихся, что первые две стадии мы уже успешно прошли, а некоторые говорят, что мы находимся уже в середине стадии «глобальная война», просто этого еще не заметили.

На сегодняшний день описаны четыре формата мышления. За отсутствием времени я буду говорить о них очень коротко, чтобы успеть сказать и об институтах.

Все форматы описываются тринадцатью вопросами: (1) какое мышление задано данным форматом, (2) о чем мыслим, (3) в какой внутренней системе отчета мыслим, каким способом мыслим. Важнейший момент – (4) структура аргументации: на что опирается аргументация, что она содержит, какие инструменты и механизмы, как мы доказываем истинность, какими способами аргументируем, что является критерием? (5) Как организована рефлексия – следующий вопрос; (6) онтология – как устроен мир, что такое развитие, познаем ли мир?

Заметьте, все форматы мышления обязаны ответить на эту группу вопросов. Вопросы, кстати, все детские. И, в этом плане, все форматы мышления прописаны в индивидуальной психике, причем, уже в детстве.

(7) Очень важен вопрос идентичности: если я так мыслю – то кто я? (8) Институт воспроизводства формата: «как научиться правильно мыслить?» и (9) институт развития формата: «как мыслить новое и иное?». Каждый формат мышления генерирует свое общественное устройство и отвечает на вопрос: (10) «как правильно должно быть устроено общество?». (11) «На каком языке правильно мыслить?» – тоже очень интересный вопрос, как и: (12) «зачем мыслить именно так?»; и, наконец, еще есть (13): свойства и особенности – «чем это мышление выделяется на фоне других?».

Сразу могу сказать, что, хотя четыре формата мышления находятся в генетической связи, и в этом плане можно говорить о развитии от первого через второе и третье к четвертому, не надо понимать, что следующий формат в чем-то лучше предыдущего. Он – другой, и получился из предыдущего. А лучше он или хуже – это вопрос очень конкретный, и далеко не всегда на него можно ответить позитивно.

Формат 1. Простейшим из мышлений является *первичное*, или *примативное*. Предмет его – «вещи», причем, зримые образы и галлюцинации – это тоже «вещи». Мышление диалектично, но поддерживает триалектические формы тоже³⁸. Аргументация всегда опирается на трансное состояние. Инструмент – беседа, коммуникация, вводящая слушателя в транс. Рефлексия предполагается, но личная, с самим собой. Результаты не редактируемы, не транслируемы, не отделены от носителя, зато сразу превращаются в действия: первичное мышление – мышление прямого действия.

Формат воспроизводится в рамках рода. Появление института этого формата – первичного мышления – немедленно приводит этот формат к кризису. Кризис этот иногда может быть разрешен, но сие бывает нечасто.

Формат 2. Если этот кризис разрешили определенным способом, мы сталкиваемся с *мышлением античным*, или *философским*, которое я определяю как преодоление мифологии или бегство от мифологии. В том же смысле, в котором современная физика, например, – это бегство от удивления внешним миром. Предмет – мир, заданный в лексических конструкциях. Базовым понятием, организующим мышление, коммуникацию и деятельность, становится Логос – единство мысли и слова, освобожденная, выпущенная наружу мысль – по Хайдеггеру. Соответственно, это основа данного мышления, и, кстати, тот факт,

³⁸ Диалектическое мышление работает с бинарными противоречиями, рассматривая их как источник развития. Любое бинарное противоречие вызывает развитие, разрешающее это противоречие: либо прямо через создание нового бинарного противоречия, либо через проектную деятельность – тогда новая система противоречий возникает между проектами, либо через событийный ряд – в этом случае новые противоречия рождаются по мере разрешения исходного противоречия в событиях. Триалектическое мышление работает с противоречиями, имеющими три стороны (например: геополитика – геоэкономика – геокультура, как разные глобализационные подходы). Такой баланс может распасться на пары противоречий, но может и породить нечто принципиально новое. Например, эволютику как принципиально иную форму отношений между народами. Вообще говоря, диалектика описывает появление *нового*, а триалектика – возникновение *иного*. – С.П.

что почти всё мышление человечества до сих пор считается лексичным, означает, что античное мышление так и остается у нас в бэкграунде.

Аргументация построена на рассуждении. Доказательство производится через убеждение, для чего используется сначала миф, затем своеобразное сочетание мифа и логики, наконец, собственно логика. Рефлексия всегда парная: это наличие учителя, вместе с которым вы рефлекслируете свое знание или, что чаще, незнание. Мир многовариантен, познаваем, познаваемость транслируема, но не многим людям: философское мышление элитарно.

Этот формат задает нравственно-логический релятивизм, но требует жесткого оформления собственной идентичности (нужно четко знать, кто ты) и обязательной верности «своим».

Результаты транслируемы, но не редактируемы. Они образуют Школу мышления, и эта Школа является институтом воспроизводства и развития данного формата.

Формат 3. *Схоластическое мышление*. Это несколько когнитивных форматов, которые мы относим к христианскому мышлению, но в основном, конечно, схоластическое. Общие элементы всех форм христианского мышления, включая схоластическое, понятны.

Есть одна важная особенность у христианского мышления вообще и у схоластического в частности: при наличии доверия нет необходимости в доказательствах. Считается, что при правильных мыслительных действиях неверное утверждение может быть положено в основу правильного вывода. Я замечу, что в значительной мере на этом основываются претензии любой методологии на управление мыследеятельностью, и в этом плане методология – христианский формат мышления.

Независимость вывода от верности посылки я называю многовариантной фатальностью. Кстати, обращаю ваше внимание, что это – очень сильное утверждение, и оно *работает* в реальной жизни.

Этапы развития христианского мышления подробнее, конечно, расскажет [Сергей Николаевич Градировский](#), а я замечу сейчас лишь то, что к концу XVI столетия формат был переусложнен, утратил последовательность, прозрачность и интуитивную понятность, а вслед за этим и моральную императивность. Поэтому произошла Реформация, и понадобилось создание нового формата мышления – натурфилософского, которое первоначально оставалось христианским по своему содержанию.

Схоластический формат породил сложную систему институтов воспроизводства и развития мышления, основная часть которого функционирует до сегодняшнего дня: школа, университет, духовный орден. Кстати, «Московский Методологический Кружок» – конечно, духовный орден.

Формат 4. *Натурфилософский формат*. Современное научное мышление не является натурфилософским. Можно сказать более интересно: оно выбросило из натурфилософии Бога, не найдя ему убедительной замены, оставшись, таким образом, мышлением без оснований мышления. Это является основной причиной неудачи всех попыток построить хотя бы одну последовательную аксиоматическую модель, даже в математике. Самое интересное, что это понятно

давно, но выводов не делается. Кстати, на безосновательность научного мышления обратил внимание Георгий Петрович Щедровицкий, который очень резко выступал с критикой как частных научных «онтологий без онтологий», так и сциентизма как попытки объяснить, почему онтология не нужна, и быть ее не может.

Научное мышление атеистично – это бегство от теологии. Оно гуманистично в значении «европейского гуманизма»³⁹, натуралистично, то есть опирается на природу, догматично и логично. Пространство мышления выстроено иерархически, в основе мышления лежит не *опыт*, как считается большинством не-ученых, которые наблюдают науку извне, скажем, философов, а *математика*, некий аналог Священного Писания или Откровения, но в другом языке.

Аргументация основана на опыте логики и математики, и подразумевает обязательную перекрестную проверку. Допускаются неаристотелевы логики. Важнейший принцип работы – выделение постулатов, принципов, инвариантов. Самое серьезное достижение – формулирование принципа измеримости и принципа относительности. Работает рефлексивно с опытом. В научном мышлении пространство воспринимается простым и пустым, неразрывно связанным со временем, которое остается сложным. Связь простого пространства и сложного времени делает научную онтологию принципиально парадоксальной, что, собственно, и было показано Гёделем – из математиков, а из физиков – Гейзенбергом.

Мышление организовано свободным, но право на него дается при наличии профессиональной компетенции, – это цеховой подход. Пространство мышления иерархично, иерархия задается исследователем. Постулируется верность истине, а не человеку.

Институт воспроизводства – вся система образования. Институты развития фактически отсутствуют, хотя на Западе университет, а в России отраслевые НИИ пытаются решать эту задачу. Очень важно, что натурфилософский формат мышления собственных институциональных решений вообще не создал, используя старые схоластические решения, хотя изменил их содержание. Поэтому, когда говорят о том, что сейчас наступил кризис форматов организованности образования и науки, я пожимаю плечами и говорю: удивительно, что такой кризис не начался гораздо раньше.

Сегодняшний постмодерн – это, прежде всего, *сублимированный тип мышления*. К нему относится мышление, которое Запад перенял у Востока, не понимая, как им пользоваться.

Но современное мышление – это не только постмодерн, «субли» и немыслящее большинство. Это также и сложное христианское мышление. И, конечно, СМД-методология.

Любая методология отвечает не на вопрос, что бытийно, а на вопрос, как делать. Но *СМД-методология уникальна в том, что она отвечает не на вопрос, как делать, а на вопрос, как мыслить*. Поэтому СМД-методология имеет

³⁹ Видимо, докладчик отсылает слушателей к известному «Письму о гуманизме» М. Хайдеггера. См. в сб.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. Перевод В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. – *Ред.*

интенцию ответить на вопросы: что есть реальность, что есть действительность и что есть мышление? У нее есть претензия на онтологичность, хотя, мне кажется, претензия неосновательная. А вот на *собственный формат мышления она может претендовать*. Но тогда она должна ставить вопрос и отвечать на него: как этот формат может воспроизводиться и развиваться? Это – *ключевой вопрос: вопрос об институализации методологического мышления*⁴⁰.

Смотрим, что у нас было. Первичный формат – институтов нет, появление вызывает кризис формата. Античный формат – школа мышления: учитель плюс ученики плюс тексты. Схоластический формат – произошла *институционализация институтов*: школа, университет, орден, книга, диспут как институт мышления. Научный формат – всё то же самое, но с упадком институтов развития.

А дальше можно задать несколько вопросов. Если в СМД-методологии нет институциональных решений (а есть и такая точка зрения) и их появление вызывает кризис (концепция «мысль – это птичка, она не живет в клетке» и т.д. всё, что вокруг этого), – тогда СМД-методологию нужно отнести к примативному формату.

Если институциональным решением СМД-методологии является ММК и Георгий Петрович Щедровицкий как его лидер, то перед нами версия античного формата.

Если институциональным решением СМД-методологии является Школа культурной политики, Школа инновационных менеджеров и т.д., включая эти Чтения, то это версия схоластического формата.

И, наконец, если СМД-методологию нужно изучать в университете вместо философии, защищать по ней диссертации и делать [большой учебник](#), как здесь было сказано вначале, то это версия сциентического формата. Я не методолог, но не желал бы СМД-методологии ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой судьбы. По-моему, это просто скучно.

И, на мой *взгляд постороннего*, СМД-методология создала собственный институт воспроизводства-и-развития мышления. Причем, обращаю ваше внимание, «воспроизводства-и-развития» через дефисы. В этом формате они связаны неразрывно и не существуют порознь. Иными словами, СМД-методологию нельзя учить – её можно только развивать.

А развитие СМД-методологии – это, конечно же, организационно-деятельностная игра. Как механизм и институт она восходит к другим коллективным мыследеятельностям: собор (старый, еще средневековый), классическая сталинская шарашка, ЗАТО, наукоград... – ставлю здесь многоточие. Но, есте-

⁴⁰ Видимо, докладчик подразумевает, что ответ на данный вопрос эквивалентен решению проблемы формирования методологией собственного формата мышления. Но задание даже устойчиво воспроизводящегося формата мышления еще не есть институционализация. Как указывал выше сам докладчик, формат связан с понятием шага технологического развития. Иными словами, *понятие «формата» взято из языка описания технологий, а не институтов*. Об этом свидетельствует и приводимый докладчиком выше способ описания формата путем последовательных ответов на тринадцать вопросов. *Воспроизводство формата – лишь одна из компонент институционального воспроизводства. Две других – это воспроизводство мыслящего сообщества и воспроизводство мыслящего человека («мыслителя»)*, см. доклад: Данилова В.Л. Средневековый университет как институт мышления // XVII-XVIII Чтения памяти Г.П. Щедровицкого. Часть I: [скачать файл](#) / [перейти к файлу](#). – Ред.

ственно, в ОДИ-технике, я бы сказал, это было доведено до своего логического предела.

Современное мышление, с моей точки зрения, – это «мышление рядом». Соответственно, это ситуация, где истинность определяется не логическими доводами, а наличием *совместного понимания* истинности той или иной мысли. Но для этого вам нужна фигура сборщика, и в этом плане оргдеятельностные игры при Георгии Петровиче [Щедровицком] и потом – это *разные* оргдеятельностные игры. Георгий Петрович был сборщиком от Бога, он умел собирать игру на себе. И его Игра сразу становилась форматом мышления. Если провести Игру технически правильно, но не собрать ее результаты, то в общем, получается, как любит рассказывать Петр Георгиевич про известную чилийскую женщину: всё хорошо, но не работает, всё точно сделано, но – не работает. И поэтому СМД-методологии сейчас необходимы фигуры сборщиков. Людей, которые могут собирать коллективные мыследействия. Они есть, в том числе и в этом зале, но их пока очень немного.

Итак, мое утверждение: *любая форма коллективного мыследействия при наличии сборщика является институтом СМД-мышления.*

Взгляните на [схемку](#) того, что происходит сейчас с образованием (по уровням, которые мы рисовали до этого в теме шага технологического развития), и посмотрите, где находятся сборщики: это – позиция метапрофессионалов, и она лежит выше компетенции.

Если вся существующая система образования работает с профессионалами, а всё современное несистемное образование работает на уровне компетенций с транспрофессионалами, то здесь (на уровне «метапрофессионалов») должен находиться институт, который нужно создавать, и нужно создавать срочно (см. рис. 4 (Переслегин)).

Специально обращаю ваше внимание, что со следующим уровнем – с теми, кто лежит за метапрофессионалами, – не работает никто, и мы даже как-то не очень понимаем, как здесь вообще можно работать (см. рис. 5 (Переслегин)).

И, смотрите, какая получается интересная гомология. Католицизм (я говорю сейчас про форматы мышления, начиная со схоластического): доверие к книге, индивидуальное мышление, а в музыке – малые музыкальные группы. Реформация: доверие к природе, к члену общины, разделение труда в науке, крупные научные формы, то есть институты, университеты – и оркестры. Что сегодня? Доверие человеку, к другому, к себе, к полю, в котором мы мыслим. Это – музыкальная импровизация и импровизационные группы в науке. То, что называется *когнитивным импрессионизмом*⁴¹. Хороший пример – спектакль Олега Игоревича Генисаретского⁴².

⁴¹ Это сравнение принадлежит Евгению Никулину. – С.П.

⁴² Спектакль «Внутренняя Одиссея», поставленный в 2010 году Германом Грековым в рамках документального проекта «Человек.doc», включавшего 10 спектаклей о культурных героях современности. Спектакль, в котором О.И. Генисаретский является единственным актером, идет в театре «Практика» на сцене театра-клуба «Мастерская». – Ред.

Профессионалы	Умение	Образовательный процесс	Социальный уровень
	Навык	Окультуривание	Мнение
	Квалификация	Профессионализация	Точка зрения
	Творческий потенциал	Инициация	Фокус зрения
Транспрофессионалы			
Компетенция	Онтологизация	Позиция	
Метапрофессионалы			
Сборка	Универсализация	Самостояние	
Трансформация	????????????????	Самодвижение	Гении
Преображение	????????????????	Самоотречение	

Рис. 4 (Переслегин). Образовательные уровни институтов.

Профессионалы	Образовательные институты	
	Система образования: дошкольное образование, школа, ВУЗ, аспирантура, поствузовское образование...	
	Транспрофессионалы	
	Несистемное (личное) образование: самообразование, персоналитет, самостоятельная рефлексивная творческая деятельность	
Метапрофессионалы		
??		
Должно быть соответствие уровней кризиса, управления, образования и рефлексии		

Рис. 5 (Переслегин). Образовательные уровни институтов – 2.

Можно выделить три неудачные попытки создать формат мышления, альтернативный господствующему. Галилей (обращаю внимание тех, кто в курсе, на доклады Дмитрия Бахтурина на Семейных Играх) пытался вместо господствующей уже в тот момент натурфилософии создать совершенно особенное

учение, я его называлю «натурдиалектика». Гейзенберг и отчасти Гёдель придумали и создали квантовое мышление вместо научного. Заметим, что его так и не удалось до конца институционализировать. И, наконец, Георгий Петрович создал то, что я бы для себя назвал постдиалектикой: методологическое мышление вместо диалектического материализма.

Предлагаю гипотезу, что во всех трех случаях речь идет об одном и том же формате – о формате, альтернативном современному формату мышления, который нам известен как сциентический, или научный. Три попытки – и, может быть, сегодня (я имею в виду в последнее десятилетие) начинается четвертая. По крайней мере, так было бы интересно думать.

Любимая мною картинка – это триалектическая конструкция СМД-метаоператора. Сейчас я не буду о ней рассказывать – это просто картинка для того, чтобы показать, что такое для меня СМД-мышление.

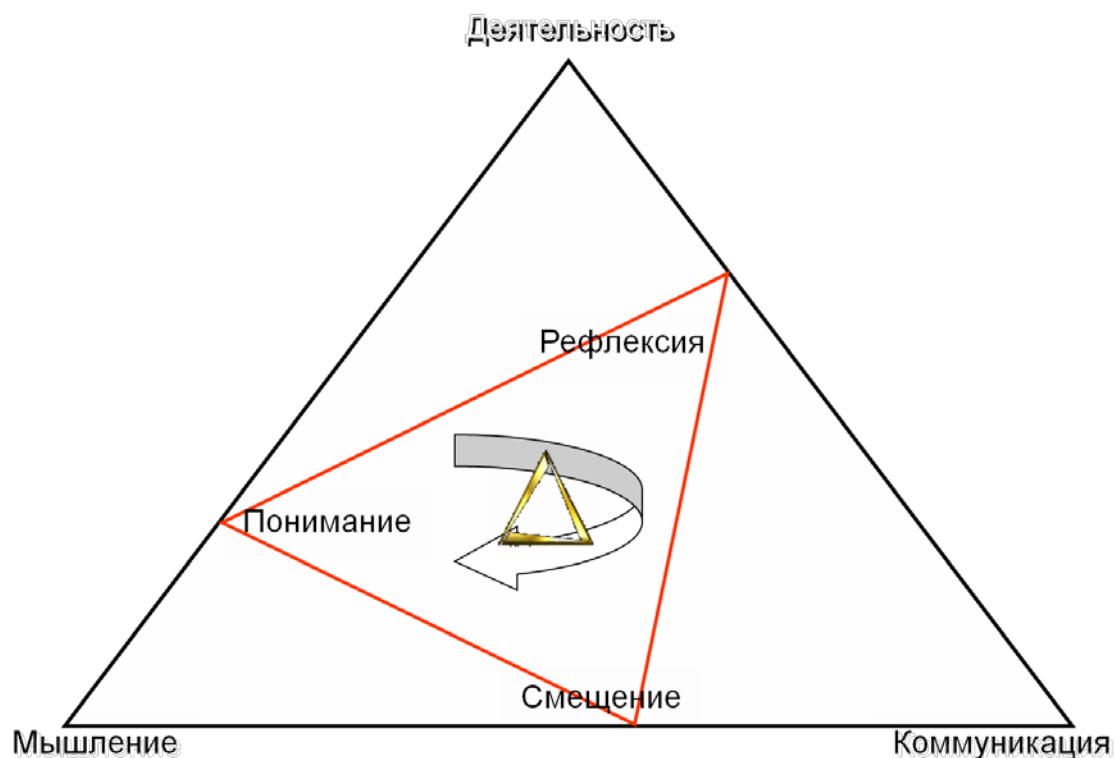

Рис. 6 (Переслегин). Триалектическая конструкция СМД-метаоператора.

И последнее, что я бы хотел сказать. Я хочу обратить ваше внимание на то, что в основе институтов мышления и его развития лежат *метаинституты*, существование которых делает институты не только возможными, но и необходимыми. Мне удалось найти *три метаинститута*: *миф* как придание «чему-то» смысла, *логика* как придание тому самому «чему-то» формы и *парадокс* как артефакт, разрешающий противоречие смысла и формы (или в языке – семантики и синтаксиса).

В этом плане то, что происходит сейчас, и то, что, с моей точки зрения, является следующим этапом развития СМД-методологии, – это включение парадокса и парадоксологии в СМД-подход. Логика присоединяет понятие числа

и измерения, миф работает с понятием пространства и времени. Пространство и время не могут быть рационалистически изображены, соответственно, число не может быть мифологизировано, хотя всю жизнь человечество только этим и занималось, то есть пыталось всё это соединить. И именно это стало основой причины [появления] парадоксов.

Это (см. рис. 5 (Переслегин)), собственно, структура существующих парадоксов. Известны математические, логические и физические парадоксы: всё это – зоны интеллектуальных парадоксов, которые описываются в трех языках и в трех действительностях. Отсюда – структура парадоксального мира.

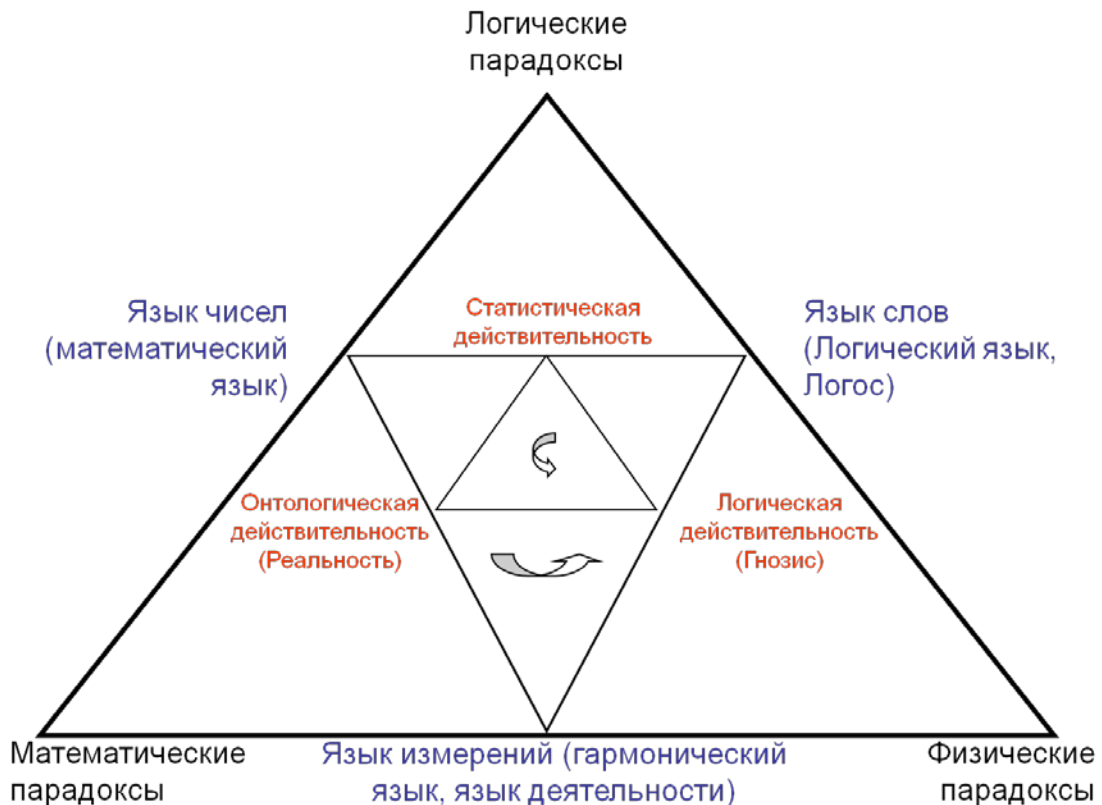

Рис. 7 (Переслегин). Структура парадоксального мира.

Заметьте, любой парадокс указывает на недостаточность формата мышления. Посмотрите, сколько есть парадоксов, с которыми мы не в состоянии справиться.

И, пожалуй, еще одно высказывание. Найдя три метаформата, я утверждаю, что большой ошибкой современного человечества, и в частности СМД-методологии, будет непонимание того, что наличие Интернета как *специфической системы коммуникаций* дает нам шанс, пусть и не очень большой, на создание еще одного метаформата мышления. Три базовых языка: 1) превращение события в вещь, или *письменный язык*, 2) *устную речь*, или умение назвать и показать вещи, и 3) *язык мышления* как умение понять события и вещи, – Интернет перемешивает в три новых формы. Я их называю wiki-речь, net-речь и

дос-речь⁴³. Но в Интернете *отсутствует сборка*, поэтому в Интернете не возникают смыслы. И когда я говорю, что СМД-формат мышления и СМД-институт мышления – это коллективное мышление плюс сборка, я утверждаю, что Интернет – формальный инструмент, в котором СМД-мышление должно максимально активно работать.

Wiki-речь нуждается в сборщике, тогда возникают смыслы.

Всё, спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Три вопроса. Докладчики, я уже говорил, имеют приоритет.

Розов. Спасибо большое за доклад! Когда Вы говорили об изменении форматов в истории, то – нравится это Вам или не нравится, понимаете Вы это или нет – Вы вступаете в область макросоциологии, а это не пустое место, там много чего уже было. Если я правильно понял, то, что мы сейчас услышали, это такой вариант шпенглеризма. Там у него архетипы менялись, и, соответственно, вся остальная культура, всё в обществе ими определялось, – а здесь форматы меняются, то есть такой рациоцентризм, и соответственно в обществе тоже всё меняется. Коллингвуд примерно то же говорил, когда гегелевское понятие в основе всех исторических процессов.

Я должен сказать, что очень многого добились макросоциология в XX веке, и Шпенглер не пользуется особым авторитетом, кроме как у историков науки. Сейчас мейнстрим – это скорее неовеберизм, где есть множество факторов, таких как демография, геополитика, построение государства, конечно же, марксистская экономика, развитие технологий, конфликты и прочее, и прочее, и задают динамику.

Как Вы могли бы обосновать этот свой рациоцентризм, что именно из форматов мышления, практически по Шпенглеру, всё остальное вытекает? Это первое. Второе: как Вы можете обосновать то, что современная наука не занимается эмпирикой? Биологи – они что, не выезжают в экспедицию, химики – не проводят эксперименты, физики – у них что, нет физических установок? И что Вы имеете против математики?

Переслегин. Первое. Я ни в коем случае не являюсь рациоцентристом, поскольку вообще-то я марксист – по образованию и по своей картине мира. Просто темой моего доклада было мышление. Я не говорил о социальном развитии, но я, безусловно, говорил о следующем.

Я, ведь, определил мышление как кризисную технологию. Как технологию, которой вы пользуетесь, когда у вас не хватает навыка, и вам нужно сдвинуться за пределы тех задач, которые вы умеете решать. И если форматы мыш-

⁴³ Ср.: «Мы все чаще имеем дело с текстом на экране компьютера, а его мы не пишем – в том самом исконном смысле. Мы нажимаем на клавиши, и происходит некое чудо – на экране возникают буквы. Сегодня, если мы говорим о письменной речи, точнее говорить не о том, как это сделано, а о том, как это воспринимается. Естественно, это противопоставление по двум признакам (производство речи и ее восприятие) происходит всегда. Пишем или произносим – слышим или видим. Это основные противопоставления. Сегодня на первый план выходит именно противопоставление восприятия. В этом отношении сегодня точнее говорить именно о визуальной (а не письменной) речи.» – Из: [Максим Кронгауз. Язык и коммуникация: новые тенденции // Лекция 19 марта 2009 г. – Ред.](#)

ления оказываются в кризисе, что бывает исключительно редко, то любая серьезная социальная проблема в этот момент становится неразрешимой по определению. Предыдущие навыки и инстинкты не помогают, а способ мышления, которым вы могли бы решить эту задачу, внутри вас самих дефицитен. И вы говорите, что решения нет. Но если решения нет, то дальше эта социальная проблема – вместо того, чтобы быть так или иначе купированной, – просто начинает разрастаться. С точки зрения чисто формальной – это нормальный рост возмущений в среде, то есть возмущения в среде могут как схлопываться, так и, наоборот, расти. В этом случае они начинают расти.

Но я не говорил, что все социальные процессы имеют в этом смысле когнитивную причину. Я лишь утверждал, что, когда когнитивные проблемы случаются, на социальности это раньше или позже – кстати, обычно далеко не сразу, – но скажется обязательно.

Второй вопрос – относительно эмпирики. Как человек, который заканчивал в свое время физфак, я привык к фразе: «не делите науки на физику и на все остальные, а делите только на физику, ибо на нуль делить запрещается». Поэтому говорить буду о физике. Да, формально физика до сих пор склонна сама себя считать эмпирической наукой. Современная «высшая» физика – это физика высоких энергий, физика элементарных частиц, а начиналась она фактически с механики, которая нашла продолжение в квантовой механике, квантовой теории поля, релятивистской квантовой теории поля. Я указал направление движения физики как специфического Знания.

Если вы внимательно посмотрите, какие эксперименты ставятся на Большом адронном коллайдере, вы увидите, что речь идет о настолько уже не прямой эмпирике, что назвать физику связанной с опытом сегодня очень трудно.

Например, сейчас считается, что W -бозон давно открыт. Как это выглядит? Найдены определенные экстремумы в распределении вероятностей некоторых событий, произошедших в коллайдере. То есть имеется кривая распределения вероятностей определенных захватов или распадов как функции энергии взаимодействующих частиц, и у этой кривой есть экстремум, соответствующий одной из гипотетических масс W -бозона.

На одну секунду представьте себе судебное заседание и адвоката Перри Мейсона (да хотя бы прокурора Бергера!), который говорит присяжным: «Посмотрите на этот график! Он неопровержимо показывает, что здесь есть W -бозон»⁴⁴. Мало кто в это поверит. Сами физики тоже не до конца верят. И я обращаю ваше внимание на блистательную фразу в современных научных публикациях: «Существует некоторая убежденность в том, что, может быть, бозон Хиггса нами обнаружен». Это не эмпирика, уважаемые дамы и господа, хотя мы всё еще делаем вид, что это эмпирика.

Какие у меня претензии к математике? Разумеется, никаких, я отношусь к ней с глубочайшим уважением. Просто я обращаю внимание собравшихся на то, что логика схоластов («всё написано в Священном Писании») и современная логика («всё написано в математических выражениях») абсолютно иден-

⁴⁴ Герои серии детективов Э.С. Гарднера. – С.П.

тичны. И в этом плане математический подход к физике сегодня является прямым возвращением к схоластике от натурфилософии. А это называется, в рамках моей картины мира, «всплытием реликтов», то есть восстановлением формата, который в свое время был разрушен.

Щедровицкий. Прошу Вас, и еще один вопрос.

Костин. У меня два вопроса – о гениях и парадоксах. Александр Костин, ЦЭМИ РАН. В своем докладе Вы отметили, что с гениями никто не работает. А что Вы скажете про творчество Генриха Сауловича Альтшуллера и ТРИЗ, ТРТЛ, ТРВ? И связанный вопрос – к треугольничку о парадоксах: не проще ли термин «парадокс» заменить на «противоречие» и использовать для их разрешения методологию ТРИЗ? Спасибо.

Переслегин. Я всегда очень хорошо относился к ТРИЗу, тем более что, хотя учеником Альтшуллера и не был, но посещал кое-какие занятия. Начну со второго вопроса, с ним проще.

Парадокс является не просто противоречием – это предельная форма противоречия. И в этом смысле практически любое противоречие можно перестроить в вариант парадокса. В нашей группе парадокс мы называем «противоречием с одной стороной», ибо вторая его сторона находится в зоне непознанного, поэтому не может быть названа – мы ее не видим. В этом плане ответ: конечно, с одной стороны – да, с другой – с односторонними противоречиями мы работать не умеем. ТРИЗ работал с двусторонними противоречиями, или просто противоречиями, а затем через вепольный анализ⁴⁵ начал работать с тем, что мы называем балансами, или трехсторонними противоречиями.

Мне представляется, что задача на сложное мышление, о которой я говорил фактически все эти полчаса, – это попытка работать с противоречиями, число сторон которых произвольно и, может быть, даже не является целым. Но я пока не понимаю, как это сделать. Задачу я понимаю, но ответа у меня нет.

Работает ли ТРИЗ с гениями? Ответ – нет, ТРИЗ работает с уровнем транспрофессионалов (см. рис. 4 (Переслегин)), не дальше.

Щедровицкий. Давайте без споров, у нас сегодня будет доклад про ТРИЗ. Да, прошу, Ваш последний вопрос.

Битехтина. Битехтина Любовь Дмитриевна, профессор РПИ. Вопрос к тем форматам, которые Вы выделили: античный формат, средневековый формат, схоластический... Хорошо известен факт о том, что богословие возникает на совмещении античной философии и Ветхого Завета. Но почему возникают новые форматы, а, допустим, не трансформация и эволюция?

Переслегин. Понимаете, для меня это ведь в значительной мере вопрос на определение. Можно это назвать трансформацией. Смотрите, как чисто формально я вижу эту ситуацию. Я вижу группу вопросов, которую решил античный формат, – и я вижу группу проблем, которая возникла в античном формате. Я вижу колоссальные социальные изменения – и я вижу, как формат, ко-

⁴⁵ Структурный вещественно-полевой (вепольный) анализ – раздел ТРИЗ, изучающий и преобразующий структуру технических систем. Разработан [Г.С. Альтшуллером](#). Веполь – минимально полная техническая система, состоящая из двух взаимодействующих объектов и привлекающегося для создания спецификации их взаимодействия «поля» (поля – в широком смысле; так, например, «холод» тоже будет «полем»). – *Ред.*

торый мы называем схоластическим, формируется потом на других основаниях, используя абсолютно другой субстрат (Вы правильно вспомнили здесь Ветхий Завет), и формируется долго и сложным образом. С моей точки зрения, концепция, рассматривающая это как разрушение и формирование, может быть более практична, прагматична, нежели концепция, рассматривающая это как трансформацию. Но вообще вопрос, конечно, лингвистический. Я не зря сказал, что сложились четыре формата – они же находятся в зоне тренда, они генетически связаны и т.д. Значит, можно это назвать и развитием.

Щедровицкий. Спасибо, коллеги. Давайте поблагодарим Сергея Борисовича. А Сергей Борисович извинит нас за то, что мы будем обсуждать его доклад без него самого, в его отсутствие, – но мы обязуемся сообщить Вам о ходе и результатах этого обсуждения.

Сергей Николаевич, пожалуйста!

С.Н. Градировский

Институционализация мышления в истории Церкви⁴⁶.

Доклад и вопросы по докладу

Градировский. Петр Георгиевич сформулировал для меня вопрос, на который я постараюсь дать ответ. Он звучал так: *какие выводы о жизнеспособных форматах институализированного мышления может дать нам история Церкви?*

Безусловно, это приглашение к серьезному разговору. В связи с чем, для начала, позвольте назвать очевидные для меня формы институализированного мышления, вроде как не требующие особой базы доказательств:

Язык – предоставляющий саму возможность мышления. У всех на слуху тезис о предопределенности мышления языком. Более того, Витгенштейн указывал на скрытый механизм саморазворачивания языка. В религиозном сознании важное место занимают сакральные языки – санскрит, иврит, арабский, латынь и другие, ограничивающие перевод и задающие области должного мышления и переживания. Но то, что открывает *саму возможность* мышления, то и во многом предопределяет. Язык не может не прочертить определенного русла, и, в этом смысле, дисциплинировать, в какой-то мере ограничить и даже непременно что-то закрыть – сделать недоступными когнитивные проходы.

Онтология – понимаемая мною как выхваченный мышлением из бытия кусок реальности. Онтологично лишь то, что удалось вырезать в самом бытии, границ которого мы не знаем и знать не можем, но мы можем знать границы своего знания, той области, которую осветил луч мышления. Сошлюсь здесь на Петра Щедровицкого, на одной из игр полемично бросившего в зал: то, что не

⁴⁶ См. также файл [тезисов](#).

обладает онтологическим статусом – то и не мышление. Я соглашаюсь с таким определением, ибо мышление даже говоря о чем-то частном, обязано пребывать в общем, для чего ему (мышлению) важно оставаться онтологически фундированным. С онтологией также как и с языком: она открывает небывалые возможности для мышления, дотягивая всякого думающего в ней до своих границ и принципов, но она же устанавливает границы должного и возможного, то есть вводит ограничения.

Скриптура – сакральный текст, вне которого невозможно помыслить нашу цивилизацию. Техники постановки определенного типа мышления на Тексте хорошо проработаны в иудаизме, где они формируются в работе с Танахом и Талмудом, а также в той традиции христианского богословия, которая извлекается еще из времен апостола Павла и длит свое существование в современных школах протестантизма.

Наконец, *догмат* (здесь понимаемый как институт, а не как единица мышления), который *одновременно и последовательно*⁴⁷:

- a) алгоритм богословского мышления (то, в каком порядке мышление может развёртываться);
- b) рамка такого мышления (то, докуда оно себя чувствует свободным и где начинается ересь);
- c) фальсификатор мышления (то, что позволяет уберечься от ереси, иначе банального непопадания в цель, значит, греха);
- d) узда и, одновременно, шпоры мышления (то, что ограничивает буйство мышления и, одновременно, не дает мышлению успокоиться и «выйти на пенсию»);
- e) символ духовных побед (новый догмат – это в действительности подвиг коллективной мысли);
- f) и даже, как ни странно, догмат есть то, что противостоит рациональному интеллектуализму на почве Откровения (см. опыт святых каппадокийских отцов).

В чем здесь сложность? Те, кто считают, что мышление не технологизируется, – те, конечно же, должны считать, что оно и не институционализируется⁴⁸. Хайдеггер – вождь этого лагеря. Этот подход – следствие приписывания мышлению качества спонтанности, удивления, «поворота». Мышление как бы принадлежит и не принадлежит человеку. Даже больше – это человек принадлежит мышлению, если конечно оно его избирает. Так и в школе Щедровицкого мы часто слышим определения следующего типа: «мышление село на человека», «мышление случилось». Обращу ваше внимание на то, что такое представление о мышлении невероятно напоминает христианский взгляд на приро-

⁴⁷ Тема догмата раскрыта автором в работе: [Сергей Градировский. 45 тез о догме](#). – С.Г.

⁴⁸ Данным утверждением докладчик ставит институционализацию мышления в зависимость от его технологизации. Выражаясь языком предыдущего [доклада С.Б. Переслегина](#), институционализируется только то мышление, которое имеет «формат». Однако возможна и иная точка зрения, отличная от позиций и докладчика, и М. Хайдеггера, которому докладчик здесь противопоставляется: мышление имеет как «форматируемые», так и принципиально «неформатные», нетехнологизируемые компоненты – но при этом может быть институционализировано и воспроизводимо. Предположение, вполне правдоподобное применительно ко многим школам мысли. – *Ред.*

ду Святого Духа, Который «дышит, где хочет» и в этом смысле владеет, кем хочет.

Для Хайдеггера метод и методология – формы смерти мышления, ибо метод – это «дорога в указателях», как нам сообщает само слово, его первичная этимология. Значит, дорога кем-то до вас размеченная. Поэтому тот, кто метил – тот и мыслил; те же, кто пользуются размеченным путем – те не мыслят, но в лучшем случае действуют. Идти провиденциальным путем – тоже подвиг, но точно не подвиг мышления.

Позиция Хайдеггера, надо признать, ясная и сильная, но одновременно придется признать странной ситуацию, когда данную позицию исповедуют методологи. Согласитесь, это уже какой-то апоптоз⁴⁹.

Поэтому для меня мышление принципиально и непременно и технологизируется, и институализируется. И, одновременно, в силу своей природы – в том числе ухваченной Хайдеггером – пытается избавиться как от того, так и от другого. В таком подходе к мышлению легко распознать почерк каппадокийцев, доказавших, что истина сокрыта за парадоксальными формулировками.

Было бы правильным привести доказательство и от обратного. Дураки потому и могут овладевать «машинами мышления» (опасность, которую мы обсуждали на последней игре по онтологии⁵⁰), что существует институционализация мышления.

Комбинация форм институционализации христианского мышления уже по итогам IV и уж точно V веков выглядела примерно следующим образом⁵¹.

Самый высокий уровень занимала *догматика*, которая воистину являлась царицей богомыслия и богослужения. Важно помнить, что догма – понятие, закрепленное в христианстве за прикровенными, тайными, с трудом дающимися истинами вероучения, постигаемыми лишь мистически, и потому выражаемыми исключительно символически и по неизбежности парадоксально. В таком виде догма противопоставлялась керигме – ясному, доступному, не противоречивому выражению евангельской истины. Религиовед Карен Армстронг уподобила догматическое мышление «богословскому танцу между тем, что мыслят и предполагают о «Бог» простые смертные, и безмолвным пониманием того, насколько условны любые суждения такого рода и вся керигма в целом»⁵². В IV веке греко-христианский ум, густо замешанный на неоплатонизме, пришел к выводу, что в основе любого теологического построения должен лежать

⁴⁹ Апоптоз (греч. «опадание листьев») – запрограммированная гибель клетки в ответ на внешние или внутренние сигналы. – *Ред.*

⁵⁰ Речь идет о седьмой игре онтологического цикла, прошедшей в Подмоскowie в январе 2012 года (руководитель цикла П. Щедровицкий). – *С.Г.*

⁵¹ К приведенному докладчиком перечню форм институционализации христианского мышления можно было бы добавить стоящие за догматами *Писание* и *святоотеческое наследие*, а также такие значимые для богословского мышления и Церкви в целом институты, как *диспуты* и *Вселенские соборы*. Для институционализации христианского мышления в католической конфессии важную роль играло также *церковное право*, подкрепленное силой *инквизиции* и властью *Папы*. В терминологии [доклада Н.С. Розова](#) перечисленные институты можно рассматривать как «вторичные» и «третичные» по отношению к мышлению. – *Ред.*

⁵² *Карен Армстронг. История Бога. Тысячелетние искания в иудаизме, христианстве и исламе. К.-М.: София, 2004. – С.Г.*

парадокс, который, кроме прочего, требует воздержания от окончательных суждений о сущности и природе Божества. И уже куда позже, именно на Западе догма стала обозначать общий свод категоричных, официально утвержденных и не проблематизируемых суждений⁵³.

Символ веры – дооформленная керигма, собранная в компактную форму, удобную для трансляции и многократно оправдавшую себя. Запомнив эти несколько строк, их мог петь всякий и каждый, даже вполне простоватый христианин. Но с почтительностью пропевая Символ веры во время литургии, прихожанин каждый раз восстанавливал в своей голове картину мира, а если он мог это сделать еще и рефлексивно, то достигал большего – у него формировалась крепкая тринитарная онтология. Таким образом, благодаря Церкви доступ к онтологическому знанию был дан каждому, что позволило реализовать величайший эгалитаристский принцип.

Литургия – Василия Великого, Иоанна Златоуста или католическая месса – являла собой пример соединения всех доступных искусств таким образом, чтобы определенные мыслительные конструкции можно было разворачивать ежедневно и последовательно в специально устроенном для этого пространстве. Это позволяло прорабатывать содержание, задействуя все каналы человеческой перцепции.

Храм, который суть «богословие в камне» и который есть торжествующее совершенство пропорций, фиксирующее определенное сообщение *urbī et orbī* в материале, противостоящем времени (в камне).

Икона – «богословие в красках», согласно *обратной перспективе* – взгляд из иного мира, взирающий на смотрящего из мира сего. Икона была, с одной стороны, доступнейшим средством фиксации определенного содержания для неграмотного или малограмотного населения, которое в режиме постоянных молитвенных встреч с иконой его усваивала. С другой стороны, икона оставалась для духовидцев дополнительным каналом сообщения миру новых богословских смыслов, которые в тексте по той или иной причине не могли быть зафиксированы и обнародованы.

Далее я представлю несколько сюжетов из истории Церкви.

Сюжет первый посвящен отцам каппадокийцам. Император Константин собирает Первый Вселенский собор (325 г.). Он всё оплачивает. Кесарь создает все условия для многотрудной работы, но взамен просит одного – договориться. Договориться между собой. (На полях замечу: Константин, не будучи на тот момент христианином, сочувствующий то одному, то другому лагерю, вел себя куда корректней, чем последующие императоры, которые, уже будучи христианами, воображали себя вправе навязывать свое суверенное мнение Вселенской церкви.)

⁵³ Карсавин писал: «Догма лишь отграничивает истину от обличаемой ею лжи». Обратите внимание, насколько это отличается от того, что в обыденном языке понимают под догматом! «Догма производит некоторое очерченное сферы, которую всякий должен постигать в мере и качестве дарованной ему благодати». – Из: *Лев Карсавин. Святые Отцы и учителя Церкви.* М.: 2008. – С.Г.; а также на [сайте](#) с издания: *Лев Карсавин. Святые Отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях)* М.: Издательство МГУ, 1994. – Ред.

Зачем кесарю согласие Церкви? Константин понимает, что разномыслие, бушующее в империи, ставит царство под угрозу, морально подтачивая и ослабляя ее. Поэтому Император от собравшихся и требует – договориться! Но договориться как всегда непросто.

Надо признать, что дискуссия обнажила дефицит ряда понятий, из-за чего задача схватывания онтологических интуиций казалась неразрешимой. Не было даже ключевого слова, позже ставшего центральным понятием тринитарного догмата – *омоусии*⁵⁴. Его принес Афанасий Великий, причем из пустыни, куда он бежал, будучи жестоко преследуем и где он в посте и молитве обрел его. Омоусия будет положена в центр конструкции тринитарного догмата и войдет в афанасьевский Символ веры.

В те годы Афанасий и каппадокийцы яростно ищут категориальный язык, позволивший бы схватить тончайшие интуиции Откровения. Обвинения известного теолога XIX века Гарнака⁵⁵, что в тот момент христиане поддались очарованию эллинизма, хуже того – что в них победило желание выглядеть респектабельными, дабы римская знать признала их за людей достойных внимания, – правдивы только отчасти и не по существу. Достойный ответ на эти обвинения дает Николай Бердяев, показывающий, что всё как раз наоборот: это ересь была рациональна и тем самым доступна юридическому сознанию римлян. И действительно, монофилитство, монофизитство, арианство⁵⁶, все они как учения были более строги и понятны с позиций рационального мышления и более фундированы в господствующей эллинской культуре. А то, что только в будущем станет ортодоксией, напротив, представляло собой учение парадоксальное, антиномичное, обескураживающее, вызывающе наивное. Оно было гносеологически неопределенным: вроде как давало знание о трансцендентном, и не давало, вроде как сообщало что-то о Едином в трех Лицах – и тут же отрицало ранее сообщаемое в попытке вырваться за языковые пределы.

Так, Григорий Назианзин, один из каппадокийцев, описывал свое сокровенное созерцание Троиц в Одном, которое вызывало у него глубочайшие и ошеломляющие чувства, что полностью вытесняло привычное ясное, рациональное мышление: «Едва только помыслю об Одном, как озарюсь величием Троиц, а стоит мне различить Троиц, как тут же переносусь назад к Одному. И когда размышляю о любом из Троиц, мыслю Его как Единое, и глаза мои затуманиваются, и почти всё, о чем я мыслю, от меня ускользает...»⁵⁷. Это же по сути коан.

⁵⁴ *Омоусия* (греч. – единосущие) – первоначально учение Афанасия и его сподвижников-каппадокийцев о том, что Иисус имеет ту же сущность (усию), что и Бог Отец, и поэтому в той же мере есть Божество. Позднее как регулятивный принцип мышления в тринитарном догмате распространяется и на третье Лицо Божества – Дух Святой. Три Лица Троицы «неслиянны» (как различные *ипостаси* Божества), но при этом «нераздельны» (единосущны). – *Ред.*

⁵⁵ Адольф фон Гарнак. История догматов. М.: 2005 – С.Г.; а также на [сайте](#) с первого изд.: Адольф фон Гарнак. История догматов, в кн.: Общая история европейской культуры, СПб. 1911, т. 6. – *Ред.*

⁵⁶ Для борьбы с которыми равноапостольный Константин Первый и созвал в 325 году Вселенский Собор в Никее. – *Ред.*

⁵⁷ Карен Армстронг. Указ. соч.

Поэтому догма, выращенная из ясной, живой и непосредственной керигмы, вынуждена была приобрести парадоксальную форму. Такая догма не позволяла выносить поспешные, школьные суждения о Боге, Который, даже раскрывая Себя, оставался в Своем естестве Неисповедим. Керигма же по определению имеет дело лишь с описанием энергий (сил, проявлений) Божества.

Вывести человеческое мышление через схематизм догмата на парадоксальные просторы созерцания Всевышнего – это был честнейший, но опаснейший выбор. Вне мыслительной культуры, подготовленной всей историей Греции, это было просто невозможно. И, конечно же, у этого выбора были как положительные последствия, так и отрицательные экстерналии.

Уровень культуры мышления людей, которые вводили в христианский дискурс догматы, был несопоставим с таковым уровнем подавляющего числа людей, которым пришлось как-то соотноситься с догматикой. Следствием чего стал тот прискорбный факт, что догматы расплющили мозг последних. Отчего постепенно (а в какие-то исторические периоды – достаточно быстро) догматическое мышление выхолащивается и превращается собственно в школьное, школярное, оторванное от переживания личной встречи с Невыразимым. Иначе, живое становится мертвым, гибкое – сухим. А значит, то, что обладало качеством «поворота», что останавливало и речь, и мысль, что вводило в метанойю⁵⁸ – превратилось в бесконечный и бесплодный, зато хитроумный спор о трансцендентном.

Второй сюжет посвящен Фоме Аквинату. Для себя я называю эту историю «проектом катехизации Аристотеля». Вначале историческая канва: Фому вызывают в Рим и дают время на подготовку. Чем он занят? Он постигает Аристотеля. Ему дают людей, доступ к редчайшим текстам, необходимую инфраструктуру, на чем он и строит целый исследовательский институт.

Организовав работу других, Фома организует собственный когнитивный аппарат. Он ограничивает себя двумя условиями. Первое: он не доверяет никаким переводам античного философа (напомню, в Европу Аристотель вернулся через переводы с арабского). Поэтому за тяжелую переводческую работу с оригинального греческого языка усаживается целая бригада ученых монахов. Второе: Фома не выносит никаких собственных суждений, пока не ознакомится с полным корпусом текстов Стагирита. А это требовало терпения и времени.

После завершения данного этапа работ Рим направляет Аквината в Париж, на тот момент главный интеллектуальный центр Европы. Какую же задачу ставит перед ним Святой престол? Выиграть Аристотеля у всех – у аверроистов, августинцев, мракобесов (к последним я отношу тех, кто во все времена под любым благовидным предлогом выдавливал мышление из Церкви). Выиграть – значит, дать самую убедительную и безупречную интерпретацию его наследства, а затем институционализировать эту версию с последующей трансляцией ее с университетских и епископских кафедр.

⁵⁸ Метанойя (греч. «покаяние») – изменение в понимании собственного Я и жизненной цели, основанное на переосмыслении интеллектуального отношения к миру. – *Ред.*

Мораль. В какой-то момент Церковь понимает, что Аристотель неизбежен. Интеллектуалы Европы пробуждаются, и у них есть образец – блестящая эллинская культура. Открываются ранее неизвестные тексты и иные артефакты. Но если Аристотель неизбежен, пусть восторжествует *правильная версия* его учения! Правильная – это та, которая позволяет Церкви удержать управленческую позицию.

Важно и то, какой тип действия избирается: не церковное мышление подтягивается до Аристотеля, отнюдь! – но Аристотель подтягивается до вершин теологического мышления, по определению, исходящего от самого Логоса. Тем самым оконтуривается востребованное миром рациональное мышление, построенное на силлогизмах Стагирита. А ведь «знание – сила». Это и значит сохранить управленческую позицию в мире.

Кроме прочего, данная история – это пример того как важна дисциплина мышления. Именно в богословии было выработано актуальное представление о дисциплинированном мышлении. Церковь намучилась с ересями, и поэтому ее интересовало не всякое мышление: ведь мышление само по себе, мышление, предоставленное самому себе – слишком бурно, чрезвычайно похотливо, невероятно рискованно, и в этом смысле, безответственно и разрушительно. Современный креативный класс это вряд ли поймет, а интеллектуалы религиозной Европы это понимали хорошо и делали выводы.

Сюжет третий посвящен Лютеру. Главный подвиг этого скромного августинского монаха в том, что он открыл доступ к Писанию массовому читателю. Для этого нужен был не только Лютер и печатный станок, но много чего еще. Нужно было, чтобы этот массовый читатель по определению был, то есть чтобы немало людей могли бы элементарно читать. Для этого должно было существовать книгопечатание, потому что производство текста должно было стать относительно дешевым, в результате чего каждый мог бы купить книгу и хранить ее в доме. Для этого нужна была потребность в грамотных людях, то есть должен был сложиться такой экономический уклад, который бы сформировал потребность в грамотных людях и оплатил их грамотность. У этого нового класса людей должно было быть время на чтение книг. Эти люди должны были почитать за ценность собственное суждение, выращенное в размышлениях над текстом... и т.д., и т.п...

На сегодняшних Чтениях уже вспоминали [Освальда Шпенглера](#). Так вот, я помню, как меня потрясла одна его мысль, что «кисть и орудие появляются одновременно». Ибо бессмысленна такая форма кисти, с этим – почувствуйте! – мышечным аппаратом, если одновременно не было той совокупности орудий, которую эта кисть должна была держать и под которую эта кисть оказалась эволюционно или креационно заточена.

Применим данный подход к рассматриваемому сюжету. Это значит, что печатная книга, капитализм и протестантизм (как воистину эмансипированное христианство) должны были и могли появиться только одновременно! По сути, именно этот квантовый переход мы и называем Реформацией.

Важной задачей было формирование трудовой этики. Для этого богослужение выносится за стены храма. Преодолевается узкий взгляд на богослуже-

ние, разрушается монополия клира. Ведь смыслом трудовой этики Лютера было, конечно же, не циничное или наивное оправдание настоящих и будущих преступлений капитализма, а воссоздание *принципа всеобщего священства*, согласно которому повседневный труд пекаря, библиотекаря, архитектора и правителя является *богослужением*, если только он осуществляется с определенных экзистенциальных, когнитивных и нравственных позиций. Потому не надо наивно полагать, что служат Богу только церковники, и не надо отождествлять Церковь с Царством Божиим, о пришествии Которого, каждый верующий молит Отца в ежедневной молитве «Отче наш» («да придет Царствие Твое»).

Итак, Лютер открывает доступ к Писанию, вере и суждению, и через это – к массовому христоцентрированному мышлению – *Solus Christus!* Мышлению, обращенному в повседневные заботы человека. Он смело срезает сухие ветви Предания, открывая доступ к Писанию – *Solo Scriptura!* Он формулирует предпосылки трудовой этики, и выносит литургию за стены храма, узрев мессу в таинстве профессионального труда.

Сюжет четвертый и последний – о вырождении теологии в Новое время. Либеральную теологию я рассматриваю как движение в сторону выхолащивания христианского дискурса. Это печальная история отказа от претензии на собственное мышление. Данная капитуляция была тщательно замаскирована под благо. Мыслительный аппарат заимствовался у великих философов современности. Например, Шлейермахер увлекся Кантом и на основе кантианского категориального аппарата развернул оригинальное богословие, кто-то сделал ставку на Гегеля, кто-то на позитивную философию. Результат налицо – секуляризация мышления, затем философии, науки и, в конце концов, мира.

У этого предательства имелось высокоморальное оправдание. Так, говорилось, что современный человек не может воспринимать описанные в Евангелии чудеса как физическое чудо, нарушающее законы природы. Ведь в ту эпоху все уже верят и поклоняются законам природы, а не сакральному тексту.

Дальше – больше. Утверждается, что в том типе массового мышления, который закрепляет себя в XIX веке, человек не может мыслить догматически. Как следствие, всякое догматическое начинают уподоблять косному и неразумному.

Отказ от чуда в нижнем этаже пирамиды знаний и от догматического мышления в верхнем этаже привел к тому, что все принципиальные позиции Церковью были утрачены. Одна из таковых – это позиция удерживающего целое, значит, ответственного за исправление пути мира сего⁵⁹.

Таким образом, каппадокийцы формируют верхние этажи христианского мышления и кладут стабильную и непременную единицу этого мышления – догмат. Аквинат – «приручает» Аристотеля, тем самым удерживая лидерство Церкви в просыпающейся от «сна разума» Европе. Лютер – сносит этажи исторических наслоений ради восстановления базовой мыслительной конструкции

⁵⁹ «В XVIII веке, когда христиане Запада начали несколько стыдиться этой догмы и решили от нее отделаться, они, в духе Века Разума, просто попытались сделать Бога рациональным и понятным. Это стало одной из причин так называемой «смерти Бога» в XIX и XX веках». – Из: *Карен Армстронг. Указ. соч.*

и, благодаря сотерологической⁶⁰ направленности своей критики, успокаивает больную совесть европейца. Но все это было спущено за пару столетий Нового времени.

В следующем эпизоде я сформулирую четыре известные мне задачи, которые решались путем институционализации определенного типа богословского мышления. Уверен, что каждая из них может и должна быть обсуждена в отношении нашей собственной школы мышления.

Институционализация алгоритмов мышления против ереси. Догматы – это саморазвертывающиеся сгустки мышления, тщательно отобранные церковным соборным единодушием. Чтобы это работало, важно было сформировать технологии работы с догматами (как мыслить, чтобы дать возможность догматам саморазвернуться?) и построить систему трансляции этих когнитивных технологий. Во многом благодаря решению этой задачи целый ряд ересей, пережитых Церковью в первых веках, были не просто преодолены, но против них в церковном теле был выработан иммунный ответ.

Институционализация мышления ради единства. Уверенно утверждаю, что ошибки в институционализации мышления закрывают путь к церковному единству и часто, соответственно, к единству определенных церковных сообществ. История полна примеров, когда институционализация вводила единообразие, которое в свою очередь цементировало Тело. На мой взгляд, не только Церковь, но и школа мысли не должна игнорировать эту задачу.

Институционализация мышления ради возможности трансляции сакрального знания. Транслировать Символ веры, состоящий из тщательно сформулированных и сбитых между собой кратких положений, куда проще, чем живой непосредственный апостольский нарратив. В христианстве сложилась целая культура создания подобных текстов – Символ веры, катехизис, исповедание веры и т.д., – работа с которыми и над которыми не прекращается.

И, наконец, *институционализация мышления ради просвещения.* Как отмечал Карсавин: «догмат указывает на области, которые всякий христианин должен разъяснить для себя, осветив светом разума»⁶¹. Обратите внимание: догмат указывает на области нашего внимания и задачу просвещения. В определенном смысле мы имеем дело с заботой о нас, с экономией наших сил и времени.

Опять же, выводы для школы (ММК) оставляю вам, дорогие коллеги.

В конце своего выступления остановлюсь на некоторых важных вещах.

Вспоминаю последнюю Стратегическую игру по онтологии⁶², устройство которой предполагало взаимодействие трех групп участников: тех, кто выступал с позиции системо-мыследеятельностной онтологии, тех, кто действовал с позиции естественнонаучной онтологии, и тех, кто действовал с позиции теологической. Мы это сделали, чтобы породить пространство, наполненное Онтологическим Другим, которым единственно и можно проблематизировать ва-

⁶⁰ Сотериология – раздел в христианском богословии, который имеет дело с учением о спасении. – *Ред.*

⁶¹ Карсавин Л. Указ соч.

⁶² Ранее упомянутая седьмая Стратегическая игра онтологического цикла, январь 2012 г. – *С.Г.*

шу собственную онтологию, а значит, – дать вам шанс на трансцендирование с последующей перегруппировкой смыслов.

Не знаю, станут ли меня «бить свои», но для меня догмат по форме напоминает схему, иначе говоря, догмат – такая же единица мышления в теологии, как и схема в ММК.

Схема есть схема. Поэтому для того, чтобы догмат получился, необходимо его очистить от всего личностного и от всего исторического, одновременно помня, что догматизация запускалась как реакция на определенные исторические события и исполнялась не без участия конкретных одаренных личностей.

Итак, несмотря на то, что догмат вырастает из исторических дебатов, *статус догмата* он приобретает только тогда, когда его удастся очистить от всего исторического, вследствие чего он становится в состоянии выполнить перенос определенного способа мышления в любое пространство, в любую эпоху, в любое время.

Теперь перекину мостик от теологии к методологии. Говоря системомыследеятельностным языком, все догматы *нарисованы* на христологическом догмате. Все смыслы христологического догмата – двойная природа Христа, двойная воля, сама формула: «стопроцентный Бог – стопроцентный человек», – все они просвечиваются в остальных догматах. В свою очередь, сам христологический догмат обязан быть нарисован на тринитарном. В общем-то, если внимательно всмотреться в историю Вселенских соборов, исторически так и вышло.

Скажу еще резче, пусть даже я если вступаю в зону особого риска: на объектно-онтологической доске лежит христологический догмат, а на организационно-деятельностной, конечно же, – сотериологический. Потому что основное действие, осуществляемое любым членом церкви и самой Церковью, – это *спасение*: спасение конкретного человека, спасение каждого жаждущего, спасение всего тварного мира.

Здесь важно ответить на вопрос: уменьшается ли степень свободы человека и свободы его отношений с мышлением с увеличением количества институтов и плотности институционализации? Мой ответ – прямой и безусловной корреляции здесь нет, если только вы не вульгаризируете понятие свободы до понятия вседозволенности. Но так же, как современная правовая мысль вынуждена себя перепроверять на предмет коррупциозности, – также и ответственная институциональная мыслепрактика должна перепроверять свой замысел и реализацию на предмет последствий для свободы.

Всякое институциональное мышление выхолащивается, любая институциональная форма не выдерживает бездушной социальной энтропии. Приведу цитату из Честертона: «Марсельеза звучала когда-то как рев вулкана, и цари земные дрожали, страхась небесной кары или, что для них еще было ужасней, праведного суда. Сейчас ее играют на приемах, где улыбающиеся монархи беседуют с ослабившимися миллионерами. Революции застывают в учреждениях, перевороты стареют, и прошлое, исполненное мятежа и гнева, кажется нам гладкой тканью традиции»⁶³.

⁶³ Из записок автора, источник не зафиксирован. – С.Г.

Сделаем вывод: институционализация неизбежна, как и неизбежна борьба с институционализацией, так же неизбежно и выхолащивание содержания внутри самой удачной формы, самого совершенного института.

Институционализация мышления не гарантирует содержательного существования навсегда, но институционализация – это обязательное условие на пути в историю. В нашем случае – на пути к созданию истории самой школы (ММК), на пути придания школе историчности и на пути, формирующем школу как таковую. Но для этого нужно поверить, что *человек вместе с мышлением призван создавать обители мышления – институты.*

Щедровицкий. Спасибо. Пожалуйста, Галина Алексеевна, Ваш вопрос.

Давыдова. Мой вопрос касается Лютера. Вы так быстро проговорили этот кусочек, что у меня возник вопрос.

Щедровицкий. Это его любимая тема.

Давыдова. И я не поняла Вашей точки зрения. Как Вы относитесь к тому, что Лютер боролся за возможность и необходимость перевода хорошего текста Вульгаты на еще не сложившийся немецкий язык – и добился в этой борьбе победы? Ведь германского государства еще не было – были отдельные княжества, – а текст уже был переведен. Какое это имеет отношение к институционализации, и как Вы это связываете? Спасибо.

Градировский. Я думаю, что Лютер сделал ровно то же самое, что до него один достойный Папа Римский (не помню его имени), который в самом начале истории христианства благословил перевод Септуагинты⁶⁴ на вульгарный латинский язык. Так образовалась Вульгата, и так западные христиане получили текст, который они были в состоянии элементарно читать.

Я полагаю, лучше дать доступ к Священному Писанию на только складывающемся языке, чем довериться малообразованному клиру и его толкованию священного текста.

Это надо понимать как политическое решение. У этого решения были свои минусы, на которые в Вашем вопросе есть отсылка, но полагаю, епископ Рима, благословивший перевод, считал, что плюсов было больше.

Давыдова. А Вы как считаете?

Градировский. Я считаю, что данное решение включило богословское мышление у европейцев и дало цивилизации то ускорение, в котором мы сегодня и пребываем.

Давыдова. Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Да, Анатолий Игоревич.

⁶⁴ Септуагинта – перевод Танаха (или Ветхого Завета в христианской традиции) на древнегреческий язык. Этим переводом, согласно легенде, занимались одновременно 72 (или 70, откуда «септа») мудреца в течение 72 дней, каждый в одиночку – и при этом все их переводы совпали. Так называемую Вульгату (Vulgata, то есть народная) создал в 386-405 гг. блж. Иероним Стридонский, пересмотрев первый старолатинский перевод (Vetus Latina). Вульгата включала в себя не только Ветхий, но и Новый Завет. На переработку Ветхого Завета блж. Иероним потратил 15 лет, оставив несколько частей непроработанными. «Новая Вульгата» (1979) содержит латинский перевод, более соответствующий оригинальному языку самого первоисточника, сохранив характерный для Иеронимова перевода стиль и лексику. – *Ред.*

Левенчук. Я вспоминаю первый доклад, в котором впервые было сказано слово «[стандарт](#)». Там оно было сказано интересным образом: стандарт – это то, что употреблялось вместо нормы, потому что там есть и отклонение, и многое другое.

В этом докладе, как я понимаю, вместо стандарта говорится «догмат». А стандарт и институт как-то действительно не взаимозаменяемы ни в речи, ни в понимании. Но когда я стал пробовать подставлять в этом докладе не столько слово «институт», сколько слова «институционализация» и «стандартизация», то действительно – происходит одно и то же. Говорится о том, что происходит некоторая стандартизация, создаются институты, в которых кристаллизуется много людей, во много этапов, с каким-то там развитием.

И можете ли Вы в Вашем докладе действительно заменить древнее такое, благопристойное такое слово «институционализация» словом «стандартизация» и взглянуть на этот процесс ровно так же? Compliance⁶⁵ стандартам, enforcement⁶⁶ стандартов. Но стандартов, а не законов.

Щедровицкий. Спасибо.

Градировский. Так как за последний год я несколько раз слышал В.Я. Дубровского, мне кажется, что он стандарт употребляет в другом смысле. Конечно же, нельзя ставить знак равенства.

Левенчук. А стандартизация?

Градировский. Нет, стандартизация связана с его пониманием стандарта. И я не могу просто взять и сделать этот перенос. Ваше понимание он (стандарт. – *Ред.*), может, и организует, – но мне он только мешает.

Щедровицкий. Спасибо. Да, прошу вас.

Бахтурин. Сергей, у меня вопрос на уточнение, потому что в твоей речи [упоминание об ассимиляции Аристотеля] прозвучало дважды [и по-разному]. Так все-таки, когда средневековые богословы [ассимилировали Аристотеля](#), они сделали это «правильно» или чтобы сохранить управление? Потому что ты сказал это как бы через запятую...

Градировский. Смотри: «правильно», потому что удалось построить науку, «правильно», потому что удалось сохранить управление, «правильно», потому что удалось сохранить Европу в состоянии мира. Потому и «правильно». А какая другая есть правда?

Щедровицкий. Но, правда, всего на 100–110 лет.

Коллеги, вы помните, я не люблю вопросы по принципу. Вопросы – это форма такого самопоглаживания. Выступайте с суждениями. Поэтому у докладчиков есть приоритет, а дальше перейдем к дискуссии.

Розов. Мне очень понятна тема этого выступления. Дело в том, что, я думаю, мы все, особенно старшее поколение, выросли в «виговской истории»⁶⁷,

⁶⁵ Соответствие, согласие, *англ.* – *Ред.*

⁶⁶ Осуществление, *англ.* – *Ред.*

⁶⁷ «Виговская история» – термин введен английским историком Гербертом Баттерфилдом (Herbert Butterfield; 1900-1979) в книге «Виг-интерпретация истории» (The Whig Interpretation of History, 1931). «Виг» – от названия английской партии виги. Под этим понимается восхваление настоящего, в угоду чему пересматривается и прошлое. Стоя на позиции критика построения линии прогресса от варварского прошлого к прекрасному настоя-

где прогресс, наука – это хорошо, а устаревшая религия – это плохо. И поскольку всё развивается циклически, то сейчас мы все переживаем такую реакцию против «виговской истории», и, соответственно, всё, что связано с Церковью, схоластикой, с догматами – это всё очень респектабельно, и это такая симпатичная подкладка под развитие СМД-методологии: там схоластика, здесь у нас мыследеятельность, всё очень здорово!

Тем не менее, опять-таки, рискуя навлечь на себя гнев и докладчика, и публики, я хочу сказать, что есть две очень большие противоположности. Есть свободное мышление, научное и философское, для которого нет никаких догматов, и любой догмат может и должен быть поставлен под сомнение. И есть прислужница при Церкви, при этой большой бюрократической организации: религиозная философия, теология и т.д. И Церковь относится к мышлению и философии примерно так, как большевики относились к нэпманам: чуть-чуть вы можете, конечно, там поторговать, но, как только вы начнете мешать, мы вас прихлопнем. И как человек, представляющий свободное мышление, научное и философское, я, конечно, скажем так, против основного пафоса доклада.

А вопрос такой: если говорить о дальнейшем развитии философии, науки, методологии, то какие Вы нам предложите догматы? Если христианские, то что делать атеистам или представителям других конфессий? Если не христианские, то это уже опасно с церковной точки зрения.

Градировский. Слышу, что Вы говорите. Но Вы используете понятие догмата не так, как его понимает само церковное мышление, работающее с этим понятием, а как ругательство. Поэтому мне трудно комментировать.

Если же догмат употреблять в несвойственной понятию коннотации как не критикуемое и не проблематизируемое суждение, то в современном европейском мышлении полно таких «догматов». Некоторые темы настолько табуированы в Европе, что за них сроки дают. Как правило, это травмы Второй Мировой войны.

Второй момент. Конечно же, христианское мышление гораздо лучше осознает свои границы, чем многие думают. Конечно же, не надо христианское мышление применять там, где работает инженерное мышление или естественно-научное исследовательское мышление – это просто глупо!

Появление института догматики вызвано тем, что религиозное мышление, в отличие от Вами названных, имеет дело с Откровением. Откровение – это то, что вторгается в жизнь человека, чем человек не может никаким образом управлять. Хотя, конечно, он может его отринуть. Откровение суть то, что многократно выше человека, человеческого разума и даже коллективной мудрости, есть то, что не может быть ухвачено никакой рациональностью. Иными словами, в центр авраамического мышления кладется то, что никаким образом не

щему, Баттерфилд считал, что «виговский» исторический позитивизм искажает прошлое. С оценкой знания прошлого через призму знания современности теряется подлинный ход событий. Историк же должен погружаться в контекст истории, оценивая прошлое через призму интеллектуального климата той эпохи, которую он изучает. – *Ред.*

может быть извлечено ни из опыта, ни из эксперимента, ни случайным образом схвачено интуитивно.

Но, понимаете, религиозное мышление строится на том, что всю ту свободу, всю ту смелость и дерзость поиска, о которой Вы говорите, вы должны применить в ситуации, когда вам через Откровение выставлены рамки. И по настоящему свободного человека, мне кажется, это абсолютно не смущает.

Щедровицкий. Спасибо, коллеги. Переходим к выступлениям.

Сергей Николаевич, Вы можете занять место в зале, Вам оттуда будет легче смотреть на себя, делавшего предыдущий доклад, и слушать суждения, а в конце коллоквиума у Вас будет возможность коротко высказаться.

Коллеги, у нас осталось всего одиннадцать минут. Вадим Маркович, Ваше суждение первое, а потом я буду давать на реплики буквально по минуте-полторы.

Дискуссия по докладам

Розин. Мне оба доклада понравились, они были действительно яркие и оригинальные. Я хочу выступить по поводу [первого доклада](#).

Дело всё в том, что здесь была изложена концепция, которая известна – это концепция, в общем, постмодернистская, в частности у Делёза есть такая концепция мышления. Но я хочу обратить внимание, что всегда есть эта творческая работа, открытие нового – того, чего не было, неизвестного. Но, с другой стороны, ведь есть мышление как Логос. Когда Аристотель создает мышление, он создает и правила, и категории, и т.д. И, по сути, мы имеем всегда разворачивание мышления между двух полюсов. Есть периоды, когда мышление превращается в машины. Создаются правила, категории, и оно как бы останавливается. И тогда главная задача в мышлении – это решать так называемые головоломки. А есть другие периоды, когда речь идет о становлении, – там как раз работает концепция Делёза и та, которая нам была здесь изложена. Поэтому мне кажется, что нельзя упускать более сложную действительность мышления, которая разворачивается между машинами и обнаружением и открытием неизвестного или порождением неизвестного⁶⁸.

Теперь второй момент. Он связан с тем, что здесь, конечно, нам представлена такая хорошая концепция мышления, и главным понятием здесь является «формат мышления». И дальше возникает вопрос: а как соотносится это понятие формата мышления с методологической традицией, с другими традициями и т.д.? Потому что мы имеем такую ситуацию: или мы должны взять эту концепцию, поверить в нее и посмотреть, как это работает, – если эффективно работает, тогда мы этим будем пользоваться. Или другой вариант – мне, например, более симпатичный, – когда новая концепция мышления должна быть

⁶⁸ Подробнее см.: *Розин В.М.* Мышление в контексте современности (От «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // *Общественные науки и современность.* 2001. № 5.

проработана, осмыслена, соотнесена с существующими традициями, в том числе и методологической. И я бы призвал автора как раз двигаться по второму пути.

И последнее. Дело все в том, что в конце было введено понятие метаинститутов. Если следовать понятийному соображению, то нельзя, на мой взгляд, говорить о «метаинституте»: здесь получается парадокс. Мы часто весьма неосторожно пользуемся языком. Если мы представили метод, то нам кажется, что мы остались в той же действительности. Я утверждаю, что те примеры, которые приводились, никакого отношения к институтам не имеют.

Щедровицкий. Спасибо. Руستم, пожалуйста.

Максудов. Я хочу отнестись к первому докладу ([С.Б. Переслегина](#)), но мне кажется, что мое отнесение касается и второго доклада ([С.Н. Градиоровского](#)), просто там очень сложное вопрошание происходит.

Мне кажется, что первый доклад продемонстрировал очень интересную форму институционализации методологического мышления через полагание онтологической картины и задание в нем места методологического мышления. И я думаю, что это и есть прецедент, который происходит постоянно. И здесь получается интересный парадокс, точнее, вопрос: это должны быть натуралистические картины – или это какие-то особые картины, в которых это место появляется? И в соответствии с этими процессами или элементами институционализации, видимо, появляются такие люди, которые способны, хотят это место определить в подобных картинах; они осуществляют полагание этих новых картин, в которых возникает место для методологического мышления. И, соответственно, могут появиться вопросы такого плана: откуда и как возникают и привлекаются такие люди; возможно ли, что этот процесс происходит в методологическом сообществе; каков способ полагания этого места; что это за место и как оно влияет на изменение предметно-ориентированных картин и предметно-ориентированной действительности?

И это очень интересный момент: мне кажется, что во втором докладе, хотя это не сказывалось прямо, Вадим Маркович [к Розину. – *Ред.*], апелляция к перечисленным выше вопросам постоянно была и очень интересная. И весь второй доклад демонстрировал другое полагание места методологического мышления, отличающееся от полагания в первом докладе.

Щедровицкий. Спасибо. Максим, пожалуйста.

Осовский. Коллеги, мне кажется, мы сейчас наблюдаем достаточно интересный феномен, а именно – что слово «институт» не совсем схватывается в языке. То есть из различных научных теорий мы наблюдаем, что под институтом понимаются разные явления. И только из методологической рамки мы можем взглянуть на то, что мы называем институтами мышления: мы их называем «формами», но при этом говорим такие слова, как «язык», «догмы», «стандарты». А то, что происходит в слове коммуникации и что мы там именуем институтом, – это инфраструктуры, которые созданы для многопозиционной рефлексии, я бы это так назвал. То же, что происходит в деятельности, мы называем институтами-организациями – государствами и т.д.

И свое суждение я бы сформулировал таким образом: у нас термин и понятие «институт» гуляет по слоям схемы мыследеятельности, и мы не можем это наблюдать из социологии или макросоциологии, не можем это наблюдать из психологии, не можем это наблюдать из экономики. Можем действительно это наблюдать, только если мы на это смотрим из теории мыследеятельности.

Я бы сказал, что институт, на самом деле, – это само мышление и есть. То есть это некие акты мышления, которые институционализируются в знаковые формы, потом рефлексиируются с другими [участниками института мышления] – не в собственном сознании, а с другими, – в многопозиционной коммуникации, рефлексиируются в нормы, стандарты, транслируются и воспроизводятся уже в деятельности и в истории.

И я бы еще один важный момент отметил, что все это делается для установления равновесия, потому что, по сути дела, человечество все свое свободное время на протяжении нескольких тысяч лет занимается тем, чтобы установить равновесие в социуме. И, с другой стороны, там лежит такой фокус, как конкуренция, который постоянно давит на это равновесие и заставляет обучаться. Я бы это тоже хотел отметить.

Щедровицкий. Спасибо. Пожалуйста, Бахтурин.

Бахтурин. У меня такая двойственная фиксация по отношению к обоим докладам, как орел и решка, и рискну высказать суждение, что Сергею Борисовичу Переслегину было бы сложно сказать, из какой традиции мышления он изъяснял то, что он изъяснял, например, представлял другие виды мышления, как они были изложены в его докладе.

В этом смысле упомянутый им постмодерн – в российской традиции, поскольку это относительно новая для нас, такая преходящая мода – трактуется как пост-что-то, то есть что-то, наследующее чему-то или приходящее на какую-то смену. На самом деле это проблемы перевода. Сама претензия того, что у нас называется «постмодерн», в том, чтобы быть инобытием – иным по отношению ко всей предыдущей традиции философского размышления, тому, что называется «модерн». При этом любой положительный тезис быстро объявляется «модерном-ино», то есть, по сути, такая меональная⁶⁹ фиксация.

Что это дает по отношению к докладчику? У него нет оснований для рефлексии того, что он говорит. То есть ему как бы не на что опереться – просто по принципу полагания этого иного.

А с докладом Градиловского – как раз другая ситуация; я говорю это в развитие того вопроса, который я задавал. Из традиции института можно отнестись в данном случае к Аристотелю и упаковать его таким образом, как это требуется для воспроизводства стандарта.

Щедровицкий. Спасибо. Ваше последнее выступление, пожалуйста.

Афанасьев. Я хотел напомнить одну реплику в докладе Переслегина, когда он говорил о том, что ОДИ – это институт, но только нужны сборщики. На

⁶⁹ По-видимому, здесь смысл «меональности» взят из области семантики, когда каждой единице (семеме) придается одно и то же значение – см., наприм.: Лосев А.Ф. *Философия имени* // Лосев А.Ф. *Бытие. Имя. Космос*. М.: Мысль, 1993. – *Ред.*

мой взгляд, это ключевой момент, который показывает, что либо сборщики не нужны, либо это не институт, потому что, если суду нужен честный судья, то у нас нет института суда⁷⁰. В этом смысле институт придумывается тогда, когда заканчиваются честные судьи, но правосудие должно осуществляться. Или когда заканчиваются гении, а мышление должно совершаться.

В прошлом году, на XVII Чтениях, я рассказывал о промышленном производстве⁷¹, которое через месяц подготовки ставило к автомобильному конвейеру людей из шестидесяти стран, приехавших в другую страну. Не зная языка, с другой культурой, они создавали самый высокотехнологичный объект на тот период. Сегодня – в сопоставлении с тем временем – это могли бы быть космические корабли. И тогда мы имели бы институт производства.

Поэтому я бы хотел высказать методологический тезис: институт – это *неуправляемое воспроизводство*, когда необходимость в человеческой или в социальной энергии для воспроизводства процесса не нужна. А если нужны честные судьи, то института нет и быть не может.

Щедровицкий. Спасибо. Сергей Николаевич, пожалуйста.

Градировский. Мне понравился [первый вопрос ко мне](#) [Г.А. Давыдовой о переводе текста Вульгаты на немецкий язык. – *Ред.*], и я еще раз вернусь к нему.

Я думаю, что перевод Лютера сыграл существенную роль в истории мышления немецкого народа. И то, что в тот момент, когда язык еще только формировался, в культуру был положен священный, он же концептуальный, текст, – большая удача. Если язык начинает развиваться вокруг некоего сакрального текста, открываются невиданные ранее возможности. Скажем прямо: немецкому народу повезло. Подтверждением моих слов является немецкая культура – их литература, музыка, философия, психология, теология, физика и прочее.

По поводу последней реплика Афанасьева – я думаю, что соотношение института и нравственной рамки нам необходимо обсуждать. В истории Церкви известно много примеров, когда институт выхолащивался и переставал выполнять свою институциональную функцию именно потому, что нравственная рамка не удерживалась.

Давыдова. Я могу продолжить то, что хотела сказать. Если в ту институционализацию мышления, которую Вы относите к делам церковным, – в устройство языка, канона (в данном случае: которого еще нет), – вмешивается политика, то вслед за действием Лютера в Европе идет создание национальных государств, которых до того не было, против чего и возражал Эразм Роттердамский. И в этом смысле идет распад единой Европы. И следом за этим идут непрерывные войны внутри христианства. Это одна сторона. А если бы мир оставался латинским, то вроде бы и воевать было бы не с кем.

⁷⁰ Этот тезис хорошо перекликается с [тезисом С.Н. Градировского](#) (см. его доклад): «Дураки потому и могут овладевать “машинами мышления”..., что существует институционализация мышления». – *Ред.*

⁷¹ См. доклад: *Афанасьев Г.Э.* Фабрики мысли и интеллектуальные сети: две стратегии институционализации // XVII-XVIII Чтения памяти Г.П. Щедровицкого. Часть I: [скачать файл](#) / [перейти к файлу](#), а также [тезисы](#) этого доклада – *Ред.*

С другой стороны – государство состоит из власти, языка и этих институтов. А если мы возьмем другой мир – мусульманский, то там был запрет на национальные представления Корана. Вот так, как он был написан на арабском, так он существует и до сих пор.

Градировский. А я бы не хотел арабский мир брать в качестве образца. Тем более, что и единство ими удержано не было.

Щедровицкий. Коллеги, у нас всего-навсего один час на то, чтобы пообедать и собраться здесь для второго коллоквиума по инженерному мышлению.

II коллоквиум

Исторические примеры институционализации мышления (на материале истории инженерного мышления)

Щедровицкий. Уважаемые коллеги, продолжаем нашу работу. Мы переходим ко второму коллоквиуму, и, как я уже предупреждал, в этом коллоквиуме у нас четыре полноценных доклада с перерывом. Прошу заранее обозначать своё желание участвовать в дискуссии.

Первый доклад – Вадима Марковича Розина.

В.М. Розин

Эволюция инженерного мышления и форм его институционализации⁷². Доклад и вопросы по докладу

Розин. Я хочу продолжить те же самые сюжеты, но развернув их по отношению к конкретному виду деятельности, а именно – к инженерии, также рассматривая это и в плане реконструкции, то есть становления, формирования, и в плане институциональной проблематики, то есть как институт. Петр Георгиевич об этом уже говорил, но я еще раз подчеркну, что, на мой взгляд, методологическое мышление – это во многом именно то, что связано с инженерией в широком понимании, а именно – это интеллектуальная технология, которая развивается в зоне ближайшего технологического развития (чуть дальше я буду об этом говорить).

Начну же я с того, что существуют очень разные трактовки инженерии. Для меня феномен инженерии связан, прежде всего, с именами Галилея и Гюйгенса, а также с формой осознания, включающей идею связи действий человека и действий природы. Идея такой связи была впервые заявлена в работах Аристотеля. Правда, тогда, конечно, речь шла не об инженерии. Но наиболее четко это видно в трудах Фрэнсиса Бэкона.

Выявление сущности инженерии как деятельности и мышления предполагает, на мой взгляд, культурно-историческую реконструкцию или *псевдогенетическую реконструкцию*, которая обязательно включает в себя *анализ форм концептуализации*. Когда я говорю о форме концептуализации, я имею в виду то, каким образом инженерная деятельность и мышление осознаются и как они объясняются в культуре, а также отдельным мыслителем. Кроме того, такая реконструкция включает в себя социокультурный план: социальные предпосылки, вызовы, напряжения. В этом смысле, мне кажется, один из результатов нашего предварительного обсуждения на семинарах состоял в том, что стала понятна необходимость одновременного анализа деятельности и социальности,

⁷² См. также файл [презентации](#).

в том числе институтов и институций. В частности, об этом очень ясно говорил Вячеслав Марача. И то, что будет представлено в презентации, – это и есть снятый результат подобного псевдогенетического исследования.

Начну я традиционно с проблематизации. Хотя, конечно, когда я задаю эти вопросы, входящие в проблематизацию, то в каком-то смысле я уже знаю ответы на эти вопросы. Однако, когда они формулировались впервые, то, конечно, я решения еще не знал.

Первая проблема, на которую бы я указал, следующая: нужно ли подводить под одно понятие инженерии такие разные явления, как античное изобретение машин, трактат Гюйгенса, проектирование машин, создание сложных технических систем типа СОИ (американская система противоракетной обороны) и т.д. Вы могли обратить внимание, что точно такая же проблема стоит и по поводу институтов. Здесь уже звучали очень разные трактовки института и указывались разные институциональные феномены. Так вот, можно ли – или нужно ли – создавать такую концепцию, которая бы объясняла эти самые разные феномены?

Вторая проблема: связывать ли инженерию только с деятельностью по отношению к «первой природе»⁷³ или расширять понятие природы до всякого естественного процесса, феномена? Дело все в том, что классическая характеристика инженерии, инженерной деятельности, если возьмете определение техники и инженерии, например, Энгельмейером⁷⁴, – это прежде всего то, что связывается именно с «первой природой». То же и Бэкон говорил: «сначала человек совершает простые действия, а дальше природа действует сама», или «мы можем победить природу, подчиняясь ей», и т.д. Но когда мы имеем дело с другими видами инженерии или техники (я сейчас осторожно так говорю: «инженерии *или* техники»), то мы видим, что, например, в проектировании, проектной инженерии дело не ограничивается разработкой только природных процессов. Понятие процесса расширяется до любых процессов – процессов деятельности, эстетических процессов и т.д. Тогда – как мы должны здесь определиться?

Третья проблема: должен ли инженер отвечать только за изготовление конструкции, технического изделия и рабочий процесс – или также за другие процессы, в том числе не рассчитываемые и, возможно, негативные? Вы знаете, что был период развития инженерии, когда инженер считал, что он отвечает только за разработку конструкции, которая позволяла запустить природный процесс и управлять им, а все остальное, как он считал, его не касается – подобно тому, как и сегодня многие инженеры считают, что это их не касается. Однако увеличение масштаба технической деятельности привело к тому, что

⁷³ Имеется в виду введенное К. Марксом различие природы в традиционном понимании как «первой природы» – и социальной природы, также имеющей свои естественные («естественно-исторические») закономерности, как «второй природы». – *Ред.*

⁷⁴ Петр Климентьевич Энгельмейер (1855 – предполож. 1941) – выпускник Императорского Московского технического училища, русский, советский инженер-механик. Признанный «пионер русского автомобилизма», философ изобретательства, технического творчества, техники, автор многих научных трудов, среди которых особое место занимают «Теория творчества» (1910) и «Эврология, или всеобщая теория творчества» (1914–1916). – *Ред.*

стали все более осознаваться негативные последствия инженерии, и тогда возникает вопрос об ответственности инженера и о том, что такое инженер. То ли это человек, который занимается только разработкой конструкций для воздействия на определенный природный процесс (я его называю рабочим), который обеспечивает функции изделия, – то ли он должен отвечать и за другие процессы, и в том числе даже такие, которые могут возникнуть и которые могут оцениваться как негативные.

Четвертая проблема: сложилась ли инженерия и инженерное мышление как самостоятельный институт – или же она существует в рамках или поверх других институтов: институтов науки, образования, производства? Дело всё в том, что если, например, считать, что мышление, как здесь говорили, – это креативный процесс и т.д., то в принципе оно не может быть институционализировано. В то же время мы знаем, что в рамках науки, образования, производства решаются стандартные инженерные задачи и разворачиваются стандартные интеллектуальные инженерные дискурсы⁷⁵.

Пятая проблема: что такое инженерное мышление в отличие от инженерной деятельности и как его можно помыслить?⁷⁶ Легко понять эту проблему, если мы вспомним схему мыследеятельности, где есть слой чистого мышления, логоса, дискурсов и т.д., и тогда действительно возникает очень серьезный вопрос о связи инженерного мышления и инженерной деятельности.

И шестая проблема: что вообще считать социальным институтом?

Теперь, какие у меня исходные принципы? Некоторые я уже оговорил.

Первый принцип: я считаю, что инженерия – это культурно-историческое образование, и, следовательно, когда мы говорим об инженерии, ее сущности, то мы должны осуществлять специальные культурно-исторические реконструкции.

Второй принцип: я считаю, что инженерное мышление – это аспект инженерной деятельности, а именно – это нормированные и осмысленные способы получения знаний и построения схем идеальных объектов. Знания, схемы, идеальные объекты – это все то, что относится к мышлению. А если речь идет о деятельности, то я бы здесь придерживался классической теоретико-деятельностной трактовки, имея в виду всё, что к этому относится: и механизмы воспроизводства, и механизмы трансляции, коммуникации и т.д.⁷⁷

Третий принцип: на мой взгляд, инженерная деятельность должна рассматриваться и более широко, чем в теории деятельности. А именно: с одной стороны, действительно, в онтологии теории деятельности, – но также, с моей точки зрения, она должна рассматриваться в методологическом варианте куль-

⁷⁵ Если под «креативным процессом» мышления понимать решение [нестандартных задач](#), то отсюда проистекают сомнения в возможности технологизации мышления – но не институционализации. – *Ред.*

⁷⁶ Здесь В.М. Розин, как и С.Б. Переслегин, также встает на [антиредукционистскую позицию](#) в трактовке мышления, противопоставляя его деятельности. – *Ред.*

⁷⁷ А здесь В.М. Розин фактически отказывается от ответа на им же самим поставленную [пятую проблему](#), отступая вслед за [В.Я. Дубровским](#) и [Н.С. Розовым](#) на [редукционистские позиции](#) в трактовке мышления. Правда, далее он делает оговорку, что сама инженерная деятельность должна рассматриваться более широко, чем в теории деятельности. – *Ред.*

турологии и персонологии. Когда я говорю «методологический вариант», я обращаю ваше внимание на то, что Георгий Петрович говорил о системном анализе. Он говорил: «Да, системный анализ нам необходим, но какой системный анализ? – В рамках методологии». То же самое говорю и я: да, нам нужны культурологические представления, представления о культуре, именно в рамках культуры инженерия развивается, но – какой вариант культурологии? Тоже – методологический. А это значит, что нужно создавать новый, методологический вариант культурологии; соответственно, то же самое и в отношении личности человека, а именно: новый, методологический вариант персонологии. Итак, три таких основных подхода или дисциплины: теория деятельности, культурология и персонология, и все – в рамках методологии.

Подчеркну, медиатором этих трех планов выступает концептуализация. Я уже говорил, что, на мой взгляд, необходим параллельный анализ деятельности и концепций, то есть того, как деятельность осознается в культуре или личностью. В данном случае необходим совместный анализ инженерной деятельности и ее концептуализаций.

И последний, *четвертый принцип*: достаточно очевидно, что институционализация является необходимым условием становления деятельности и мышления. Это тоже очень важный принцип, но его можно по-разному понимать. Можно говорить так, что институты и другие формы социальности есть условия для деятельности. – а я бы говорил иначе: что это есть просто-напросто как бы две стороны одного и того же. Что, по сути, означает требование заново вернуться к обсуждению вопроса, что есть деятельность и что есть мышление.

Теперь перейду к перечислению характеристик социального института. Поскольку я утверждаю, что должен быть совместный анализ, стоит сказать, что я понимаю под институтом. Тем более, что когда здесь шли дискуссии, каждый говорил про институт по-своему – это не совсем правильно. Вот что я лично понимаю под институтом.

Во-первых, для меня институт – это способ социального существования деятельности человека или общества. Способ социального существования. Здесь я мог бы опять сослаться на Вячеслава Марача.

Второе. Институт (это уже категориальная характеристика) представляет собой симбиотическое образование. В рамках института деятельность живет на организованном институциональном поведении людей, а поведение людей протекает и разворачивается на деятельности. Деятельность и поведение людей в эпистемическом плане относительно независимы. Вообще я считаю, что категория симбиоза, кентаврическая логика должны для нас являться ведущими. Итак, институт – симбиотическое образование.

Третье. На мой взгляд, институт – и это известно – выполняет определенные функции. Он разрешает социальные проблемы, но часто эти проблемы становятся понятны лишь задним числом, когда институт уже сложился. Институт устойчиво воспроизводится, а следовательно, существует в какой-то мере осознанный, нормируемый и транслируемый способ пользования институтом, доступный для освоения заинтересованными социальными популяциями. Здесь уже шла полемика: массово – не массово. Я считаю, что возможен компромисс:

заинтересованные социальные популяции. Когда мы говорим об институтах, мы всегда можем выделить определенные популяции, которые заинтересованы или в институте как средстве решения их собственных проблем – например, для разрешения конфликтов, как в институте юриспруденции, – или в институте как источнике дохода, поскольку они, как говорится, обслуживают клиентуру института. Причем, с одной стороны, такие популяции все-таки достаточно массовые образования, а с другой стороны – это все-таки не все массы, а именно заинтересованные социальные популяции. Опять же, кто именно заинтересован – часто становится понятно, только когда институт уже сложился.

В ходе становления (обратите внимание, я пользуюсь *категорией становления*) институт консолидирует своих пользователей, то есть конституирует определенную заинтересованную в этом институте популяцию, предлагает способы решения стоящих перед ними проблем и в борьбе за власть с другими институтами обустривает свою территорию. Воспроизводство институтов предполагает их осознание: рефлекссию их функций (часто говорят о миссии), основной схемы института, отношений с другими институтами, описания основных процедур и пользователей.

Здесь я бы обратил внимание на одно *предлагаемое нововведение: основная схема института*. Дело в том, что когда мы анализируем становление, то видим, что институт начинает складываться только после того, как нащупывается (создается) эта основная схема института. Например, если речь идет об институте юриспруденции, то это то, что связано с состязательностью. Если речь идет, предположим, об институте монашества, то там другая схема: выход из обычной жизни, переход в особую жизнь, где человек встречается с Богом или идет к Богу, жизнь в обоих мирах – обычном и, по сути, эзотерическом. И так в случае любого института: за ним стоит некая схема, и как только схема найдена – институт начинает довольно быстро складываться.

Некоторые моменты, о которых я здесь говорил, тоже на схеме (но методологической) можно представить так:

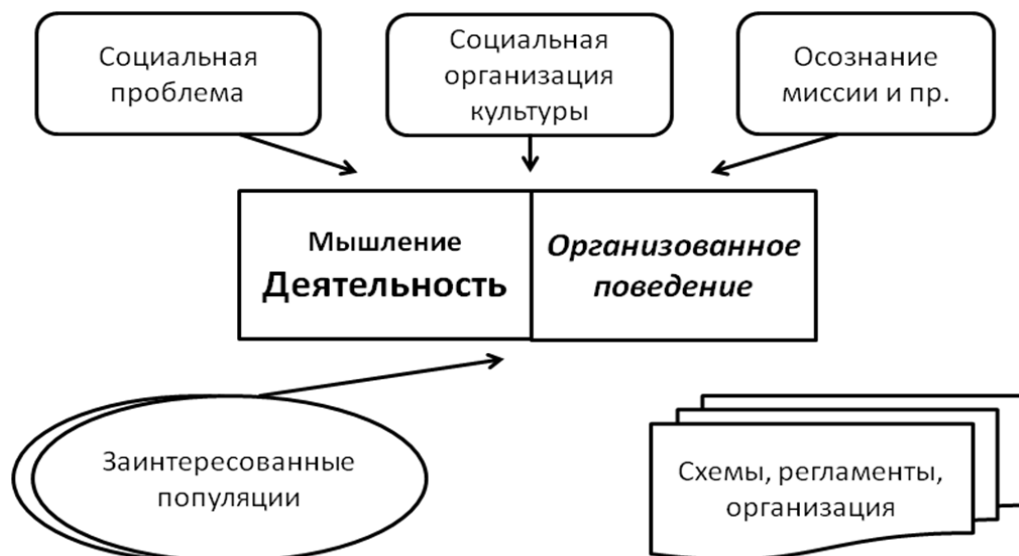

Рис. 1 (Розин). Схема условий становления социального института.

Есть мышление и деятельность; есть организованное поведение, причем оно выделено в отдельный блок. Обратите внимание: в такой схеме заданы одновременно два типа категориальных отношений. С одной стороны, речь идет о структурных вещах – например, стрелки указывают на использование чего-то в качестве средства; это структурный момент. А когда я что-то беру в рамки, то это уже не структурный момент. Я не могу сказать, что организованное поведение людей причинно или как-то непосредственно связано с мышлением и деятельностью. Я говорю по-другому: мышление и деятельность существуют на организованном поведении, а организованное поведение пользуется плодами деятельности и мышления, и они находятся в симбиотических отношениях. То есть выделение рамками без связей – это определенный принцип схематизации, который можно взять на вооружение.

Теперь я предлагаю иллюстрацию, чтобы вам дальше было легче двигаться. Когда мы анализируем, например, как становилась инженерия, связанная с самолетами, то мы видим, что первоначально в архаической культуре возникает простой замысел полета [(первый этап становления)]: человек превращается в птицу, птица превращается в человека, и все это в культурном плане держится, обратите внимание, на идее души и на магии.

Второй этап развития этой идеи – замысла полета – миф об Икаре в античности. Причиной полета являются крылья: чтобы полететь, нужно сделать крылья. Есть определенный замысел, но условием реализации замысла выступает изготовление некоторого технического изделия или конструкции: нужно изготовить крылья. И все это, кстати, по-новому концептуализируется. Причина полета – крылья, то есть причинно-следственные отношения, а не анимистические представления.

Третий этап развития данных идей – это чертеж махолета Леонардо да Винчи. Леонардо рисует схему машины, которая пока еще должна махать крыльями (все та же самая идея полета и птицы), но он уже понял, что человек не в состоянии этого сделать. Поэтому Леонардо предлагает строить машину, которая будет летать. Другими словами, возникает новый замысел – создание летающей машины.

Четвертый этап – выход на идею мотора, винта и подъемной силы крыла. На основе всего этого создается, строится классическая инженерная деятельность с расчетами, исследованиями и т.д.

Пятый этап – проектирование самолетов с разными характеристиками. Когда идея летающей машины была реализована, возникают требования к тому, чтобы самолет был такой, сякой, чтобы он летал с такой-то скоростью, с определенной грузоподъемностью и т.д. И здесь в центр выдвигается проектирование – проектирование самолетов с разными характеристиками, то есть возникает новый замысел, связанный с проектной инженерией.

Шестой этап – дизайн-инженерия, когда наряду с обычными требованиями возникают требования комфорта, серийности, минимизации негативных последствий и т.д. Можно заметить, что это уже другой класс требований, что приводит к новому этапу развития, который и обозначается в осознании как дизайн-инженерия.

И, наконец, *последний этап* – это создание авиации как военной и хозяйственной отрасли, это [уже] замысел глобальной инженерии. Обращаю внимание, что это всего лишь иллюстрация, кейс (специально сконструированный модельный случай), которым я буду пользоваться.

Мое исследование показывает, что инженерия, если следовать тем принципам, о которых я говорил и которым я стараюсь следовать, проходит *пять основных этапов*.

Первый этап – опытная инженерия, для которой характерна сакральная концептуализация. До античной культуры и немножко даже дальше мы видим, что инженерия развивается опытным путем за счет проб и ошибок, а осознается всегда сакрально, то есть как действие духов и богов.

Второй этап – классическая инженерия с рациональной концептуализацией. Здесь начинает складываться квазиинститут инженерии. Почему я говорю «квазиинститут»? Потому что инженерия еще не становится самостоятельным институтом, она существует как производный, условный институт в рамках института науки, как прикладная наука.

Третий этап – проектная инженерия. Для нее тоже характерна рациональная концептуализация, и здесь уже начинает складываться институт инженерии, причем на совсем других основаниях.

Четвертый этап – дизайн-инженерия, тоже с рациональной концептуализацией.

И пятый этап – это то, что позволяет говорить о глобальной инженерии.

Теперь я буду все это схематизировать, стараясь показать, что здесь есть единая эволюция, единая логика становления и развития.

Исходная схема достаточно простая: есть замысел и его реализация (см. рис. 2 (Розин)). Например, замысел полета и необходимость реализации этого замысла. Для того, чтобы этот замысел был реализован, что видно по мифу об Икаре, необходима техническая деятельность (или техническое искусство – можно по-разному сказать), результатом которой (которого) является техническое изделие, и это есть некое опосредование замысла и реализации.

Обратите внимание: я взял в общую рамку техническую деятельность и техническое изделие, показывая, что тут нельзя выстроить структурные причинные отношения. Мы можем лишь сказать, что условием реализации замысла в данном случае является разворачивание технической деятельности и получение технического изделия.

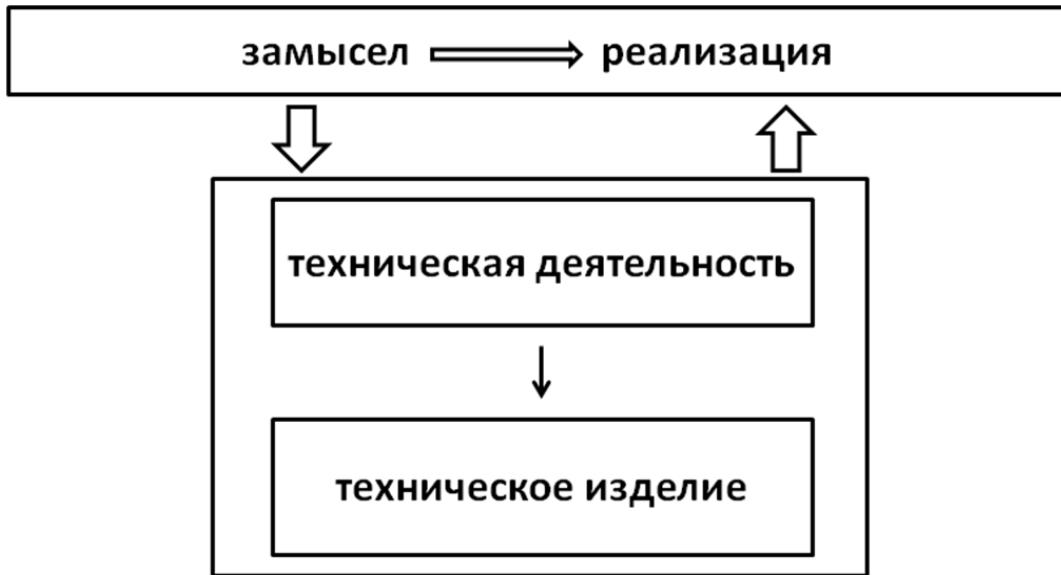

Рис. 2 (Розин). Единая схематизация культурно-исторических видов инженерии.

Главная проблема, которая здесь возникала: каким характеристикам должно удовлетворять техническое изделие, чтобы реализовать этот замысел, как получить эти характеристики? Решение заключалось в формулировании идеи инженерии, в рамках которой появляется очень важное звено – естественный рабочий процесс (рис. 3 (Розин)).

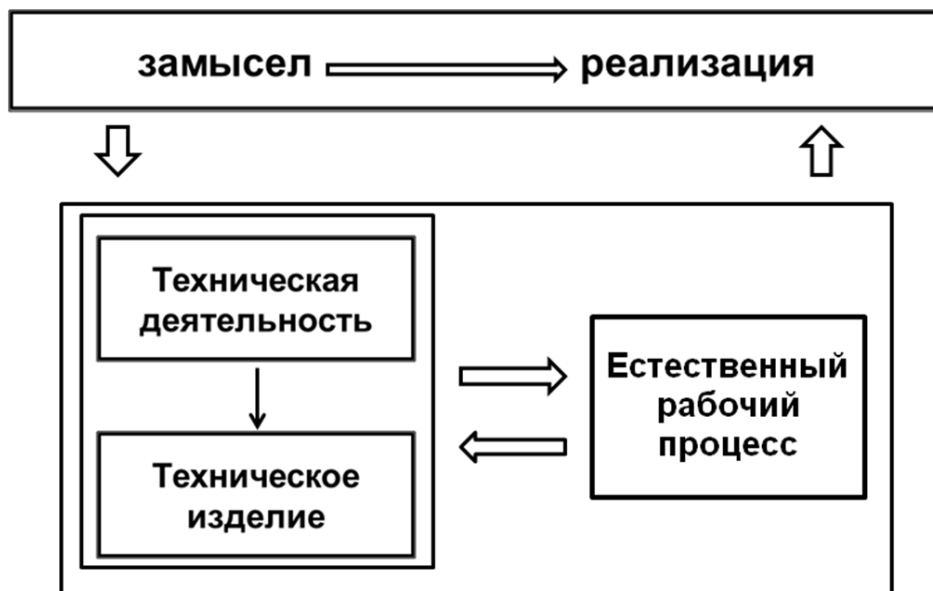

Рис. 3 (Розин). Идея инженерии (античность).

Конечно, когда я сейчас говорю «идея инженерии», то я подаю это уже с точки зрения современного понимания инженерии, и даже методологического понимания. Но если посмотреть, как это звучало в свое время, то в «Метафизике» Аристотель пишет: «При этом здоровое тело получается в результате сле-

дующего ряда мысли у врача: так как здоровье заключается в том-то, то надо то-то, если тело должно быть здорово, чтобы было дано то-то, например, равномерность, а если нужно это, тогда требуется теплота (согревание)». И так он размышляет все время, пока рассуждение не приведет его к последнему звену, к тому, что он сам может сделать: «Начинающееся с этого момента движение, – пишет Аристотель, – которое направлено на то, чтобы телу быть здоровым, называется затем уже созданием <...> Там, где процесс идет от начала и формы (то есть причин. – *B.P.*), это мышление, а там, где он начинается от последнего звена, к которому приходит мысль, это – создание».

Обратите внимание, что здесь обсуждает Аристотель: как связаны между собой деятельность, или «создание», как он говорит (у него есть понятие деятельности – то, что имеет цель и предполагает способности человека), и как связано с этим знание и представление природы, где совершается нечто само собой, но что можно описать в науке? По сути, это и был замысел «инженерии». Я беру здесь это слово в кавычки, чтобы подчеркнуть, что, конечно, у Аристотеля не было предложенного мною осознания.

Теперь – принципиальная методологическая схема инженерной деятельности. Она относится к работам Галилея и Гюйгенса (рис. 4 (Розин)). Здесь природный рабочий процесс может быть определен и рассчитан вместе с техническим изделием. В свою очередь, это предполагает моделирование рабочего процесса, а также моделирование факторов, которые определяют этот самый процесс. Таковы условия мыслимости инженерной деятельности.

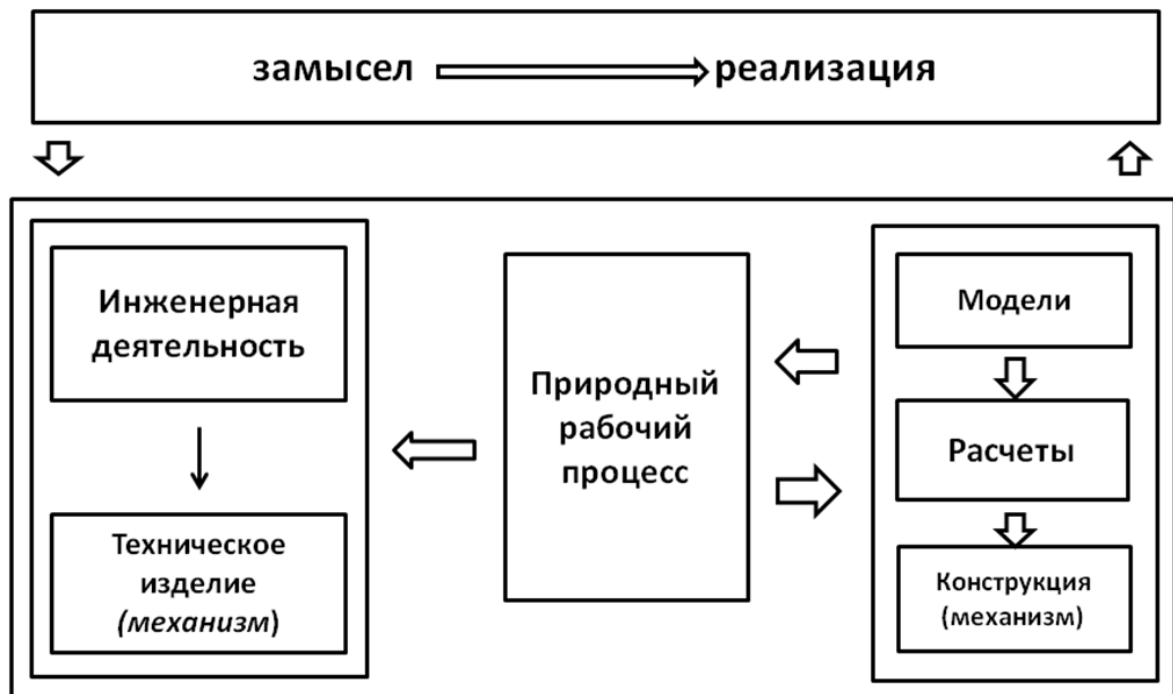

Рис. 4 (Розин). Принципиальная методологическая схема инженерной деятельности.

Техническое изделие сводится к механизму. Механизм истолковывается в естественной и искусственной модальности – природные процессы плюс управляющие Е/И воздействия. При этом факторы рассматриваются по-разному: и в искусственной модальности (как то, что создается), и в естественной (как природный процесс), и, наконец, как техническое устройство. Необходимое условие построения инженерной деятельности – моделирование в естествознании естественных процессов и факторов, что предполагает построение теории, идеализацию естественных процессов и эксперименты. Другое условие – параметризация и расчеты естественных процессов и факторов. Третье – это расчеты конструкции.

На основе всего этого можно выйти к *принципиальному составу инженерного мышления*. Что оно собой представляет?

Во-первых, это процедуры истолкования физического эффекта в качестве технического действия. Например, когда мы рассматриваем деление ядер урана не только в естественной модальности, но и как условие получения большого количества тепла (или взрыва).

Во-вторых, сюда относится анализ природных рабочих процессов и определяющих их факторов: построение моделей, эксперименты, элиминирование мешающих процессов.

В-третьих, это расчеты параметров рабочих процессов и факторов, определение ряда характеристик технического изделия.

В-четвертых, идея, разработка и расчет конструкции технического изделия.

И, наконец, в-пятых – осмысление работы технического изделия, коррекция, челночный процесс.

Каждый из этих пунктов – это, по сути дела, определенная задача, требующая знаний, схем, создания идеальных конструкций. Иначе говоря, это то, что я отнес к принципиальному составу инженерного мышления.

В этом же периоде начинает складываться институт экспериментальной и прикладной науки, то есть *квазиинститут инженерии*. «Квази-», потому что это еще не институт, так как он существует внутри науки. Какая потребность обусловила его формирование? Была поставлена задача создания новых наук и искусств, которые бы обеспечивали реализацию на земле божественного мира как условия могущества человека, подтверждение творчества человека как второго Бога и, наконец, условия социального мира и гармонии. Например, Фрэнсис Бэкон говорил, что если человек овладеет природой, он станет могущественным, а Кузанец считал, что человек – это второй Бог, и т.д. По сути, речь шла о становлении нового типа социальности, о новой культуре.

Какие здесь были заинтересованные социальные популяции? Просвещенные правители и предприниматели.

Что здесь выступило в качестве схем? Работы Галилея, Гюйгенса, Гука, которые задали, с одной стороны, схему института, а с другой стороны – целый ряд процедур.

Каковы организационные формы? Академии наук, технические школы, институты.

И, наконец, концептуализация инженерии была намечена в работах Фрэнсиса Бэкона, Христиана Гюйгенса, маркиза де Кондорсе и других философов, ученых и просветителей.

Остальные этапы становления инженерии я рассматривать не буду, они у меня зафиксированы в [презентации](#). Обращу ваше внимание только на то, как разворачивается схематизация. Например, когда речь идет о принципиальной схеме проектной инженерии, то, опять же, в ее основе лежит та же самая структура – замысел и реализация (рис. 5 (Розин)).

Та же самая структура заложена и в схему опосредования: чтобы реализовать замысел, необходимо то-то и то-то. Но опосредование каждый раз усложняется. Нужны не только проектная деятельность и техническое изделие, не только характеристика рабочего процесса, но, оказывается, необходимы и другие процессы – процессы деятельности, эстетические процессы и т.д. Оказывается, для этого нужны не только расчеты, но и технические знания, прототипы и нормы и т.д.

И каждый раз, когда мы имеем следующий шаг в развитии инженерии, то получаем все более сложную структуру опосредования при той же инвариантной, общей структуре: замысел и реализация, система опосредования, – а внутри всё время происходит наращивание и усложнение деятельности, наращивание и усложнение различных средств решения этих задач.

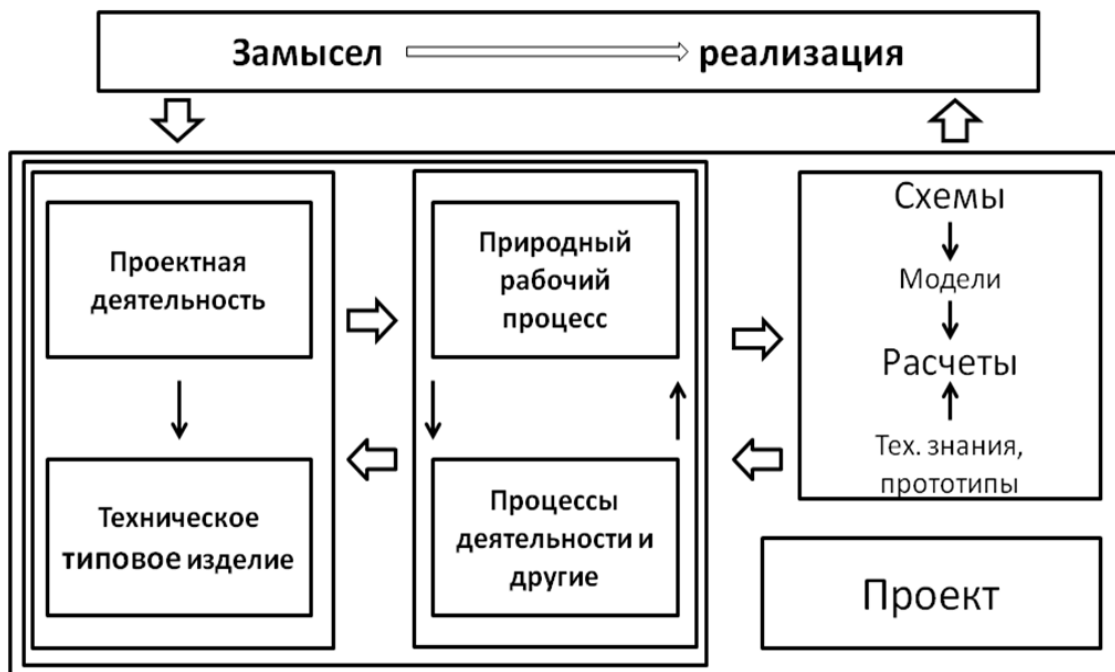

Рис. 5 (Розин). Принципиальная схема проектной инженерии.

И последнее, на что я бы обратил внимание, и на этом буду заканчивать, – это *проблема институционализации инженерного мышления*. Как я стараюсь показать в своих исследованиях, можно говорить о двух институциональных этапах.

Первый этап – тот, который я называл «квазиинженерией», когда инженерия рассматривалась как прикладная наука, фактически – как прикладная экспериментальная наука.

Второй этап – когда уже сложилась проектная инженерия и возникли проблемы, связанные с конкуренцией – военной и экономической, что потребовало разработки типовых изделий, массового производства и т.д. Вот здесь и складывается собственно институт инженерии как таковой. В нашей стране он получает свое воплощение в таких организационных формах, как КБ, НПО, ЦНИИЭП и т.п.

В заключение укажу на некоторые проблемы.

Первая проблема. Неясно, что выступает продуктом инженерной деятельности – техническое изделие или способ его получения. Потому что, обратите внимание, каждый раз, когда мы читаем вывеску того или иного инженерного института, то он именован по продукту. Например, ЦНИИЭП торговых зданий, ЦНИИЭП зрелищных зданий или КБ такое-то. То есть здесь действительно есть определенная проблема.

Вторая проблема. Инженерия в сравнении с научной деятельностью более слабо отрефлектирована. Основные механизмы – более простые: подражание мастеру, личный опыт, прототипы, традиционное обучение.

Третья проблема. Почти каждая настоящая инженерная задача – уникальная. Хотя я выделяю специально этап проектной инженерии, где решаются, прежде всего, типовые задачи, но, по сути, каждая подлинная инженерная задача – это уникальная задача, потому что каждый раз надо заново выйти на конструкцию, заново рассчитать ее, заново ее изобрести.

Четвертая проблема. На разработку технического изделия претендует сегодня и проектировщик, позиция которого в социальном отношении сильнее, поскольку он готов иметь дело с типовыми изделиями, а также с любыми, а не только природными, процессами. Именно проектирование расширяет понятие процесса до любого процесса, а это сразу делает проектирование по отношению к массовым стандартным задачам на порядок сильнее инженерии.

Пятая проблема. Социальный запрос, конечно, существует и на инженерию, прежде всего, когда мы имеем дело с особыми социальными ситуациями типа военной и экономической конкуренции, а также для уникальных разработок и условий.

Шестая проблема. Инженерное сообщество, исключая США и Германию, не смогло по-настоящему соорганизоваться и противостоять другим институтам. Поэтому инженеров ассимилировали институты науки, проектирования и производства. В этих институтах и образование, и инженерное мышление существуют как *производный институт*, то есть они воспроизводятся за счет институциональных механизмов тех институтов, в которые они входят. Необходимое условие – указание на специфику. Например, в науке роль инженерного мышления сводится к прикладным экспериментальным аспектам, в проектировании – к разработке технологий и конструкций. Кроме того, не просто ученый – а ученый-экспериментатор, не вообще проектировщик – а проектировщик-инженер.

Если же говорить о современной ситуации в методологии, то мы сейчас выходим на совершенно новый тип культурно-исторических (псевдогенетических) реконструкций, где, с одной стороны, приходится одновременно реконструировать деятельность и мышление, а с другой стороны – социальность в разных ее формах, институциональных и не только институциональных. И, с третьей стороны, нам приходится анализировать то, что связано с концептуализацией, культурой и рядом сходных сугубо гуманитарных реалий.

Щедровицкий. Спасибо, Вадим Маркович!

Три вопроса.

Да, прошу Вас. Представляйтесь. Володя, задавай, а потом следующий коллега. Подойдите сразу к микрофону.

Воловик. Вадим Маркович, Вы говорите о том, что инженерия долгое время жила в рамках научных институтов. При этом Вы в один ряд ставите академии и технические школы, которые возникли практически одновременно, для истории – одновременно. Я не понимаю, какие есть основания считать, что к тому моменту, о котором Вы говорите, наука уже была институционализована, а инженерия – нет.

Розин. Вопрос интересный, надо подумать, как на него правильно ответить. Хотя для меня это достаточно очевидно. Почему? Потому что научное знание было парадигматически культурным всегда – через философию, через науку и т.д. В то же время практическое действие – инженерное, техническое и т.д. – не было обособленным: оно все равно рассматривалось внутри парадигматизированного научного знания. И, как мне кажется, в XVI–XVIII столетиях мы видим, что первым делом институционализируется именно наука, потому что государство, которое становится заинтересовано в реализации, так скажем, бэконовского проекта (хотя оно брало его не обязательно именно в этой формулировке), начинает отпускать средства, формировать комиссии, поддерживать, создавать лаборатории и т.д. Через эти академии и технические школы и складываются первые институциональные формы науки.

На следующем этапе возникает проектная инженерия в связи с войной и конкуренцией. Становится понятно, что необходимо создавать технику – военную технику, в том числе опирающуюся на научные исследования. Именно тогда происходит расщепление института науки, и от него обособляется институт инженерии.

Щедровицкий. [Воловику] Володя, вопрос задан – ответ получен.

Воловик. Я понял. Я не буду продолжать и отнесусь к этому в своем докладе.

Щедровицкий. Да, спасибо.

Розин. Очень хорошо!

Щедровицкий. Прошу Вас, а потом Вы.

Беляев. Вадим Маркович, Вам не кажется, что в так представленной схеме понятие инженерии совпадает с понятием творчества вообще в самом глубоком и широком смысле? И Ваша общая схема – замысел, реализация, инженерная деятельность, реализационная деятельность – она вообще описывает схему

творчества, причем как в экзотерической ипостаси, то есть объективирующего творчества, так и в эзотерической, то есть творчества, изменяющего личность, когда человек изменяет самого себя. Описывается ровно одной и той же схемой, той же самой фундаментально.

Щедровицкий. Спасибо.

Розин. Видите, в чем дело... Для меня эти вещи всегда конкретные. Поскольку в схематизацию входят такие представления, как техническое изделие, природный процесс, разного типа другие процессы и т.д., то я бы с Вами не согласился. Если речь идет о характеристике творчества, то, вероятно, эти схемы надо модифицировать, если они вообще для этого годятся. Но думаю, что годятся.

Щедровицкий. Спасибо.

Да, прошу Вас.

Александров. Вадим Маркович, в Вашей схеме есть необходимость разработки идеального объекта. Что Вы под этим подразумеваете?

Розин. Не только я, но и другие науковеды показывают, что, когда мы имеем дело с наукой (сначала античной наукой, дальше – с наукой Нового времени), когда мы имеем дело с техническим мышлением, начиная с античности и т.д., то здесь каждый раз речь идет о том, что от обычных вещей переходят к конструкциям, которые создает философ, ученый и т.д. Он создает эти конструкции, приписывая им определенные характеристики. Например, великое открытие состояло в том, как говорил в свое время Кант, что геометр понял, что он не извлекает свойства из треугольника, а приписывает свойства треугольнику. И, начиная с античности, это основной процесс, который разворачивается и в науке, и в инженерии, и в других, на мой взгляд, видах деятельности.

Мы имеем дело, прежде всего, с конструированием идеальных объектов. Мы их конструируем, реализуя себя, свои ценности, мы их конструируем, отвечая на вызовы времени, и мы их реализуем еще так, чтобы они все-таки выступали как схемы по отношению к реальным объектам.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас, последний вопрос. Да, Николай Сергеевич. И следующего докладчика прошу приготовиться.

Розов. С трудом мне удалось найти пункт, по которому я не согласен, но удалось. По фундаментальному определению социального института. Я хочу зарезервировать выступление, где я покажу, насколько лучше мое определение, чем твое. А сейчас вначале только такой вопрос. Считаешь ли ты социальными институтами такие примеры: товарищество – люди встречаются, ходят в сауну или пьют пиво; светский визит – дама приходит к даме, и они болтают за чашкой чая; эротический роман – отношения между мужчиной и женщиной, дарят цветы, подарки и т.д.; система родства – золовка, шурин и все эти сложные отношения? Я утверждаю, что зачастую там ни деятельности, ни рефлексии нет, – а в твоём утверждении было сказано, что у социального института всегда есть деятельность и рефлексия. Или где они там есть? А если это не социальный институт, то на каком, собственно, праве Вадим Розин отвергает могучую традицию социологии?

Розин. Я, во-первых, не отвергаю могучую традицию социологии, но я действую формально. В каком смысле? Я под институтом понимаю только то, что я определил как институт. Я перечислил характеристики, где, обратите внимание, характеристика деятельности и мышления была одной из характеристик. Там было много других характеристик, как Вы помните. И вот системный набор всех этих характеристик для меня и задает институты. Поэтому я отвечаю тебе совершенно формально: тот материал, который будет укладываться в это понятие, я буду называть институтом, а тот материал, который не будет укладываться в это понятие, я институтом называть не буду.

Дальше, если ты мне предъявишь контрпримеры и покажешь, что действительно здесь интуиция института работает очень хорошо, а кроме того, в моих характеристиках получаются такие-то и такие-то противоречия, то я скажу: ОК, я буду дальше работать и изменять, и улучшать это понятие.

Щедровицкий. Спасибо, Вадим Маркович!

Следующий доклад – Владимира Вениаминовича Воловика.

В.В. Воловик

Институциональный контекст становления и эволюции инженерного мышления⁷⁸. Доклад и вопросы по докладу

Воловик. Я буду исходить из двух базовых ситуаций, не кейсов, а базовых точек, от которых я двигался, размышляя на все эти темы.

С одной стороны, это та ситуация очарования техническим прогрессом, его действительно удивительными возможностями, когда, например, Дубровский неизвестно откуда говорит, а мы слышим его доклад здесь⁷⁹, когда есть куча всяких замечательных гаджетов и штук. А с другой стороны, случаются [техногенные] катастрофы и всякие прочие беды и невзгоды, которые доводят буквально до паранойи некоторые слои населения. Это – одна ситуация.

А вторая ситуация – это тот момент (как мне кажется, и здесь есть те, кто со мной соглашается), та ситуация, в которой началось становление собственно инженерного мышления. Я отношу эту ситуацию ко времени Возрождения, и там есть целый ряд маркёров, указывающих на это. Я не буду их перечислять, но если возникнут вопросы, я их укажу.

И ещё одно важное обстоятельство – оно связано с тем, что практически в то же самое время, когда появляются первые признаки становящейся инженерии или инженерного мышления, практически в то же самое время в Европе происходит то, что я для себя называю *институциональным сломом*. Грубо го-

⁷⁸ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁷⁹ Имеется в виду доклад В.Я. Дубровского в Первом коллоквиуме, сделанный с помощью Skype. – *Ред.*

воря, на мой взгляд, все институты в период где-то между XIV и XVI веками были перевернуты вверх тормашками. И хотя некоторые их каркасы были вроде бы обнаружимы (скажем, университеты как были, так и остались), но, по сути, они были так или иначе инкорпорированы в совершенно новую институциональность, функции институтов сами по себе они не выполняли, как я это вижу, а институтами стало что-то другое.

И, глядя на всё это, я думаю, что именно инженерное мышление ответственно как за тот институциональный сдвиг, который, как я думаю, и я про него буду отдельно говорить, происходил на переломе где-то XIV–XVI веков (см. рис. 1 (Воловик)), так и за ту ситуацию, которая происходит сейчас.

И, в этом смысле, инженерное мышление я рассматриваю не столько как живущее в оболочке института. Эта идея симбиоза мне приемлема, но мне важно, что миссия инженерного мышления состоит как раз в том, чтобы – как у джиннов разрушать дворцы и создавать дворцы – разрушать институты и создавать институты. И создавать не только инженерные институты. За сами эти институциональные сдвиги, я считаю, ответственна инженерия в целом, и за разрушение всех старых институтов ответственно инженерное мышление в целом. И дальше я попробую пояснить, что и почему я имею в виду.

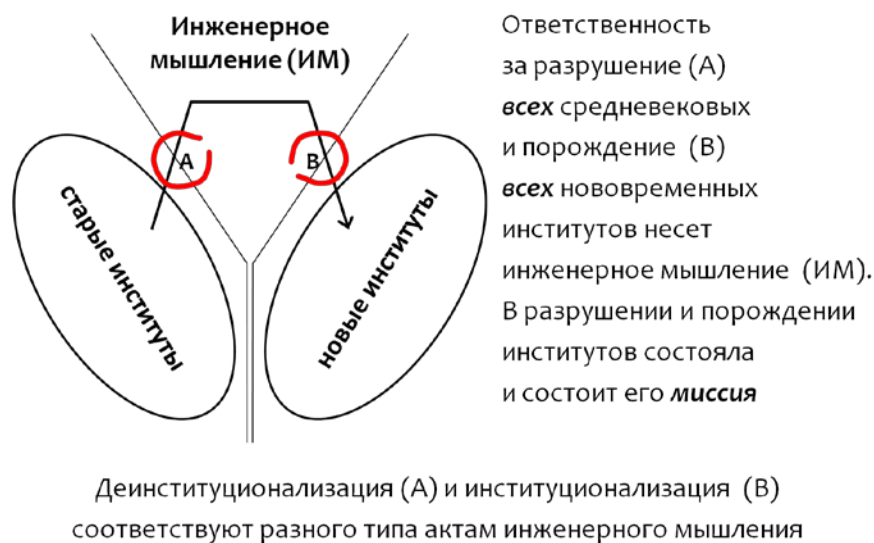

Рис. 1 (Воловик). Миссия инженерного мышления.

Я не буду вводить понятие. Я буду действовать гораздо грубее, чем мои предшественники. У меня есть ряд причин (при необходимости их можно было бы развернуть), по которым я считаю, что следует различать [разные] *локальные институты* (см. рис. 2 (Воловик)), которые по сути являются локусами определенных порядков жизни, причём, именно жизни – своего рода органической жизни. Это порядок не учрежденный. Когда мы смотрим на стрекозу, мы понимаем, что это не куча чего-то там, а что это что-то организованное – в этом смысле порядок. И многие институты, которые я сам бы назвал институтами, я не вижу. Когда я смотрю на эту ситуацию перелома (от 1000 года до, примерно, 1400-го), то вижу всего три таких порядка. Это *порядок двора* как локуса

власти, *порядок университета* как локуса учёных занятий и *порядок цехов* как локуса ремесел.

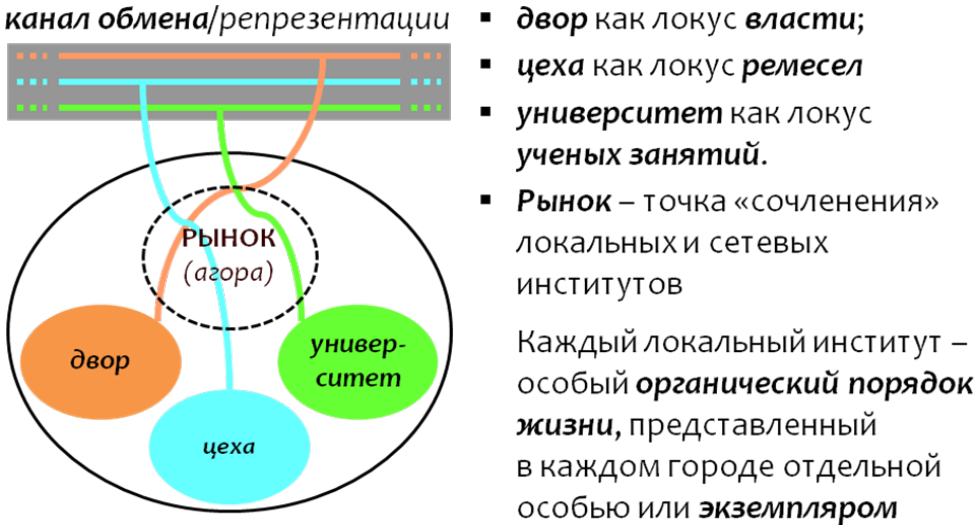

Рис. 2 (Воловик). Локальные институты.

И, кроме того, глядя на эту ситуацию, размышляя о ней, я вижу ещё одну вещь. Я вижу, что в Средиземноморском бассейне в какой-то момент начинают странно себя вести несколько мест, я их буду называть городами. (Понятие города здесь не будет обсуждаться.) Амальфи, Пиза, а потом Генуя, Венеция – становятся гегемонами, и к ним присоединяется Флоренция. Примерно в это же время в другом полюсе – на севере (на слайде представлено в повернутом виде, поскольку мне это важно), в Северноморско-Балтийском бассейне, появляются «города» (я их тоже буду пока называть «городами»), которые вскоре станут Союзом Ганзейских городов (см. рис. 3 (Воловик)).

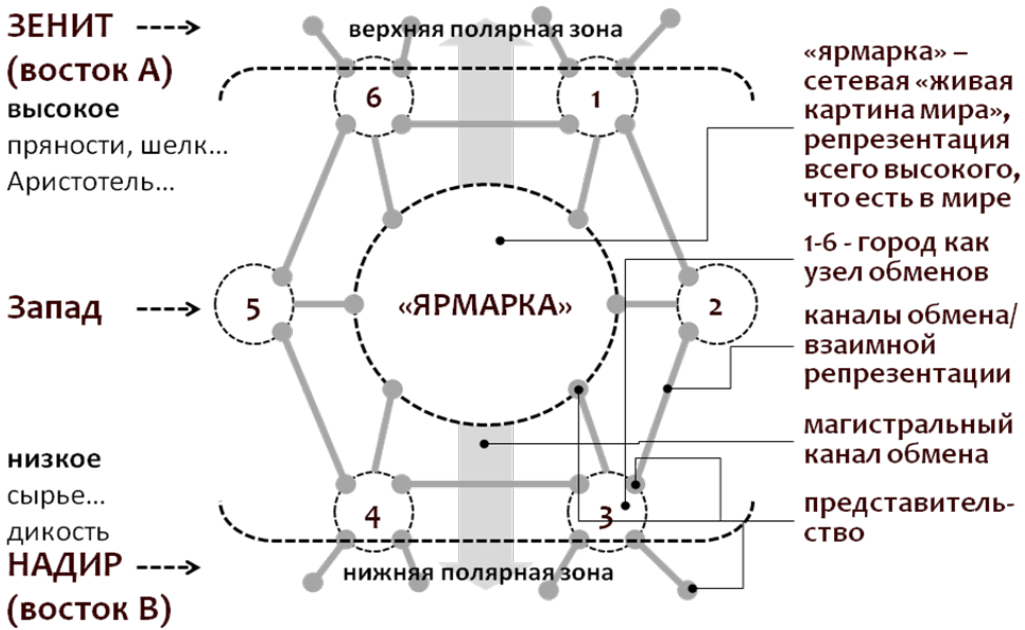

Рис. 3 (Воловик). Сетевые институты.

Эти два полюса оказываются связаны тем, что я бы назвал магистральным маршрутом. Они оказываются связаны в какой-то момент: этот маршрут устанавливается примерно в 1000-1200 годах, и по нему движутся определенные потоки товаров, – пока так я буду говорить. Но мне важно, что товар – это больше, чем то, что покупают и продают: в известном смысле он содержит в свёрнутом виде, как Маркс говорил про овеществленный труд, очень многое – ту деятельность, в которой он был создан, ту культуру, откуда он попал, например, китайский шёлк или пряности Моллукских островов. Эти потоки движутся, начинаясь от Средиземного моря (левантийская торговля) и протягиваясь до Балтики (ганзейская торговля). И единственный вклад, который в какой-то момент начинает в этот поток делать Европа (кроме сырья), – вообще единственный заметный ее вклад – появляется где-то в районе, близком тому времени, которое я расцениваю как время слома. Этот единственный товар – тонкое сукно, которое производится городами Фландрии и Брабанта. И этот товар начинает идти как на север, так и на юг – в обе эти полярные зоны, и начинает включаться в соответствующую торговлю.

Мне здесь важно следующее. Здесь, на территории графства Шампанского, есть место, которое является своего рода узловым пунктом для этих товаров. И тогда я бы сказал, что по сути *то* и только *то*, что представлено на шампанских ярмарках, имеет какое-то значение. До какого-то времени на них присутствуют только заморские товары, сырьё и ресурсы, а с какого-то времени там появляется ещё сукно. Кроме того, я бы добавил еще пять-шесть городов, которые делают туда вклады, не выходящие за рамки европейского мира (см. верхние и нижние скобки на рис. 3 (Воловик)). Это миланские доспехи, толедские и нюрнбергские клинки и венецианское стекло. Всё – больше ничего нет на этой ярмарке, больше ничего не представлено.

Это совершенно другой тип институциональности, чем тот, который был выше назван локальным. Здесь важно не то, что города соединены в сеть. Действительно, эти узлы, эти кружки пунктирные – это те места, где два типа (локальный и сетевой) институтов сочленяются на одном и том же материале. В принципе, я сюда могу подставить – с целым рядом оговорок – город с двором, университетом и цехами. Но здесь пока представлено не всё!

Самые типичные стройные и точные формы ремесленных средневековых институтов, а также и университетов (что меня интересует прежде всего, и я их лучше понимаю) с учёными занятиями, характерны для городов, которые не представлены на ярмарке. Для тех городов, которые практически исключены из больших, важных для всего европейского мира процессов жизни. Можно сказать, что происходит определенная деформация для того, чтобы совместить сетевые и локальные институты. Например, ранние итальянские мануфактуры, фактически нарушающие целый ряд институциональных требований цеха, возникают уже в XII–XIII веках. Они возникают там, где высшие и низшие цеха не просто имеют разный статус, а где высшие цеха фактически управляют низшими, являясь для них раздатчиками работ, сборщиками товара и т.д. Повидимому, туда реально закладывается какая-то совершенно другая форма ин-

ституции, чем предусмотренная введенными выше локальными институциями или институтами.

Теперь – об институциональном сломе. В 1314 году в Антверпен приходит первая венецианская галера. Впервые вместо сухопутно-речного пути через континент одна, пока единственная, галера через Гибралтар обходит Пиренеи, Бискайский залив и попадает в Антверпен. Через 50 лет в девять раз падает, соответственно, оборот всего, связанного с шампанскими ярмарками. Через какое-то время на этих территориях развернулась Столетняя война, но их упадок начинается раньше.

В это же время, даже чуть раньше, начинается еще ряд войн. Представьте себе: Франция в эпоху подъема, когда ею управляет сильный король Филипп IV Красивый, сначала в союзе с несколькими городами Фландрии помогает последним освободиться от власти графа Фландрского, потом те хотят освободиться и от Филиппа IV, и между ними начинается война с переменным успехом. Казалось бы, мощная Франция, – а сравнительно небольшой территориально союз фландрских городов нанёс ей несколько сокрушительных поражений.

Мне здесь представляется, что все институты так или иначе завязаны на город. В рамках сетевых институтов это своего рода узлы, какие-то сочленения. А в рамках локальных институтов это какие-то точки, стяжки концентрации всего, что может быть стянуто в смысле власти, мастерства и учености. Можно сказать, что по сути, именно города были центрами власти. И это даже можно наблюдать на историческом материале становления города, как там власть останавливалась: в какой-то момент власть перестаёт ‘бродить’ по территории и останавливается в городах. Это – отдельная тема, и я её выношу за скобки.

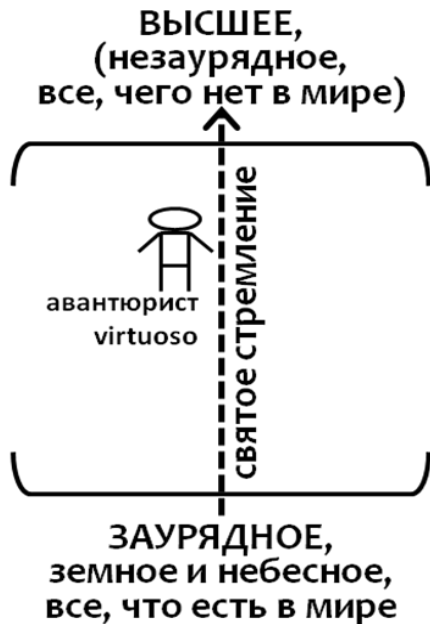
Я больше не буду специально говорить об институтах, но дальше буду немножко прыгать: от институтов – к инженерии и инженерному мышлению.

В предисловии к 900 тезисам против Аристотеля Пико делла Мирандола⁸⁰ предъявил основания своего противостояния философам всей Европы. Эта его знаменитая «Речь о достоинстве человека», с моей точки зрения, задаёт что-то похожее на то, о чём говорил Вадим Маркович Розин. Для меня это формулируется так, что Мирандола по-новому задаёт ‘верх’ – то, что важно, значимо, ценно и противопоставлено чему-то другому. И задаёт, как мне кажется, очень необычным образом (см. рис. 4 (Воловик)).

А теперь давайте глянем, что произошло перед этим. Первая венецианская галера пришла в Брюгге. Через какое-то время вся торговля, которая шла раньше по тому магистральному маршруту (см. рис. 3 (Воловик), вертикальная стрелка), пропадает: магистральный маршрут весь меняется – полюса пока остаются старыми. И, по сути, узловыми пунктами оказываются уже не шампанские ярмарки, а Лиссабон, прежде всего, и Севилья. Пока плавания – каботаж-

⁸⁰ Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – крупнейший представитель флорентийского платонизма. Упоминаемая здесь «Речь о достоинстве человека» (1489), впервые в полном объеме опубликованная в 1496 г., уже после смерти итальянского мыслителя, стала одним из самых ярких манифестов всей эпохи Возрождения. – *Ред.*

ные, то есть плавают вдоль берега. И вдруг они вдоль берега начинают плыть в другую сторону, на юг.

В душу вторгается святое стремление, чтобы мы, **не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего...**

Нам следует **отвергнуть земное, пренебречь небесным** и, наконец, **оставив позади все, что есть в мире, поспешить в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности.**

Рис. 4 (Воловик). О достоинстве человека (1486)
(новые антропологические типы).

Португальцы (может быть, по инерции, захватив Сеуту на африканском побережье) начинают двигаться туда, куда, кстати, арабы до этого не ходили, поскольку там мыс Нун – «мыс Нет», за который нельзя ходить. Там сильные ветры, чудовища и прочие страхи. И Энрике Мореплаватель, инфант португальский, посылает туда корабли один за другим. Вернувшиеся из плавания говорят: «Не смогли пройти». В ответ Энрике говорит: «Ну, ничего, в следующем году попробуете». В следующем году идут: «Не смогли пройти».

Наконец, кто-то прошёл. Дальше – мыс Бохадор. Так же вдоль берега идут – дошли до мыса Бахадор. А там дальше – уже экваториальная зона, в которой, по Аристотелю, вообще ничего живого нет, поскольку там температура такая. Моряки возвращаются: «Вы знаете, начали снасти дымиться, загораться, должны были вернуться. Беда!». Посылает опять. Опять, опять, опять... Прошли мыс Бахадор. А дальше...

Это всё – в течение ста лет. И вот это движение доходит до Моллукских островов и Китая. В 1419 году начинаются экспедиции Энрике Мореплавателя – в 1513 году португальцы в Китае. Открыта Индия, закупорены Красное море и Персидский залив, вся торговля пряностями (в то время в Европе перец был второй валютой, им отдавали долги и т.д.) попадает в руки португальцев. В это же время, чуть раньше, Колумб открывает Америку. Думает, что Индию, – а открывает Америку. И в первую экспедицию Колумба едва удалось набрать сотню человек после того, как ему разрешили брать приговоренных к смертной казни из тюрем, а во вторую поехали три тысячи человек, и не было отбоя, но просто больше он не мог захватить с собой.

Всё это я рассматриваю как своего рода движение, и дальше поясню, почему. Практически в это же время, но чуть раньше, начинается другое движение. Я не буду на нем подробно останавливаться, поскольку это достаточно обычный контекст. Итак, это движение гуманистов, когда начинают появляться сначала отдельные персоны, а потом кружки. Они начинают «по-правильному» переводить Платона, платоников, Гермеса Трисмегиста и т.д. Один из них – Пико делла Мирандола, – может быть, просто красивее всех выразился, но до него подобные вещи и Марселио Фичино⁸¹ говорил, и многие другие. Просто, если внимательно почитать предисловие⁸², – окажется, что это общее место: ‘верх’ меняется – делается, я бы ещё сказал, неопределенным. Потому что – что такое незаурядное? То, чего в мире ещё нет.

В тиши этих двух движений (не могу подробнее про это говорить) примерно в то же время и в связи с ними происходит нарушение того, что я вслед за И.С. Дмитриевым⁸³, который употреблял этот термин по отношению к конкретной ситуации, называю «запретом на метабасис» – запретом смешения родов. Я считаю это институциональным запретом. Важно, что этот запрет, в конце концов, сводился к тому, например, что учёные занятия нельзя было смешивать. Математика в принципе не могла использоваться в физике, поскольку это не вело к истинному знанию. И был еще целый ряд, я бы сказал, маргинальных дисциплин, так же точно, как был ряд маргинальных ремёсел, которые в силу других причин не могли занять достойное место в этих институциях. В частности, горное дело по одной причине, по другой – морское дело, включая кораблестроение и навигацию, и по третьей – это военное дело.

И дальше, именно в связи с горным и военным делом, начинается очень интересное движение.

Экземпляры одного и того же ремесла, скажем, находящиеся в разных городах, могут обмениваться организованностями – это законный обмен, например, «кузнец – кузнец» (обмен типа «ремесло – ремесло»). Обмен типа «учёное занятие – учёное занятие», экземпляры двух учёных занятий, «живущие» в разных городах – законный обмен (см. рис. 5 (Воловик)).

И дальше появляется метабасис с нарушением границ между разными ремеслами или разными учеными занятиями, но он – маргинальный. Хотя, в конце концов, бастарды становились королями. Когда производится обмен по типу «ремесло-1 – ремесло-2» – это уже нарушение институционального запрета. То же самое касается и учёных занятий – такие обмены происходили, и происходили постоянно. Эпизодом такого метабасиса можно считать, например,

⁸¹ Марселио Фичино (1433–1499) – философ, теолог и ученый, выдающийся мыслитель эпохи Возрождения, оказавший значительное влияние на развитие философии XVII–XVIII вв. Изучал латинский и греческий языки, философию и медицину. Фичино известен как признанный лидер платоновской Академии во Флоренции, одного из важнейших интеллектуальных центров эпохи Возрождения. Став священником, занимал несколько высоких церковных постов. – *Ред.*

⁸² По-видимому, здесь имеется в виду следующее: 900 тезисов «обо всем, что познаваемо» отчасти заимствованные, отчасти самостоятельные, [Пико Делла Мирандола](#) собирался защитить в диспуте с христианскими учеными «всей Европы». Однако Папская курия признала их еретическими, и диспут не состоялся. Упомянутая же здесь «Речь о достоинстве человека», замысливалась как *преамбула* к готовившейся дискуссии. – *Ред.*

⁸³ [Дмитриев И.С. Увещание Галилея. Санкт-Петербург: Нестор-История. 2006, с. 33–34. – Ред.](#)

появление торговой арифметики. Но хотя Леонардо Пизанский⁸⁴ ввёл арабские числа, они не пошли, остались как бы на полях европейской традиции.

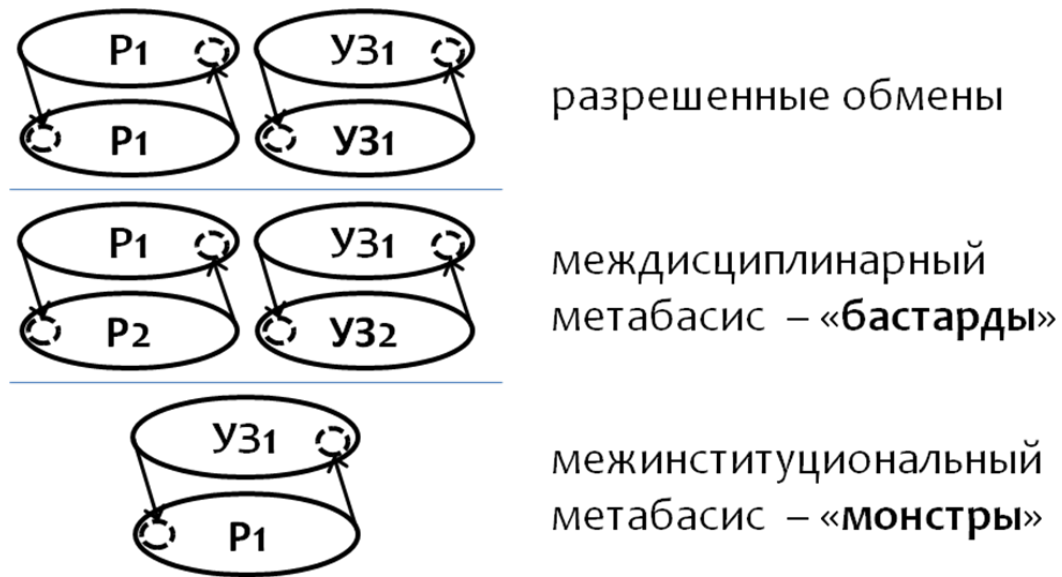

Рис. 5 (Воловик). Метабасис: «бастарды» и «монстры».

А теперь самый интересный, самый сложный метабасис – это учёные занятия и ремёсла. Я должен вернуться к первой своей картинке ([см. рис. 1 \(Воловик\)](#)), но специально не хочу жёстко связывать ее с каким-то из прочтений этой старой, хорошо известной схемы «велосипеда».

Я рассматриваю процесс, обозначенный буквой «А», как деинституционализацию в том смысле, что организованности старых институтов втягиваются в совершенно другое пространство. Мне важно, что это – три разных пространства, с одной стороны. С другой стороны, здесь [по сравнению со схемой шага развития] скорее нет времени, а что-то вроде «было – стало». И эту точку «А» я отношу к *деинституционализации*, а точку «Б» – к *институционализации*, а то, что между ними и собственно то, что именно относится прежде всего к этому пространству, я отношу к своего рода *игре* и об этом буду говорить дальше.

Щедровицкий. Это Ваша большая иллюзия, что Вы дальше будете об этом говорить.

Воловик. А сколько у меня ещё времени?

Щедровицкий. У Вас его уже нет.

Воловик. Можно ещё секунду?

Щедровицкий. Можно, поскольку Вы из пятнадцати слайдов проговорили только о трёх...

Воловик. Мне важно принципиальные вещи сказать.

⁸⁴ Леонардо Пизанский, Фибоначчи (род. ок. 1170 – ум. после 1228) – итальянский математик. Путешествуя по Востоку, познакомился с достижениями арабской математики, способствовал передаче их на Запад. Основные работы «Liber Abaci» (1202) – трактат об арифметике (индийские цифры, числа Фибоначчи) и алгебре и «Practica Geometriae» (1220). Это первые произведения, содержащие задачи на приложение алгебры к геометрии. – *Ред.*

Во-первых, есть три разных ситуации (см. рис. 1 (Воловик)) : 1) деинституционализации; 2) того, что я назвал бы «игрой», и я могу это проиллюстрировать на разных материалах, и 3) того, что я называю институционализацией. Это три разных типа актов инженерного мышления.

Во-вторых, когда между двумя, скажем, ремеслами происходит метабасис возникает такой его тип, который я называю «бастардами». На мой взгляд, это относится к ситуациям деинституционализации (рис. 6 (Воловик)).

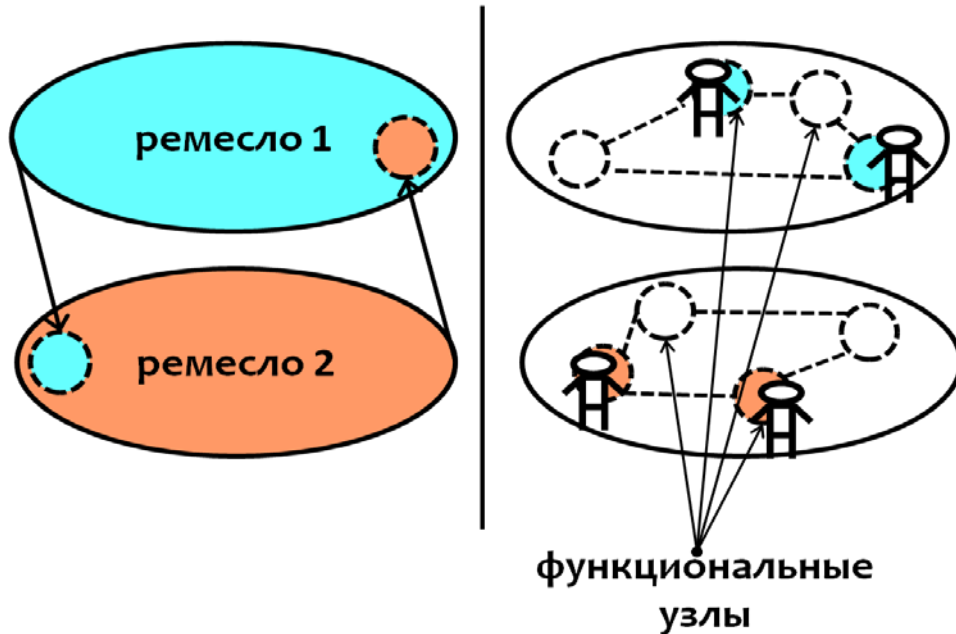

Рис. 6 (Воловик). Деинституционализация-1.

Пусть это будет некоторая организованность, например, ремесла-1, связанного с помолом зерна, и из него буквально вырывается мельничное колесо. Причём, в каком-то смысле физически вырывается. Это не инженер приходит и говорит: «О! Вот этот элемент я могу вырывать!». Вырывается и попадает в совершенно другое ремесло: с помощью этого мельничного колеса начинают поднимать руду на руднике. И только после этого всё это ремесло можно рассмотреть как определенную структуру (или состав пока), состоящую из того, что можно было бы назвать «узлами». Грубо говоря, вот колесо («функциональные узлы» в правой части рис. 6 (Воловик). – *Ред.*), тут вал, а тут передача и т.д. И поскольку в этом ремесле есть и люди, то я бы отметил, что установилась постоянная тенденция: всё, что можно, переносится в другое ремесло. И после идёт *конструктивизация* этого – расчленение органической целостности на конструктивы (функциональные узлы).

А дальше идут «игры» конструктора: начинают формироваться конструкторы сначала в таких протоформах как *театр машин*, потом в более сложных формах, когда в этом театре уже начинают выделяться узлы. В театре машин это просто что-то вроде портфолио. И далее, в конце концов, выделяются разные детали машин (рис. 7 (Воловик)).

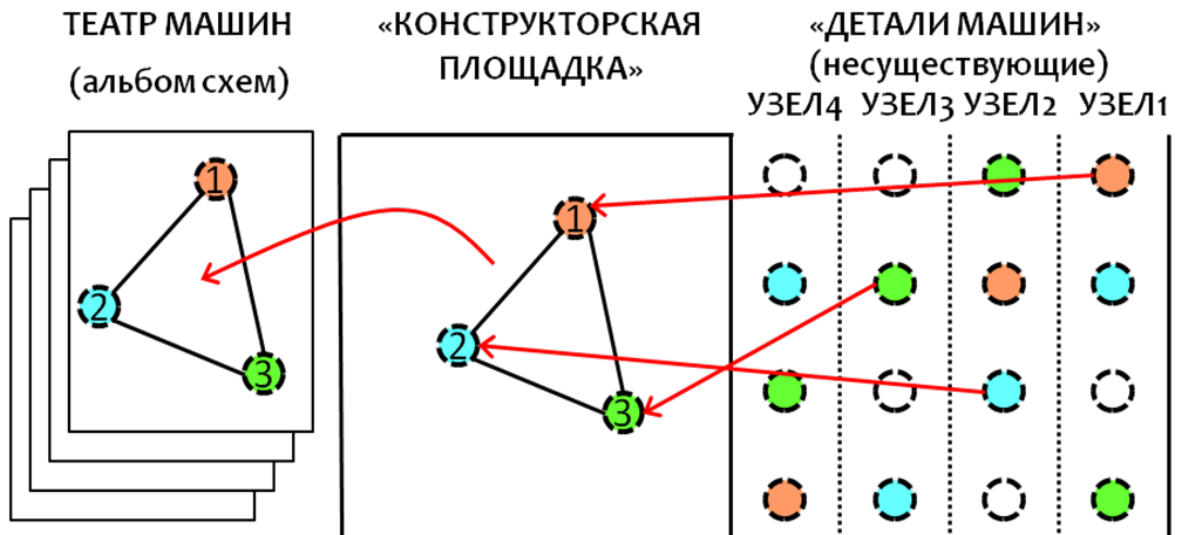

Рис. 7 (Воловик). Театр как протоконструктор.

Ещё одна важная вещь, связанная с докладом [Вадима Марковича Розина](#). [Всё это происходит до Галилея](#). Это первое. Второе: параллельно разворачиванию линии конструирования идет проектирование, пока в предельно упрощенной форме – проект как перспектива величия. Путешествие Колумба началось, я бы сказал, с проекта, и это не я говорю, это обсуждается как проект, когда он приходит к королю. Проект, в котором есть всего лишь одна вещь – это определенная *перспектива незаурядного* – христианизация язычников и несметные богатства. И я бы сказал, что в данной ситуации проектирования первична эта *ситуация незаурядного в смысле высшего, величественного, возвышающего*. Это может быть проект собора, это может быть проект еще чего-то другого. Он не называл это проектом, но я считаю, что, например, Медицейские звёзды, открытые Галилеем и подаренные им Медичи, – это тоже своего рода проект.

И здесь невероятно интересны всевозможные посвящения того времени, поскольку там, во-первых, присутствует слово «проект», во-вторых, звучит «величие», и дальше – пустое место. Это «незаурядное» на той картинке, где оно не обозначено никак (см. рис. 4 (Воловик)), в конструировании в какой-то момент становится «курьезным».

Вне рамки проектирования (величие [задаваемое перспективой]) незаурядное существует как курьезное, то есть просто необычное, небывалое, диковинное. Конструирование в чистом виде порождает все возможные конструкции.

Я должен был сказать, что инженерия возникает сначала в рамке проектирования, когда незаурядность задается через величие, и все конструкции обслуживают стремление к величию. Но потом – появляются, допустим, кунсткамеры как собрания курьезов натуральных и механических, и т.д.

И этот набор наполнений этой верхней скобки (см. рис. 4 (Воловик)), как мне кажется, идет практически одновременно – я бы не говорил, что здесь сначала то, потом то, потом проектирование. По мере наполнения рамки проекти-

рования конструированием мы начинаем вычерчивать не только вид и перспективу, допустим, собора – мы начинаем вычерчивать его конструкцию.

В рамке проектирования уже встает задача показать, что проект ведет к величию. Одна из задач перспективного изображения, например, состояла в том, чтобы Заказчик увидел, как величественно будет выглядеть собор. Но потом появляется набор конструктивов (колонны, арки...) из которых можно собрать именно этот, *уже величественный*, собор. Заказчика это может не интересовать, но с какого-то момента его, например, интересует бюджет. Пока нет сопромата, мы не можем рассчитать конструкцию, но, имея набор конструктивов, мы можем прикинуть бюджет. И прочность... мы пока не можем ее рассчитать, но уже можем о ней думать (например, будут ли шесть колонн диаметра D так же надежны, как восемь диаметра $D/2$?).

Потом мы начинаем, допустим, со времён Генриха IV и его маршала Сюли, планировать операции: что, когда, зачем, за какие деньги и т.д. Долгое время в проектах вообще не было сроков, понятия сроков, не было понятия стоимости. Даже сама форма оплаты строительства собора выражалась в назначении подрядчику доходов с некоего поместья или чего-то другого, пока он не построит [этот собор]. То есть не было этих вещей [конкретных сроков и стоимости]. Но собор – был, и был вид собора, и было важно, чтобы через него увидел величие своё герцог какой-нибудь миланский или кто-нибудь ещё. Мне вот это было важно сказать.

Теперь всё!

Щедровицкий. Коллеги, я только от одного вас хочу предостеречь: если вы спросите, что было в таком-то году, то...

Воловик. Да, я вам расскажу.

Щедровицкий. Да, с подробностями.

Воловик. Пришлось прорабатывать очень большой материал. Это моя проблема.

Щедровицкий. Прошу вопросы, три вопроса.

Да, пожалуйста. Представляйтесь только.

Чумаков. Чумаков Сергей Иванович, Технологический институт, Санкт-Петербург.

Во втором докладе прозвучало, что инженерное мышление погибает, по крайней мере, в России.

Воловик. Подождите, во втором каком, откуда?

Щедровицкий. От начала.

Чумаков. От начала.

Воловик. Да, понял.

Чумаков. Представьте виртуальную реальность, что Вас завтра выбрали президентом. Какой Ваш первый указ, чтобы спасти, исправить эту ситуацию?

Щедровицкий. Слушайте, я предостерегаю!

Воловик. Прошу прощения, я не буду отвечать.

Щедровицкий. Да-да.

Воловик. Это тайна. Если я сейчас скажу, то кто же меня выберет?

Щедровицкий. Ещё вопрос. Да, прошу, Рустем.

Максудов. У меня суждение.

Воловик. Да, судите.

Максудов. Суждение – не суждение, а рассуждение.

Мне кажется, можно предположить, что в обоих докладах всё-таки была попытка неявно выделить существо инженерных схем, если предположить, что инженерии особые схемы присущи как ядро инженерного мышления. Но тогда всё равно нужно понять, если предположить, что идёт выход на разные типы инженерии в историческом смысле. Например, инженерия, которая замкнута на конструировании и реализации идеальных объектов, и вся галилеевская линия, с этим связанная. В Вашем докладе, на мой взгляд, была попытка обсуждать инженерию, встроенную в мыследеятельностный контекст, и, в соответствии с этим, мне кажется, здесь очень красиво полагается идея организованности, и попытка выделить разные, связанные с этим, исторические трансформации. И, мне кажется, – это очень важный момент: продолжать эту линию с полным выкладыванием всех мыследеятельностных контекстов, а не только организованностей.

Воловик. Мне больше нравятся организованности. Если Вы захотите – Вы остальное и доложите, хорошо? А мне это нравится.

Щедровицкий. Да, Вера.

Данилова. Для меня в этом докладе выделились две важных мысли.

Одна – про различие локализованных и сетевых институтов и, например, возможность их замыкания на одних организованностях при каких-то там деформациях этого места с точки зрения того и другого института.

И вторая мысль – про значение зон метабасиса, то есть зон, в которых встречаются, обмениваются, перемешиваются те организованности, которые в нормальном состоянии перемешиваться не должны.

Володя, а можно пояснить, как эти две мысли связаны друг с другом? Могу ли я сказать, что именно точка встречи сетевого и локализованного института создаёт зону метабасиса? Или сетевой институт создаёт зону метабасиса и т.д.?

Воловик. Я бы сказал так. Я рассматриваю движение, с одной стороны, а кружки и ранние академии – с другой, как протоинституты. Это первое.

Второе. Для меня, в известном смысле, разделять «социологическое – там, а эпистемическое – здесь», или как-то так, является неправильным, и это принципиально. Можно говорить, как это и говорят, о социологии знаний – и можно говорить об эпистемологии социальности. То есть для меня обмен рулона шёлка на, допустим, рулон сукна – это ещё и эпистемический факт.

Теперь, если говорить о том, о чём ты говоришь...

Данилова. Я спрашивала, как связаны сетевые и локальные институты с механизмом создания зон метабасиса. Ответ почти на «да – нет».

Воловик. Во-первых, связано, и я бы сказал так: в зонах сочленения, как правило, одновременно присутствуют зоны маргинальности. При этом для меня маргинальность означает буквально «находящееся на полях», то есть «находящееся», а не «ненужное». Это не значит, что эти зоны маргинальности не важны

– заметки на полях книги могут быть важнее текста этой книги. Важно, что это просто – ‘на полях’, в стороне. Текст организован жёстко, у него есть строчки и т.д., он написан в неизменяемом виде. А поля – это зоны более свободные. Это раз.

Второе. Не знаю, это вроде как-то относится, но не совсем правильно, к твоему вопросу, но я бы сказал так. Когда речь идёт о проектировании, то эти все частные инженерные мышления, которые получаются за счёт определенной комбинаторики величия и курьёза (я так условно говорю) – разных, может быть, даже типов деятельности, – они институционализируются в форме по преимуществу локальной. А то, что от них остаётся в инженерном мышлении, выполняет функции своего рода сетевых институтов и обеспечивает какие-то переносы организованностей между этими под-институтами, в этом смысле. Так бы я ответил.

Щедровицкий. Хорошо.

И последний вопрос. Винов.

Винов. У меня на прояснение. Я увидел – именно увидел даже, а не услышал, – в Вашем докладе следующее: что онтологическим условием для формирования инженерного мышления выступает возникновение категории или понятия «незаурядности» и рефлексия незаурядности, и уже затем нарушение правил обмена.

Воловик. Я не знаю, как ответить. Это будет не совсем ответ, но я бы сказал так: для того, чтобы увидеть ответ на Ваш вопрос, надо соотнести картинку с магистральным маршрутом (см. [рис. 3 \(воловик\)](#)) с рисунком моей интерпретации речи Пико делла Мирандолы (см. [рис. 4 \(воловик\)](#)). Если их соотнести, то там будет ответ.

Винов. И Фичино?

Воловик. И Фичино – да, конечно! Имеется в виду, что картинки имеют сходную рисовку. И там, и там есть ‘верх’. В одном случае это вполне определенный ‘верх’, задаваемый «Востоком А», а во втором – это «не-заурядное». То есть ‘верх’ открыт: то, что вчера было незаурядным, – сегодня вполне обычно. И это требует постоянного убегания от того, что есть. А Пико делла Мирандола или Фичино — не имеет значения.

Щедровицкий. Спасибо большое, Володя!

Дискуссия по докладам

Щедровицкий. Коллеги, переходим к дискуссии по двум докладам, потому что, на мой взгляд, предложены две совершенно разных версии генезиса и происхождения инженерного мышления. Настолько разные, что даже не знаю... непонятно, как их можно совместно обсуждать. Но сейчас посмотрим.

Да, прошу.

Розов. Первое, как я обещал, о социальных институтах, поскольку это одна из важнейших тем нашего сегодняшнего собрания. И мне кажется, что,

когда есть конфликтующие понятия, то чрезвычайно важно разобраться в преимуществах и недостатках каждого.

На мой взгляд, то, о чём говорил [Вадим Маркович Розин](#), с одной стороны, избыточно, то есть не у всех институтов обязательно присутствуют какие-то деятельности и какая-то рефлексия, и примеры я приводил: светское чаепитие, товарищи идут в баню, эротический роман и т.д. С другой стороны, – и это ещё важнее для меня, – я считаю, что очень много упущено в этом определении тех элементов, которые обязательно есть в институтах.

Во-первых, эти элементы чрезвычайно важны, причём, важны именно для того чтобы концептуализировать и культурологические, и персонологические аспекты, о которых было сказано, но они так и повисли в воздухе. О чём я говорю? Совсем не было сказано о *различных позициях*. И у нас получился инженер как Робинзон. Понятно, что, как минимум [в инженерии] есть внутренние позиции: например, мастер, подмастерье, обязательно заказчик, обязательно публика, перед которой демонстрируется новое изобретение, и т.д., – то есть всегда есть много позиций, и это важно.

Второй момент. Обязательно есть какие-то *высшие символы*, и о них тоже говорилось и во [втором докладе](#) – ради чего всё это делается: какие-то святыни, ценности и прочее, и прочее. Какой бы мы ни взяли институт, обязательно это обнаруживается. В связи с этим возникает *вопрос идентичности*: а кто я в отношении позиции, которую занимаю и в отношении к символам, к которым я каким-то образом причастен? И так понимали себя инженеры на разных стадиях исторического развития – у них были разные идентичности. Чрезвычайно важный, я считаю, сущностный вопрос. Это никак не было раскрыто.

И, наконец, совсем вроде бы странная тема. Я утверждаю – и это у меня жёсткое и универсальное утверждение, вслед за Коллинзом⁸⁵, – что не бывает социальных институтов без *ритуалов*. И само изобретение, особенно демонстрация изобретения, обсуждение тонкостей изобретения с коллегами, которые понимают эти технические вещи, – это ритуальная деятельность, они там молятся своим богам; это может быть эффективность, это может быть знание этих всех технических тонкостей и т.д. И этот ритуал, на самом деле, в центре всего. В нём и утверждаются позиции, и через ритуал утверждаются символы святыни и утверждаются идентичности: кто я такой в отношении к этим святыням. Я считаю, что это достаточно универсальное понятие, и легко посмотреть, что оно подходит, между прочим, не только к инженерам, но и к товарищам, которые собираются в сауне, и к светскому чаепитию, и к любовному роману.

И [по второму докладу](#) – мне он очень понравился. Мне особенно приятно, что такое пространство внимания мыследеятельностного подхода всё больше и больше занимает любимая моя макросоциология, и, судя по вниманию, с которым слушали доклад, эти все броделевские⁸⁶ темы действительно крайне инте-

⁸⁵ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с. – *Ред.*

⁸⁶ Имеется в виду Фернан Бродель (1902–1985), историк и организатор науки, признанный продолжатель знаменитой французской школы «Анналов» – исторических исследований цивилизационных процессов. – *Ред.*

ресны, и со многим я согласен. Но важно, что она не только броделевская – она получается немножко марксистская. Почему? Хотя и [говорилось о войне](#), но там война – как будто с Марса спустилась, непонятно, что она вносила. В качестве основных институтов не было указано, что это всегда армии, что аристократия всегда имеет силовые структуры и она всегда покупает оружие или кто-то для неё производит оружие. То есть Броделя обязательно нужно дополнить Вебером⁸⁷ и Коллинзом. С войной связаны ещё такие моменты, и это странно, что об этом не было сказано: вот те самые XIV-XVI века (до Наполеона, между прочим) – это *время военной революции*, и ничто так быстро не усовершенствовалось, как мушкеты, мушкетеры. Итальянцы были, причём, первыми в этой военной революции; там речь шла и о фортификациях, и о строе и т.д.

Дальше, как это ни странно, война и геополитика огромное влияние оказали и на экономику, и на финансы. А именно: тогда войска стали наёмными, а им нужно было платить, а для этого, соответственно, появились банки, генуэзцы, которые и давали займы этим королям. То есть эта военная сфера – не внешняя, акцидентальная: она одна из самых сущностных. И то, что это не было упомянуто – это было странно.

Щедровицкий. Спасибо.

Вера Леонидовна, потом Вы.

Данилова. На мой взгляд, в соотношении последних двух докладов очень ярко, ощутимо выделилось то различие двух линий рассуждения, двух логик, двух проблематизаций, которые, вообще-то говоря, уже можно заметить на соотношении первой пары докладов и последующей пары докладов, то есть на соотношении двух половинок первого коллоквиума. На мой взгляд, у нас сейчас не совсем отрефлексированно начинает расходиться обсуждение, с одной стороны, *институциональной статике* и, с другой стороны, некой *динамики*, к которой я даже не рискну применить прилагательное «институциональная». Кстати, Вадим Маркович [Розину], наверное, Вы со мной не согласитесь, поскольку для Вас тема становления очень важна, но Ваш доклад я бы отнесла именно к жанру обсуждения институциональной статике. И понятно, почему: тогда все это тяготеет к таким «коробочно-», «блочно-» отчасти структурным схемам.

Если коротко, я утверждаю, что то понятийное обеспечение, которое было запланировано на этот коллоквиум, не соответствует той тематике, которую мы собираемся обсуждать. Нам нужна не идеализация института. Афанасьев здесь абсолютно прав, когда говорит об институте как о такой [десубъективированной машине](#), устойчиво функционирующей.

Нам скорее, по крайней мере, в силу наших практических проблем, но я думаю, что и в силу той ситуации, которую [Переслегин](#) описывал, нужна *идеализация институционализации*, причём институционализация – это отнюдь не сборка института из подручных деталей. Я не знаю, что это такое – процесс, система, не рискну давать категорию, но, наверное, только для этой институ-

⁸⁷ По-видимому, имеется в виду Эмиль Максимилиан Вебер (Макс Вебер, 1864-1920) – немецкий социолог, историк и экономист, один из основателей «Немецкого социологического общества» (1909). – *Ред.*

ционализации нам понадобятся и мыследеятельностные представления. Институт – да, в конечном счёте, он описывается социологически, можно к нему приделать какие-то «бантики». Но мощности мыследеятельностных представлений он, на мой взгляд, не требует.

Поэтому там я могла бы, наверное, что-то возразить Николаю Сергеевичу [Розову], когда он пытается всё упаковать в социологические понятия института, но, собственно говоря, эти возражения были бы не очень существенны. Вроде бы, те штрихи институционализации, которые явно вырывают её, явно выводят эту [её] потенциальную идеализацию за пределы того, что можно сказать про институты [в социологии]. Наверное, ещё нет ритуалов, по-видимому, ритуалы – это характеристика институциональной статики. Совершенно очевидно, что институционализация субъективирована. У институционализации есть свои герои, целенаправленно совершающие, целенаправленно создающие какие-то новые движения или же стремящиеся к [незаурядности, как это описывал Воловик](#). У институционализации другие ценности. То есть институт, безусловно, связан с ценностью стабильности, это социологи обсуждают, и там всё замечательно. А вот институционализация – опять-таки поклон в сторону Владимира Вениаминовича – похоже, связана с идеями незаурядности, похода, достижений и тому подобного. В общем, я бы просто поставила это как вопросы.

Щедровицкий. Спасибо.

Прошу Вас, потом Вы, Федор. Да, пожалуйста.

Ключ. Ключ, город Обнинск.

Я отнесусь только к некоторым вещам, которые были в докладе Вадима Марковича [Розина], причём не к той части, где говорилось об институционализации, об истории инженерии, инженерного мышления, а к той, которая раскрывает особенности инженерного мышления. Инженерия [по Розину] – это познание природных процессов и реализация их на некоем ином материале. Здесь бесплодно так рассуждать. Куда более продуктивно исходить из того, что особенность инженерии в том, что её целью является создание, что технический объект – это искусственный объект, и целью инженерии, инженерного мышления является создание таких искусственных объектов, которые способствуют удовлетворению человеческих потребностей.

То есть здесь акцент делается не на том, что мы познали природные силы и всё такое, а акцент делается на том, что мы эти природные силы так искусственным образом комбинируем, выстраиваем, что получаем совершенно новые процессы, в природе (в косной природе, по крайней мере) не встречающиеся. И в этом плане, если взять такие технические объекты, как технические средства деятельности, то здесь прослеживается такая цель: *как можно большее вытеснение человека из акта деятельности*. Собственно, это мы можем проследить на истории техники.

И последний пассаж. В этом плане можно отметить то, что говорилось в предыдущих докладах относительно особенностей мышления и т.п. Вообще целью мышления является познание самого мышления и создание технологий мышления и мыследеятельности. Далее мы формализуем. А благодаря форма-

лизации и используя уже формализованные схемы, мы усиливаем мощь нашего мышления, с одной стороны. С другой стороны, мы создаём технические объекты, которые реализуют какие-то аспекты мышления уже, так сказать, без участия человека.

Щедровицкий. Спасибо. Фёдор.

Александров. У меня замечание ко [второму докладу](#) [В.В. Воловика]. Мне представляется, что как раз до генезиса инженерного мышления мы во втором докладе как раз и не дошли, потому что понятно, что развитие отношений обмена, распаковывавших предшествующую феодальную и цеховую формуацию, действительно приводило к этим переносам, которые были очень интересно описаны и схематизированы. Но что за мышление и деятельность осваивали, ассимилировали и размещали далее в различных ремеслах эти трансферы – пока совершенно не ухвачено.

В этом смысле я не вижу расхождений между первым и вторым докладом. И версией генезиса инженерного мышления вполне может быть та, которую развернул Вадим Маркович [Розин]. Хотя здесь, с моей точки зрения, нужно анализировать всё-таки, как возникала эта практика развития ремесел ещё внутри цехов, внутри городов и университетов – до того, как торговые отношения и обмен начали распаковывать устойчивую информацию ещё предыдущих веков, ещё X века.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу.

Беляев. Я хочу конкретизировать то [возражение](#), которое я высказал в вопросе [В.М. Розину]. Дело в том, что схема, приведенная Вадимом Марковичем, на самом деле, с моей точки зрения, относится к творчеству в целом. Обратите внимание, что между вторым этапом, где фигурирует мифологический персонаж из античной культуры, и эпохой возрождения – две тысячи лет пробела, а это целая христианская культура, которая была направлена по направлению от земной реальности. Она не могла породить технику в современном смысле уже потому, что она была направлена в другую сторону. Между тем, её творчество вполне описывается теми схематизациями, которыми описывается творчество в новоевропейской культуре. И именно эта возможность описать разные типы направленности творчества одними схемами показывает то, что представленная Вадимом Марковичем схематизация новоевропейской инженерии не идентифицирует собственно новоевропейский тип творчества.

Щедровицкий. Спасибо. Георгий.

Афанасьев. Я хотел в виде комментария сказать свою, может быть, личную точку зрения. Для меня вся тематика институтов во многом была связана с предысторией, с тем, что мы обсуждали новый тип мыследеятельности и управления развитием, и там фиксировалось несколько важных моментов, состоящих в том, что ценностный акцент на развитии – что это очень хорошо и нужно уметь это делать, – уже 20-30 лет назад был снят. То есть *повестка сменилась*, а некое психологическое воодушевление (даже тех, кто находится здесь в зале), по-моему, осталось, и люди продолжают выступать за развитие. Хотя *тематика института состоит в том, что уже давно все думают, как это развитие ограничить*.

То есть развитие – слишком простая штука, чтобы её осуществлять. Но, оказывается, без других процессов развитие не имеет смысла. При этом воспроизводство – никто не может организовать, а развитие – могут. Ни одного нормального детского сада с базовым процессом воспроизводства – нет, а развивающих – полно. В итоге все дети выходят оттуда больными.

Поэтому тематика институтов важна потому, что это один из вариантов ответа на вопрос: возможны ли такие институты развития, которые позволяют совместить процессы развития и другие процессы – процессы воспроизводства, функционирования. Дальше можно их перечислять. Это общее замечание.

И конкретное замечание, короткое тоже. Из современной повестки дня, которая мне видна, мне очевидно, что инженеры могут спроектировать космический корабль, а город – не получается. Техническое задание на проектирование города на 15-20 тысяч – на маленькое поселение – ломает все имеющиеся схемы и не создаёт ничего, кроме, может быть, посада или слободы. Можно создать при заводе поселение, а город – нельзя. Это значит, что здесь – в самой структуре деятельности инженерии – есть какие-то моменты, которые нужно обсуждать.

Щедровицкий. Спасибо. Вячеслав. Рустем, подходи.

Марача. Я бы хотел начать с двух коротких тезисов по поводу состоявшейся дискуссии.

В первом тезисе я бы хотел поддержать то различие, на которое указала Вера Данилова, между представлениями об институте и институционализации – она говорила про [субъектность и бессубъектность](#). Но, поддерживая её пафос, что нам важно понять про институционализацию и про эту динамику, всё же еще подчеркнуть, что, не имея внятных представлений об институте, наверное, и об институционализации сложно рассуждать.

Второй тезис: я хотел бы отнестись к тому, что говорил Николай Розов о том, что [для института необязательна деятельность, необязательна рефлексия](#). По поводу деятельности и мышления – поддержал бы: для меня институт – это тоже в первую очередь социальное образование, но хотя ещё точнее – социокультурное. А потом он уже может садиться и на поведение, и на деятельность, и на мышление в зависимости от специализации института. И тогда – в частности, если нас интересует институт мышления, – мы должны искать стяжки между социокультурным планом (поскольку институт – это социокультурное образование в первую очередь) и мыслительным планом, стяжку между социокультурным и мыслительным.

Но по поводу рефлексии я бы с Николаем всё-таки не согласился, причём, на его же примерах. Если мы, например, берём в качестве примера института эротический роман, то он имеет рефлексю, но не у данных конкретных людей, вступающих в эти отношения, а именно в социокультурном пространстве – в литературе, в поэзии. То есть там свои специфические формы рефлексии существуют.

И третий тезис (точнее, группа тезисов) – уже непосредственно по докладам.

Я попробую выделить главную мысль доклада Воловика, как я ее понял. Для меня *ключевая проблема осмысления институтов мышления – это проблема [соединения социокультурного плана с эпистемологическим](#)*. И, на мой взгляд, сегодняшний доклад Воловика – первый, где эта задача в какой-то мере была решена.

Она была решена за счет *выделения процесса конструктивизации как социокультурного процесса*, взятого в определенном контексте эпохи Великих географических открытий и первой глобализации, и с этим социокультурным процессом конструктивизации был *соотнесен определенный эпистемологический механизм*. Эпистемологический механизм Володя подробно не анализировал, это дано через ссылки на работы Галилея в интерпретации Вадима Марковича Розина, правда, с добавлением некоторых важных деталей: появления технического рисунка, [театра машин](#) и еще ряда очень интересных моментов.

И еще, мне кажется, есть, такая дополнительная фишка, которая позволяет этому процессу конструктивизации быть и социокультурным, и эпистемологическим одновременно, – это рассуждения Воловика про связку внутреннего и внешнего мистицизма. Я еще до конца это осознать не могу, но мне кажется, что это тоже очень важный момент в институциональном становлении.

На мой взгляд, в докладе Воловика также продемонстрирована очень интересная *логика рассуждения об институционализации*. Эта логика *связана с конструктивизацией органических систем*. Когда он говорит, что [мельничное колесо](#) в мельничном хозяйстве не существует как нечто отдельное до того, как не случился метабасис (я имею в виду вот это место рассуждений Воловика), – здесь как раз и появляется логика институционализации.

И, на мой взгляд, эта логика позволяет разрешить тот парадокс, на который указывал Вадим Маркович Розин по поводу инженерного мышления, когда говорил, что инженерия, с одной стороны, сама хотела бы быть институтом, но, с другой стороны, [она все время захватывается то проектированием, то наукой](#), то чем-то еще. А если к этому парадоксу применить логику конструктивизации, предложенную Воловиком, то, мне кажется, станет понятно, как описывать подобные объекты.

Логика конструктивизации задает, во-первых, язык описания взаимодействия институтов, приводящих к институциональным изменениям инновационного характера. При этом, на мой взгляд, в докладе очень точно подмечена роль [маргинальных](#) или деинституционализованных пространств в становлении нового.

Во-вторых, – и это важно для работы именно с институтами мышления, – *через конструктивизацию осуществляется переход от схем к идеализациям*. Вспомним [рис. 7 \(Воловик\)](#) с театром машин, конструктивизацией посередине и деталями машин как научной дисциплиной, которая оперирует уже не портфолио с принципиальными схемами, а идеализациями.

И последний момент. Поскольку у Воловика речь идет о социокультурном контексте эпохи Великих географических открытий с характерным для нее институциональным сломом, то доклад мне очень понравился как *пример дискурса о ситуации смены масштаба, который требует, соответственно, сме-*

ны и понятийного ряда. Были рынки, цеха, гильдии, ярмарки и прочее, а появляется совершенно другой ряд: национальные государства, океанские плавания, что-то еще – и это требует переинтерпретации всех основных социальных функций. И, мне кажется, для нас очень важно освоить подобный тип дискурса применительно к современной ситуации, поскольку мы тоже сейчас имеем ситуацию глобализации, и, если сравнивать ее с эпохой Великих географических открытий, то, может быть, в ней не так уж много и нового.

Щедровицкий. Спасибо. Рустем, Ваше выступление – последнее, и потом докладчики имеют возможность коротко ответить.

Максудов. Хороший вопрос задал Петр Гергиевич [Щедровицкий]: [как соотносить такие различные доклады?](#) Я хотел порассуждать на эту тему.

Я думаю, что в [первом докладе](#) [В.М. Розина] говорилось об особой форме инженерии, и не случайно – о её проектной форме. А если это категориально анализировать – с особой связкой категорий «форма» и «материал», – то хорошо бы понять, а в чём же здесь выражается эта связка? А во [втором докладе](#) [В.В. Воловика], мне кажется, как раз с помощью [категории] «организованности» была сделана попытка задать эти мыследеятельностные контексты.

Но!.. И вот здесь очень интересный момент. Если предполагать, что эти организованности существуют в разных трассах и полях, то важно выделять эти понятийные ряды, с одной стороны, а с другой стороны – [учитывать] то, о чём говорил Фёдор [Александров]: мышление производящее, транслирующее и реализующее. И тогда в каждом этом пространстве будет жить своя собственная организованность, и нужно будет специфицировать это пространство.

И тогда, может быть, на определенном этапе возникнет представление об институционализации, с одной стороны. А с другой стороны, если, опять же, возвращаться к идее различения в каждом случае того, что может быть институционализировано (и в этом смысле деятельно) и не институционализировано (и в этом смысле – мышление), это всё нужно различать. И каждый раз, возможно (это моя гипотеза), на этом происходил [институциональный] слом из-за того, что мышление вбрасывало эти, как Вы говорили, новые организованности, и они меняли мир по-новому. Но с учётом, конечно, этих всех пространств. Это первый момент.

Второй момент: а что же [нам делать] сегодня, если предполагается, что [существует] эта проектная форма инженерии с особой связкой в виде идеальных объектов? Для нас главное – задать такую форму, чтобы она подобрала материал, и сейчас мы видим богатство этих [проектных] форм, которые всё на свете пожирают. Вопрос в том, как задать мыследеятельностные контексты и как при этом не отказываться от проектной формы, но её ограничивать, и какого типа понятия нужны для этого?

Щедровицкий. Спасибо. Владимир, Вы будете отвечать?

Воловик. Я хотел сказать вот что. Во-первых, несомненно, война была мною учтена. Я косвенно на это указал, не разворачивая, когда говорил, что особое влияние оказало [горное дело, поскольку оно подлежало горной регалии, говорил и про морское дело, говорил и про военное дело](#), если помните. Вы хотите, чтобы я это развернул – мы можем это разворачивать отдельно.

Теперь – по поводу реплики Фёдора [Александрова]...

Щедровицкий. Основное возражение Фёдора заключалось в том, что Вы подошли вплотную к классике марксизма и остановились перед ней. А если бы Вы рассмотрели сборку инженерного мышления, то, может быть, Ваши выводы не расходились бы с Вадимом Марковичем [Розиным] так, как я пытался интерпретировать во вступительном слове к дискуссии.

Воловик. Понял, да.

На мой взгляд, было, с одной стороны, очень лестно, что я почти подошёл к марксизму. Я считаю, это не так плохо. Но мне важно другое. Мне кажется, что одна из вещей, которая отличает, с одной стороны, Карла Маркса и Вадима Марковича Розина, а с другой – меня, состоит в том, что у меня совершенно дурацкий и очень неудобный способ движения, при котором я всячески избегаю чего-либо вроде псевдогенеза. Сознательно всячески избегаю чего-то в этом духе. Я согласен по поводу того, что там, кроме организованности, можно ещё что-то употребить. И я бы так сказал, по-дурацки: когда оно у меня вылезет [из материала] – оно появится.

Щедровицкий. Спасибо. Вадим Маркович, пожалуйста.

Розин. Мне кажется, что мы здесь столкнулись с настоящим вызовом. Почему? Потому что, смотрите, во что мы вляпались, что называется. Был некоторый язык и онтология теории деятельности, мыследеятельности. Мы обратились к социологическим, социокультурным представлениям института и т.д. И дальше мы попали в очень сложную ситуацию. Два совершенно разных языка, две разных логики, а мы их пытаемся сопрячь. И если мы будем пытаться их соединить, не меняя ни то, ни другое, – ничего из этого не получится, на мой взгляд, потому что, когда мы начинаем говорить про институты, мы говорим уже не про тот институт, который в социологии. Мы на самом деле начинаем переакцентировать и создавать новые понятия. Когда мы начинаем говорить про деятельность в связи с институционализацией, мы тоже начинаем говорить про что-то другое. Это первое.

А второе – это то, что надо начать обсуждать сами процедуры культурно-исторической реконструкции, категории становления, категории развития и т.д. как новый цикл, где действительно можно было бы эти переструктурированные, переосмысленные два языка использовать и понять, как мы должны их использовать.

Щедровицкий. Спасибо большое, коллеги!

Перерыв до 17 часов 15 минут.

Продолжение II коллоквиума

Щедровицкий. Продолжаем работу Чтений. Я передаю слово для доклада Федору Александрову. Приготовиться Дмитрию Бахтуруину.

Ф.О. Александров

Институциональная когенерация науки и инженерии⁸⁸.

Доклад и вопросы по докладу

Александров. Добрый день, коллеги. Мой доклад является реконструкцией, связанной с осмыслением определенного круга проблем, с которыми сталкивается современная инженерия. Это, прежде всего, безопасность технических систем, связанная с ростом числа техногенных аварий и дефицитом научно-технического обоснования безопасности; проблемы институциональной ответственности за создание и последствия использования технических систем, время жизни которых составляет несколько поколений; отсутствие выработанных профессиональным сообществом инженеров и управленцев механизмов ответственности за отдаленные результаты и последствия принимаемых технических решений, а также дефицит онтологической фундированности тех целей на технологические и научно-технические разработки, которая сегодня представлена в виде экологической и гуманитарной критики современных проектов.

Цель моего доклада – обосновать и показать значение эксперимента для формирования взаимной динамики инженерии и наук нового времени и самой значимости разбирательств с этой темой для понимания того, как образовались эти проблемы, что вообще происходило и как формировались науки и инженерия Нового времени. При этом я буду фактически утверждать, что ни науки Нового времени, ни инженерия сама по себе никакими институтами мышления не являлись. Институтом мышления был и есть эксперимент, фундировавший единую связку, единое образование, которое представляют из себя науки и инженерия.

Институт, как я понимаю, выполняет следующие функции. Первая – это функция закрепления некоторого пакета средств. Вторая, следуя за Хабермасом⁸⁹, – это онтологическая легитимация порядков использования этих средств. То есть институт дает онтологическую санкцию на то, чтобы определенные средства могли использоваться в решении определенных задач с определенными результатами. И третья – социальные измерения; это социальные допуски к использованию этих средств, то есть кто, при каких условиях, когда может быть к этим средствам допущен.

⁸⁸ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁸⁹ Хабермас Ю. Модернизация как общественная рационализация: роль протестантской этики // Социологическое обозрение. Т. 9. 2010. № 3. – Ф.А.

И, соответственно, эксперимент будет рассматриваться как институт, обеспечивающий взаимодействие, единство и специфику науки и инженерии.

Начну я с восстановления того, какая картина «инженерии», а если быть точнее – практики создания технических устройств XV–XVI веков предшествовала созданию эксперимента в работах Галилея.

Первое – это соединение в единый комплекс естествоиспытательства и изобретений, то есть когда создание технических устройств сопровождалось некоторым «пытанием» природы, попыткой постичь те закономерности, которые инженер пытался использовать или освоить в этом техническом устройстве.

Второе – механизм как общий принцип описания и в естествоиспытательстве, и собственно в создании технических устройств, и даже при изучении тела человека.

Третий, очень важный пункт – это рисунок: рисунок и как выражение идеи механизма, или, сейчас бы сказали, технической идеи, и как выражение общности природы с геометрическими и математическими принципами и связями, такими как пропорции, соединения, подобия.

Наконец, четвертое, это идеализация – технический мыслительный прием уподобления реальных тел математическим конструкциям, который обеспечивал соединение рисунка и оперирования на рисунке с математическими или, как правило, геометрическими операциями и с техническими действиями. И в каком-то смысле можно говорить о том, что инженерия времен XV–XVI веков освоила это оперирование, когда для нужд создания определенных технических устройств реальные тела приводились специальными процедурами к такому состоянию, чтобы они были подобны телам геометрическим.

Я проиллюстрирую это на нескольких рисунках.

Это рисунок «витрувианского» человека – Леонардо да Винчи читает соответствующие работы Витрувия и фиксирует анатомию человека, строение тела человека в пропорциях и в геометрических принципах.

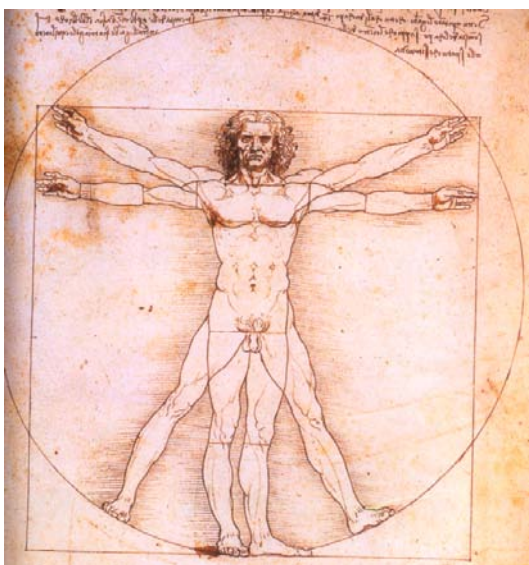

Рис. 1 (Александров). «Витрувианский» человек Леонардо да Винчи

А это рисунок технических устройств, точнее, отдельных фрагментов технических устройств у Леонардо, где в левой части, вверху, мы видим, как задаются некоторые пропорции, соотношения между окружностями и движениями, – а справа, в нижней, особенно в правой части, мы видим, как это же начинает фиксироваться в колесных передачах.

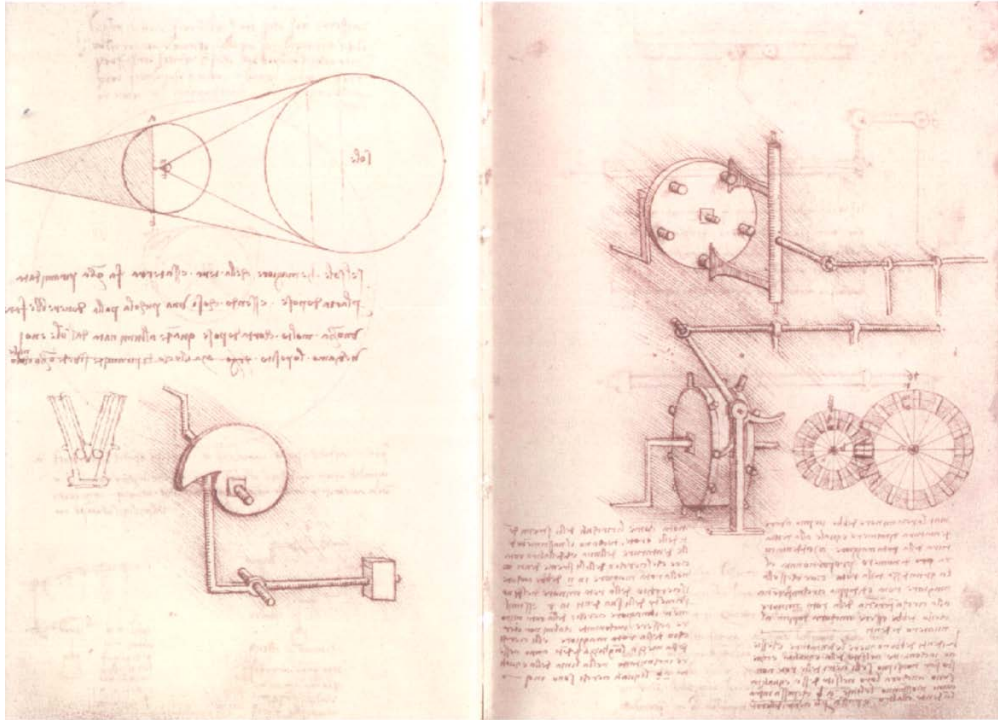

Рис. 2 (Александров). Рисунок технических устройств Леонардо да Винчи

На следующем рисунке – танк Леонардо да Винчи как пример выражения целостности и выражения технической идеи.

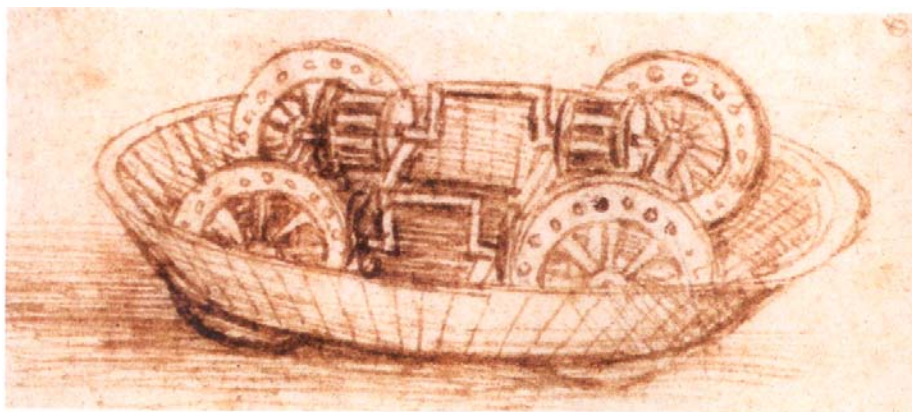

Рис. 3 (Александров). Рисунок танка Леонардо да Винчи

В этом периоде взаимодействия наук и инженерии можно явно выделить три этапа. Первый – это онтологический период, когда создается и институционализируется собственно эксперимент, а наука и инженерия впервые разделя-

ются как разные функции некоторой единой деятельности.

Какие задачи при этом решал Галилей?

Первой задачей была достройка теологической онтологии, то есть современной ему онтологии Бога до включения в нее современных ему достижений естествоиспытательства, инженерии и астрономических наблюдений. Это связано с достаточно сложным контекстом того времени, включавшим в себя заключение Аугсбургского, а впоследствии и Вестфальского, мира, который привел к автономии государя и государств от Церкви. Принцип Аугсбургского мира – «чья земля, того и вера», – в котором Церковь признала свою неспособность решить вопрос мира и передала эту функцию государям, впервые ограничив себя. Далее значимую роль играет Вестфальский мир, утвердивший веротерпимость и, соответственно, возникшую автономию государя от Церкви.

И инженерия – вернее, тогда еще практика создания технических устройств, – та зона, которая начинает обеспечивать и обслуживать эту автономию, так как теперь решения о том, что и где строить, решения по военной технике, фортификационным сооружениям, вырабатывающиеся фактически теми, кого можно назвать «инженерами-естествоиспытателями», хотя это также и университеты, становятся фактором политики.

Когда начинаешь знакомиться с источниками, описывающими это время, то объем этих «изобретений, или технических устройств, создаваемых в городах и государствах того времени, удивляет. Удивляет в том смысле, что мы имеем дело – не решусь сказать с «массовым», поскольку каждый раз это уникальные изделия, – но с очень большим потоком и очень большим заказом в разных городах и государствах на создание самых разных устройств от сферы строительства, сферы военного дела, от городских инженерных сетей канализации и водопровода и т.д. То есть имело место достаточно большое разнообразие.

Второе, в чем была необходима достройка теологической онтологии, – это опытные данные современной Галилею астрономии, а также естествоиспытательства. Но на переднем крае здесь находилась именно астрономия, опытные данные которой задали большие вопросы к сформированной и на то время включенной в теологическую картину мира физике и учению о небе Аристотеля, и далее к птолемеевской картине мира – сюжет хорошо известный. Эти вопросы не удалось удержать внутри университетских дискуссий, потому что сама постановка под сомнение целого ряда фрагментов аристотелевской картины мира и птолемеевской картины устройства Солнечной системы привела к кризису университетское образование, фундированное в богословии, и привела к тому, что Церковь была вынуждена начать вмешиваться в эти споры. Университеты как место, созданное для того, чтобы там можно было вести безопасные споры, в этот момент не справились со своей функцией, и этот вопрос приобрел политическое звучание.

Соответственно, вторая задача, которую решал Галилей, – это онтологическая легитимация инженерного опыта как основания истины⁹⁰ наряду со свя-

⁹⁰ Можно предположить, что в такой постановке кроются истоки идеи повторяемости, воспроизводимости –

щенными текстами. Так, им утверждалось, что истина дана не только в откровении и в том, что зафиксировано в священных книгах, но истина может быть и должна быть дана еще и из опыта, и опыт – точно такое же другое основание истины наряду со священными текстами.

И третье – это модернизация учения Аристотеля. Во всяком случае, «Диалоги»⁹¹ убедили меня в том, что Галилей не пытается отвергнуть и опровергнуть Аристотеля. Галилей пытается именно модернизировать Аристотеля, потому что основное, что он делает, – это фактически новое прочтение Аристотеля, выработка нового языка на основе языка геометрии, позволяющего заново читать Аристотеля. Это определенная прочистка, в которой некоторые положения отвергаются, но показывается, что большинство положений являются просто частным случаем некоторой более общей картины мира и тех процессов, прежде всего механического движения, которые должны описываться.

Какую же конструкцию для этого задает Галилей?

Первое: в «Диалогах» он задает эксперимент как специально организованное техническое действие – измерение. Именно измерение, в специально созданных искусственных условиях обеспечивающее получение опыта, имеющего отношение к истине, то есть к божественному замыслу.

Второе: из инженерии Галилей заимствует ключевую конструкцию, обеспечивающую создание соответствующих условий, а именно – идеализацию, о которой я сказал выше. Он настаивает на том, что научное мышление или, если угодно, философское мышление должно строиться не только в понятиях, как это было принято у Аристотеля, но в соответствующих идеальных заместителях реальных тел, имеющих как свою математическую логику разворачивания, так и логику разворачивания, связанную с природными процессами, которые в них описываются.

И третье – это природа, или, более точно, исследуемый процесс, помещенный в искусственные условия, в которых реальные тела подобны идеализациям, и тем самым раскрывается собственно божественный замысел.

Какие онтологические принципы это фундировали?

Первый – это понятие природы как «второй книги». И Галилей в «Диалогах» неоднократно так и пишет, что природа – это «вторая книга»: первая – это Библия, а природа – вторая книга, которую Господь нам оставил и которая написана на языке геометрии. И поэтому, читая ее и в этом смысле – строя, используя геометрические идеализации, мы можем проникать в божественный замысел.

Второй – это возможность для человека локально воспроизвести божественный замысел. У Галилея по этому поводу есть специальные рассуждения по сравнению разума человека и разума Божественного, когда он утверждает, что разум человека столь же глубок, сколь божественный замысел, но не столь широк. В этом смысле он в глубину может проникнуть точно так же, но только ло-

одного из важнейших критериев научности. – *Ред.*

⁹¹ *Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира – Птоломеевой и Коперниковой. М.–Л.: ОГИЗ, 1948. – *Ред.*

кально, и не может схватить всё, весь мир – сразу и в целом.

Третий – это фрагментированность сотворенного мира; при этом есть возможность исследования отдельных фрагментов природы. Поэтому не нужно пытаться сначала сразу положить некоторую метафизику и весь мир, поскольку можно исследовать отдельно, например, механическое движение, точно понимая, что есть много чего еще. Я точно не процитирую, не успел выписать, но у Галилея есть фраза, приписываемая ему, о том, что он предпочтет получить небольшую, но локальную истину, нежели бесконечно долго и безуспешно пытаться постичь всеобъемлющую истину.

Следствием последних двух онтологических гипотез относительно воспроизводства божественного замысла и фрагментированности мира стали два требования к проведению эксперимента.

Первое – это требование пустоты: эксперимент проводится в пустоте, для чего мы очищаем от всего привнесенного исследуемый процесс. И эксперимент у Галилея является, прежде всего, мыслительным экспериментом – мы его и мыслим, и реализуем в пустоте, либо создавая соответствующие условия, либо предполагая, что все излишнее должно быть убрано, вычищено: если это механическое движение – воспроизводится только движение, а если это падение тел – то только падение тел, и никакого воздуха, ничего другого.

И второе – это требование изоляции: все, что мы изучаем, должно быть изолировано от всех внешних воздействий.

И последний онтологический принцип – это приписывание Богу инженерной позиции, уподобление природы механизму⁹². Потому мы и можем Его постигать, поскольку понятие природы как второй книги обосновывает то, что мы можем помещать природу в такие условия, в которых она явит свою скрытую сущность. И последние обеспечивают то, что эта скрытая сущность изъяснима в языке механизма и изъяснима в языке математики и геометрических идеализаций.

Что при этом происходит во взаимодействии науки и инженерии? Что вообще произошло в результате того, что эти «Диалоги» были написаны и был обоснован этот механизм или способ работы эксперимента, получения опыта, описания этого опыта и т.д.?

Во-первых, разделились собственно исследовательские задачи и задачи создания устройств и сооружений, потому что теперь собственно исследовательские задачи были направлены на то, чтобы создать такие условия, в которых исследуемый природный процесс явит свою сущность – явит божественный замысел. А инженерная задача звучала по-другому: некоторую конструкцию нужно поместить в такие условия, чтобы она работала по некоторой заданной природной модели. Например, Гюйгенс так и действует: когда он разрабатывает маятниковые часы, то просто берет модель изохронного маятника и

⁹² В школьных учебниках 60-х гг. XX века приводилась старинная [гравюра Фламариона](#), на которой некий путешественник головой прорывал небесный свод и с удивлением обнаруживал там колесики, придававшие движение звездам и. – *Ред.*

под него выстраивает всю конструкцию – настраивает ту конструкцию, которая будет работать по этой модели.

Во-вторых, произошла онтологизация и объективация используемых в инженерном деле построений. Фактически был систематизирован весь тот естествоиспытательский опыт, который был накоплен в предшествующей инженерии, поскольку стало понятно, как и почему работают инженерные устройства, почему одно реализовалось, а другое не реализовалось. И теперь опыт инженерии, который до этого был выражен в «консерваториях», в «театрах машин», о которых упоминал Владимир Воловик, и т.д. получил еще и выражение, связанное с тем, что некоторый опыт таков, потому что таковы законы природы, потому что таковы механизмы природы, то есть таков божественный замысел, и поэтому это можно сделать, а этого сделать нельзя.

Это же породило принцип контролируемых материализаций – в «Диалогах» есть очень яркие фрагменты, где Галилей в споре между Сальвиати, Сагредо и Симпличио показывает, как это работает. Начинается все с простейшей идеализации: математический маятник как нерастяжимая нить и материальная точка – он подвешивается и колеблется. Затем постепенно, шаг за шагом производится усложнение и приближение к некоторым реальным условиям – к реальному маятнику, в котором нить растяжима, а тело всегда имеет размер, форму, неровности и т.д. Усложняя эти идеализации, шаг за шагом мы можем от абстрактных моделей переходить к некоторым процессам и идеальным моделям, которые изображают уже происходящие реальные процессы. Именно эта логика и позволила Гюйгенсу изобрести самое сложное механическое устройство своего времени – маятниковые часы.

И происходит перевод инженерного опыта в формат эксперимента: инженерия, в свою очередь, берет эксперимент, и то, что раньше было естествоиспытательством, начинает устанавливаться по правилам эксперимента. Это, опять же, видно из работ Гюйгенса, потому что, создавая маятниковые часы, он не может просто идти теоретически. Он все равно, внутри самой работы по изобретению маятниковых часов, должен проводить целый ряд измерений, опытных проверок, уже делаемых по правилам эксперимента, с тем, чтобы подобрать нужный материал с нужным качеством и убедиться, что это работает. В этом смысле инженерия начинает использовать эксперимент внутри своей работы.

Этот период условно можно назвать «Галилей-Ньютон», потому что уже Ньютон стоит на границе, а дальше начинается уже следующий период и эксперимента, и инженерных практик. Это период предметизации эмпирических исследований. Я бы еще назвал его «периодом золотого века науки и инженерии». Что там происходит?

Первое – это что если эксперимент Галилея начинается с механики, то есть с того, что опытным образом, феноменально непосредственно дано и зримо человеком, то далее начинается обнаружение совершенно новых фрагментов природы: теплоты, электричества, – то есть уже того, что в непосредственном оперировании не возьмешь.

В результате при экспериментальных исследованиях в новых фрагментах природы между исследователем и природным процессом встает некоторый посредник. Это, с одной стороны, некоторое техническое устройство, через которое только и можно с этим процессом иметь дело, например, электрические схемы. А с другой стороны, это соответствующие эмпирические модели, которые вынужден строить экспериментатор для того, чтобы ухватить этот процесс через то устройство, которое он создает. Это те же электрические схемы, только не на монтажном столе, а изображаемые в виде соответствующих идеализаций: сопротивление проводника, напряжение и т.п., – с которыми дальше работает Ом и устанавливает закон Ома, и т.д.

Проникновение вглубь природы требует создания этих специальных устройств. Как следствие, исследователь начинает заимствовать инженерную позицию и начинает создавать такие эмпирические модели, которые связаны с оперированием с некоторыми конструктивными элементами, нужными ему для исследования. Но они уже очень близки и фактически приспособлены к тому, чтобы быть втянутыми в инженерию, поскольку они уже конструктивны, так как замыкают на себя некоторое техническое оперирование – не только измерения, но и некоторые сборки: схему надо же собрать, газ нужно куда-то поместить, давление – померить и т.д. Само научное исследование начинает продуцировать модели, которые внутри себя имеют техническое оперирование.

С другой стороны, некоторое встречное движение идет и в самой инженерии. Дело в том, что эксперимент ассимилировал только часть того опыта, который был наработан в инженерии и представлен в «консерваториях» и «театрах машин». Целый слой опыта все равно остается заданным в образцах, хотя экспериментально сразу не изъясненным. И инженерия, в свою очередь, начинает методически изъяснять этот опыт, создавая собственные идеальные объекты и собственные инженерные предметы. Например, Гаспар Монж производит классификацию машин и механизмов по типам преобразования движения⁹³ – то есть тип движения, тип передачи, и из этого дальше развивается теория машин и механизмов, создается начертательная геометрия, создается сопромат. Так, выделяются специальные предметы и их идеальные объекты, позволяющие решать инженерные задачи, которые сама сфера эксперимента в исследовательской зоне обеспечить не может.

Происходит построение специфических инженерных идеальных объектов и моделей, соединяющих природные ресурсы и характеристики материалов с конструкторским оперированием.

В результате формируется некоторый единый комплекс техноприродных представлений, и этот комплекс *соразмерен* вызовам и проблемам общественного развития, почему я и называю его «золотым веком» науки и инженерии. В этот период такой инженерно-научный комплекс в состоянии ставить цели в зонах развития. Это очень часто связывается с процессами разделения труда, их обслуживанием, но это сильное упрощение картины. Современному обыденному сознанию трудно даже себе представить, какое значение для здоровья

⁹³ Артоболовский И.И. Теория механизмов и машин. М.: Наука, 1988. – Ф.А.

и роста городов имело изобретение банального унитаза и соответствующей системы канализации и к каким последствиям это привело и в строительстве, и в городской жизни. Аналогично – какое значение для решения социальной проблемы голода имело овладение холодом и создание на рубеже XIX–XX вв. холодильных машин, позволяющих замораживать продукты, тем самым увеличив транспортное плечо и просто накормив городское население в европейских странах и в Северной Америке. В этот период экспериментальные исследования и инженерные разработки развиваются как единый комплекс, хотя каждые – со своим кругом задач.

И в этот же период происходит важная вещь. Волна научно-технического прогресса искусила человечество, потому что его энтузиазм привел к появлению того, что называется «европейский гуманизм», то есть к предположению, что можно на место Бога поставить человечество. Если человек так овладевает силами природы (не буду подробно разворачивать, тут уже ссылались и на Бэкона, и на все предпосылки по этому поводу), то почему бы и не предположить, что человечество и есть Бог, это коллективное человечество? В этом смысле исходная укорененность в теологической онтологии утрачивается.

Почему еще «золотой век»? Потому что в этот период инженерная мысль это прекрасно понимает. Но дальше наступает следующий период, когда «золотой век» закончился и разбалансировалась соразмерность наук и инженерии с проблемами и вызовами, когда комплекс техноприродных представлений позволял ставить цели. «Золотой век» закончился, что связано с несколькими вещами.

Во-первых, это сложность современных технических построений, в которых фактически появляются конструкции, за которыми стоят идеальные объекты, нами вообще неизъясненные, и модели их штатной эксплуатации, создаваемые до этого в специальных прикладных исследованиях. Данные модели представляют собой просто частный срез, никак не ухватывающий естественную жизнь этого объекта, а дальше мы начинаем иметь дело со сложностями при ликвидации аварий.

Во-вторых, это утрата наукой онтологической функции в результате разрешения кризиса рубежа XIX–XX веков. Я не соглашусь здесь с тем, что говорил Сергей Переслегин, потому что то, что он утверждал об утрате и эмпирического статуса и такой математизации, это, на мой взгляд, следствие того, как наука разрешила кризис, порожденный гипотезой о фрагментированности природы. Поскольку при этом исследуются отдельные фрагменты, за ними вырабатываются разные представления, а дальше они, естественно, приходят в противоречие друг с другом. И разрешился этот кризис за счет методологизации науки, отказа от онтологической функции, предположения, что наука теперь просто производит знания.

Развитие проектирования и дефицитность наук и инженерии по отношению к учету организационных, социальных и культурных процессов (о чем упоминал Вадим Маркович Розин), [а также] ограниченность самих принципов эксперимента, когда мы выясняем, что заложенных в него онтологических и технических принципов, например, изоляции и пустоты, еще недостаточны для

построения онтологического опыта на масштабе социокультурных процессов. В истории науки достаточно хорошо описано, что происходит с экспериментом, когда он переходит в зоны психологии, социологии, – и очень мало описаний того, что происходит, когда усложняются инженерные разработки.

При этом со стороны самих инженеров было несколько попыток преодолеть этот разрыв. Первая предпринята на рубеже XIX–XX вв., прежде всего, в России философствующими инженерами, представителем которых был [Петр Климентьевич Энгельмейер](#). Но эта попытка фактически проиграла конкуренцию европейскому гуманизму и его марксистской ветви в России.

Успешный пример, но региональная онтология, – это постиндустриальная философия, которая связала развитие информационных технологий с общественным развитием и тем самым фундировала постановку целей инженерами Силиконовой долины в зоне развития информационных технологий и Интернета. Успешна и современная попытка системной инженерии за счет перехода к объектам жизненного цикла (инженерии требований, инженерии безопасности) сформировать комплексные проекты, которые включают в себя весь круг социальных и культурных процессов, сопровождающих и создание, и использование этих сооружений. Представляется также перспективным рассмотрение в данном контексте организационно-деятельностной игры (и в этом смысле я совершенно согласен с Переслегиным) в качестве [новейшего института мышления](#), идущего вслед эксперименту и расширяющего его возможности.

И в заключение.

Первое: по различным оценкам (в том числе по оценкам представителей физики, то есть тех, кто прошел уже этот кризис и стал рефлексивен), в ближайшее время мы начнем сталкиваться с аналогичными проблемами в области биотехнологий и когнитотехнологий, что уже звучит как вопросы границ при клонировании человека, медицинских исследований и т.д.

Второе: требования к объемлющим онтологиям социального мира и гуманитарным технологиям сегодня в значительной мере задаются скорее от проблем эксплуатации сложных природных объектов, нежели от идеалов общественного устройства.

Третье: требование к расчетному обоснованию создания социо-, техно-природных и т.д. объектов по полному жизненному циклу вновь актуализирует вопрос об исторических основаниях опыта человечества и снова ставит вопрос об опыте, что некоторым образом сближает нас с галилеевской эпохой.

И четвертое: институты постановки и удержания проблем, в том числе мировых, в их онтологической устремленности определяют управление развитием научно-инженерного дела.

Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Три вопроса. Прошу Вас к микрофону.

Чудновский. Меня смутила одна Ваша мысль, одно место в Вашем докладе. Я хочу, чтобы Вы его прояснили: возможно, я не понял. Говоря об онтологическом периоде и конкретно о Галилее, Вы сослались на некоторые его тексты, которые изучили и проработали, полагаю. И Вы дали такую интерпре-

тацию, что он, защищая свою позицию как экспериментатора, научно ориентированного человека, говорил о том, что таким образом можно локально познать замысел Божий и тем самым, наоборот, показать, что Бог был прав, и люди, как я Вас сейчас понимаю, способны это делать.

Вам не кажется, что такое заключение у Вас почти неправильное? И в этом состоит мой вопрос в следующем смысле. Ведь контексты, в которых жил Галилей, могли ему стоить жизни. Любая его любознательность – и данная Богом, а не от природы, не от матери, не от генов отца и матери, – могла ему стоить жизни. Его предшественники, которые нарушали птолемеевскую систему, закончили жизнь на костре. Не мог ли он хитрить в тех записях, которые Вы считаете как бы обоснованием этого инструментализма, прединженерии, через эту божественную картинку? Он наверняка таким образом хитрил, спасая свою жизнь. Спасибо.

Александров. Вопрос понятен. Я дам на него два ответа, один принципиальный, другой – по ситуации. Принципиальный состоит в следующем: я считаю, что, занимаясь онтологическими изысканиями и поисками, игра на понижение запрещена. Если написано так – значит, так оно и было.

Второе. Знакомство – причем минимальное знакомство – с сюжетами, о которых Вы упомянули, показало, что история была совсем другая. На Галилея донос написала университетская профессура, и написала в инквизицию, после чего кардиналы в течение десяти лет спасали его жизнь⁹⁴. Джордано Бруно был сожжен не за коперниковскую систему мира, а за работу, которая коротко называется «Вечеря», в которой он позволил себе поставить под сомнение Аугсбургский мир, чем поставил католический и протестантский мир на грань войны.

Щедровицкий. А то, что написала соседская профессура, так это я могу подтвердить.

Чудновский. И его спасала инквизиция?

Александров. Нет, не инквизиция: его спасала Церковь. Это разные вещи, в том-то и дело.

Щедровицкий. Еще вопросы, коллеги. Да, прошу Вас, Аркадий.

Липкин. Я абсолютно не согласен ни с Переслегиным, ни с Вами по поводу оценки того, что произошло с физикой на границе XIX века. Если там все не так, это что-нибудь существенно меняет в Вашей картине? Это первый вопрос.

⁹⁴ Можно было бы еще добавить следующее. Диалогическую форму в своем письме Галилею настойчиво порекомендовал не кто иной, как Кампанелла – признанный эксперт и в философии, и в астрономии, и в теологии, и в политике. О подготовке книги «О приливах и отливах» (исходное название) он узнал, еще сидя в тюрьме в Неаполе, примерно в 1625 г. Сама же книга Галилея в первоначальном виде поддерживала и развивала коперниканский – еретически новый и односторонний – взгляд на мир. Диалог – это блестящее решение Кампанеллой теологической проблемы для политизированного восприятия, поскольку, с точки зрения пресловутого декрета от 5 марта 1616 г., трактование учения Коперника как гипотезы не подлежит безусловному запрещению (см.: Галилей Г. Диалог..., Предисловие, с. 12). А кроме того, только диалог позволяет доносить смысл нововведения.

Будучи не только жертвой (к 1630 году он 35 лет отсидел в тюрьме!), но и значимым участником Средиземноморских политических игр, Томмазо, не так давно выпущенный на свободу, добился встречи с папой Урбаном VIII и, используя политические доводы, убедил того рассмотреть возможность публикации этой книги Галилея. – *Ред.*

И второй, совсем маленький. Когда Вы говорите про Галилея, это «Диалоги» или «Беседы»?

Александров. По форме и то, и другое – диалоги. Я могу работать и с тем, и с другим.

Липкин. А главный вопрос: меняет что-нибудь или нет.

Александров. В чем?

Липкин. В основной концепции. Насколько я понимаю, в центре некая инженерия, и то, что происходит сейчас, и прочее.

Александров. Ответ – меняет.

Липкин. Меняет – тогда надо обсуждать.

Александров. Ну, да.

Щедровицкий. Спасибо. Еще вопрос? Да, Вера.

Данилова. Может быть, я там какое-то логическое звено потеряла, тогда извини. Как я поняла, особенность эксперимента как института мышления заключается в том, что эксперимент как бы фрагментирует мир, то есть порождает много разных, изолированных друг от друга идеализаций и легитимизирует именно такую изоляцию. Говоря о том, с какими проблемами столкнулась так организованная наука уже к концу XIX века, ты сказал о необходимости некоего интеллектуального механизма, может быть, некоего мышления, которое будет осуществлять сборку.

В общем, Переслегин об этом тоже говорил, эта интуиция кажется мне правдоподобной. Можно ли из этого сделать вывод, что наряду с экспериментом и оргдеятельностной игрой, наверное, как экспериментом и любой другой формой эксперимента, необходим некий институт, поддерживающий мышление, способное собирать? Если да, то что ты здесь можешь предположить?

Александров. А я и предполагаю. Ответ – да. Второе, в чем может быть отличие (хотя это мне могло послышаться): я считаю, что при этом никаких скачков здесь быть не может, потому что неспроста Галилей выиграл в каком-то смысле конкуренцию у достаточно большого количества векторов решения этого круга проблем во весь этот период. Там же они плотно идут: Галилей, Бэкон, Декарт, Гоббс – они же соседи. Потому что возможна только сдвигка. И мне представляется – во всяком случае, мое рассуждение на это направлено, – что оргдеятельностная игра (по крайней мере, в части этих проблематизаций, связанных с инженерным, научным и т.д. мышлением) может рассматриваться как следующая сдвигка по отношению к эксперименту, которая много чего от него берет. И это не является чем-то новым.

Вообще-то, есть определенная традиция этих обсуждений и дискуссий, в ММК в том числе. Во всяком случае, некоторые тексты по этому поводу есть, я их проработал. И оргдеятельностная игра просто является некоторым следующим этапом.

Можно ли ставить вопросы о других версиях? Этого я не знаю, мое движение здесь.

Щедровицкий. Спасибо. Вопрос?

Афанасьев. Да, короткий вопрос. Первое: доклад мне очень понравился, и, видимо, надо будет детально его разбирать, сейчас времени нет, но есть во-

прос по примеру, который приводился по Галилею. В «Диалогах» Галилея одна из существенных фигур – это Симпличио. А есть ему потом место в эксперименте, о котором Вы рассказываете, – или его, так сказать, редуцируют, и как бы главный, кто ставит вопросы, на которые отвечают все остальные, исчезает? То есть все вопросы поставлены или нет?

Александров. Я не очень удерживаю вопрос, но давайте я так скажу. Дело в том, что я почти не касался вопроса о том, как трансформируется сам эксперимент, – а он же тоже трансформируется, и в каждом периоде. Я очень быстро про это кое-что проговаривал, но пунктиром и с большими пробелами.

Галилеевский эксперимент – это онтологический эксперимент, то есть это прежде всего мыслительный эксперимент, в котором он показывает, что определенный опыт с онтологической необходимостью должен быть, и ему не надо ничего ниоткуда бросать. В таком эксперименте Симпличио как носитель той онтологии, по отношению к которой задается сдвигка и на которую уже только и опираешься, потому что ничего другого нет, – абсолютно необходимая позиция и фигура. В тот момент, когда мы опускаемся ниже по конструкции эксперимента и начинаем уже не по онтологии дискутировать, а про некоторые частные модели, – тогда эта фигура сильно редуцируется просто до носителей каких-то парадигм. У Куна это, например, носители предыдущей парадигмы, а в модельной части это вообще такая упрощенная конструкция, заменяемая гипотезой.

Щедровицкий. Спасибо. Да, прошу Вас, потом Вадим Маркович, потом Анатолий. Пожалуйста.

Костин. Спасибо большое, интересный доклад. Вы отметили, что эксперимент – это организованное техническое действие-измерение. И я хочу связать Ваш доклад с темой сегодняшних Чтений, к вопросу о создании новых институтов.

Галилей в свое время говорил: «Следует измерять то, что измеримо, и делать измеримым то, что таковым не является». Все мы знаем, что управлять можно только тем, что измеримо. Результаты развития могут быть представлены в количественной и качественной формах. Говоря об управлении институтами мышления, целесообразно акцентировать внимание на качестве институтов развития и методологии количественного оценивания качества.

Вопрос: каковы, с Вашей точки зрения, должны быть роль и место методологии количественного измерения качества в процессе исследования институтов развития вообще и институтов мышления в частности? Спасибо.

Александров. Я вообще-то даже хотел эту фразу Галилея сделать эпиграфом. Думаю, что Вы указываете на очень проблемную и болевую точку, и, честно говоря, по-хорошему здесь ответ и надо было бы закончить. Я думаю, что Вы правы, и ведь сам переход к идеализациям был необходим для того, чтобы Галилей мог ввести измерения. И наоборот: сами идеализации стали поэтому возможны. Я думаю, что придется разбираться и с измерениями, и с какими-то более широкими понятиями и конструкциями, типа оценки этого перехода к количественным характеристикам.

Щедровицкий. Пожалуйста, Вадим Маркович, потом Анатолий.

Розин. Считается, что Галилей – отец современной физики, и в этом смысле его трактуют как предметника. А из того, что Вы говорили, не вытекает ли другая модель, что он скорее был методолог-философ, который всего лишь работал на этом материале – на материале механики? Потому что, например, соединить то, что никогда не соединялось до этого: математический дискурс, техническое действие, да плюс еще реализовать социальные установки здесь и разворачивать по поводу этого всякие рассуждения, по преимуществу коммуникационные, – все это выглядит не как предметная работа, а скорее как работа методологическая, философская. И в этом смысле – нельзя ли его перекалфицировать в методолога-философа, который всего лишь работал на предметном материале?

Александров. Я думаю, да, я с Вами совершенно согласен, и именно поэтому Галилей и может быть нашим историческим коммуникантом, когда мы, например, обдумываем оргдеятельностную игру, – одним из исторических коммуникантов.

Щедровицкий. Да, пожалуйста.

Левенчук. У меня сначала короткая реплика: доклад очень короткий, обсуждает много чего. У меня вопросов – сразу штук десять, но я ограничусь одним, который возбудил доклад.

Конечно, идея о том, что наука и инженерия так связаны, на курсах по системной инженерии обсуждается в первый час. И там говорится, что это – вечный цикл, и ни в коем случае нельзя рассматривать одно без другого. И в науке это есть: обязательно построение установки, измерения, конечно, мыслительный эксперимент. Но, в конце концов, спрашиваем мы и природу, то есть и установочку неплохо бы построить, и там инженеры, и не самые простые.

С другой стороны, в этот момент вся история обрывается, мы прекращаем говорить на курсах системной инженерии про ту самую часть науки, и дальше – всё про инженерию. А дальше я про ту самую сборочку и собирание. Оно может приниматься в разных смыслах, но мне кажется очень важным: кто удерживает целое? Потому что системные инженеры отвечают очень просто: конечно, системный инженер удерживает целостное по сравнению с инженерами по специальности. Известно же, что вся эта инженерия давно раздробилась по многим факультетам, на которые природа-то не разбита. А мы же помним, что по ту сторону инженерии, согласно докладу и всему прочему, это одно и то же: природа, не разбитая на факультеты.

Александров. Да нет, разбитая!

Левенчук. Они разбились, и появилась новая позиция для удерживания целого. А через некоторое время выяснилось (когда мы уже проходим вторую, третью лекцию), что нет такого системного инженера. Есть отдельный инженер по требованиям со своим образованием; есть инженер-интегратор, который работает уже с железом, и у него совсем другое образование; есть инженер-архитектор; есть инженер по безопасности – тоже вроде системный инженер, но у них вообще своя профессиональная тусовка. И опять у нас получается интересно: мы заявили позицию системного инженера – и тут же признали, что

она опять раздробилась, у нас опять нет целого, и вроде как вся эта толпа теперь каким-то чудом должна удерживать целое, что и пытаются объяснить (как это происходит) на этих курсах.

А теперь мой вопрос. Вероятно, в науке такое же многостадийное раздробление: разобрались на факультеты – собрались, кто-то там удерживал целое. Потом выяснилось, что сам удерживатель целого немедленно разбивается тоже на позиции, как только начинает все собирать. Можно прокомментировать это место?

Александров. Это место – это же ключевая проблема и есть, потому что сегодня целое не удерживается и утрачено. А на науку здесь вообще не надо рассчитывать, потому что она отказалась от того, чтобы строить дальше онтологию природы, объявила, что теперь у нее есть разные функции научных предметов, например, квантовая механика – методологическая основа всего. Методологическая!

Наука сняла фрагментированность за счет того, что просто упаковала это в некоторую иерархию. Онтологию она не строит, знание – производит, и ждет от инженеров заказа.

Левенчук. И прямой ответ такой: «тут дырка»?

Александров. Да. Но это невозможно обсуждать, не обсуждая еще и то, что я совсем не обсуждал: то, что происходит в зоне управления. Потому что еще есть управление и проектирование. А для того, чтобы про это говорить, нужно пройти много чего еще.

Щедровицкий. Спасибо. Да, Никитаев.

Никитаев. Мне очень симпатичен Ваш доклад, он перекликается во многом с моими собственными разработками. Но, мне кажется, что Вы поспешили принять ту интерпретацию, которую сделала Вера Данилова, по поводу фрагментарности, и этот вопрос фрагментарности и сборки оказался в подвешенном состоянии. Я позволю себе предложить Вам другую интерпретацию и хочу услышать, согласитесь ли Вы с ней или нет.

Коротко она заключается в следующем. Если мы смотрим Средние века, то там, наряду с идеями двух книг и природы как механизма, была еще одна интересная идея, которая заключалась в том, что Бога нельзя познавать непосредственно, а возможно только косвенное познание, и это познание как бы через зеркало. То есть природа – это как бы некоторое зеркало, в котором отражается Бог, и поэтому мы можем Его понять. Если есть, скажем, такая интерпретация эксперимента, – и вроде бы Вы это показывали, – что вы создаете такое локальное зеркало, в котором, в некотором смысле, получает возможность отражаться весь мир, – тогда это противоречие фрагментированности и сборки как бы снижается: хотя это – фрагмент зеркала, но оно отражает все целое.

И когда Вы переходите к игре, – почему я, собственно, и отреагировал, – игра ведь тоже, как сказал Георгий Петрович, строилась как такое зеркало, которое локально, в ограниченном пространственно-временном масштабе собирало коллектив, но позволяло при этом представить весь мир.

Александров. Я сейчас буду похож на еврея из анекдота: «и ты прав, Абрам». Отвечая Вере Даниловой, я говорил, что исторически развернулось так,

как я рассказывал. А что было бы, если бы некоторая рамка, например, теологической онтологии, не была бы утрачена, о чем Вы говорите, или если бы на ее место пришла адекватная рамка предельной онтологии, которая предъявляла бы требования постоянного удержания целостности и не допускала бы этой фрагментации, – это вопрос другой. И что было бы с экспериментом, то есть справился бы он с этим или не справился, – это тоже вопрос другой. Но логика разворачивания событий была такой, как я и рассказывал.

Щедровицкий. Спасибо. Давайте поблагодарим докладчика!
И вы помните, что у нас еще будет общее обсуждение.
Дмитрий Бахтурин, пожалуйста.

Д.А. Бахтурин

Институционализация ТРИЗ с кейсами и примерами из компании «Самсунг»⁹⁵. Доклад и вопросы по докладу

Бахтурин. Добрый день. Доклад, который я представляю вашему вниманию, называется «Институционализация ТРИЗ⁹⁶ (теории решения изобретательских задач) с кейсами и примерами из компании “Самсунг”». У нас на связи в вебинаре присутствует мой содокладчик Наум Борисович Фейгенсон, который при необходимости также готов ответить на вопросы, если они возникнут. Но физическое тело Наума Борисовича сейчас находится в Южной Корее, в той компании «Самсунг», о которой, в частности, пойдет наш разговор.

Мы заведомо, с некоторым провокативным заходом, предпослали нашему докладу следующий эпиграф Алексея Федоровича Лосева из его «Диалектики мифа», 1930 год: «Я доказываю, что, с точки зрения язычества, христианство есть пошлый, рабский атеизм и невежество, а, с точки зрения христианства, язычество есть царство сатаны. Но я не знаю, как это можно обсуждать иначе».

Чтобы немножко сгладить этический, эмоциональный, что ли, фон, связанный со словом «пошлость», мы добавили сюда [фасмеровские этимологические изыскания](#) о поводе происхождения этого слова. Само по себе – это просто обыденность, обычность, прежность, исконность. Для нас важно было задать это как такую предельную рамку обсуждения институционализации в традиции кружка, поскольку мы опирались и на те [материалы](#), которые размещены на сайте Фонда. Это обсуждение 1974 года и обсуждение 1994 года. Но, повторяю, это определенная рамка, а мы двинемся дальше.

Базой для изложения материала, который я буду представлять вашему вниманию, будет подход в виде этапов становления методологического мыш-

⁹⁵ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁹⁶ См. официальный [сайт Г.С. Альтшуллера](#), содержащий «канонические материалы». – Д.Б.

ления, как его разворачивал Виталий Яковлевич Дубровский в целом наборе своих работ, текстов, в том числе [опубликованных](#).

Первое, базовое для нас, философское полагание: мышление есть мышление о мире. И Виталий Яковлевич много раз цитировал или соотносился с тезисом, против которого много раз возражал Георгий Петрович. В противоположность полаганию того, что философия есть мышление о мышлении, Георгий Петрович выставлял гипотезу о том, что мышление есть мышление о мире. Для демонстрации этого противопоставления вводится необходимый третий элемент, что в графике Дубровского выглядит такой хитрой «улиткой» (см. рис. 1а (Бахтурин)).

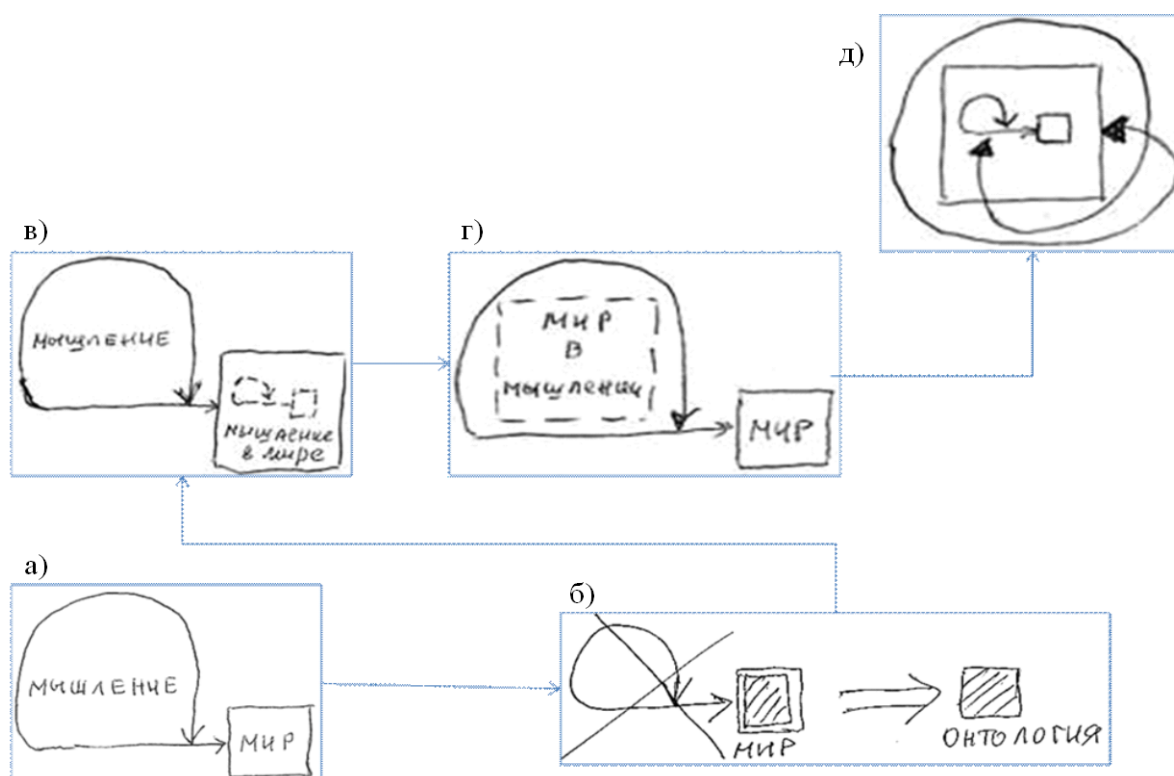

Рис. 1 (Бахтурин). Стадии становления методологического мышления (В.Я. Дубровский. Очерки по общей теории деятельности.)

Следующим этапом становления методологического мышления было полагание в мир онтологии деятельности (см. рис. 1б (Бахтурин)), после чего, и я повторю здесь цитату из Георгия Петровича – необходимо было положить в этот мир мышление. Георгий Петрович пишет (я цитирую): «Надо было это мышление положить как объект в мир. Для меня это означает, что нужно было положить объект (мышление) в деятельность»⁹⁷ (см. рис. 1в (Бахтурин)).

И, наконец, на следующем этапе мир как мир деятельности кладется целиком в мышление (см. рис. 1г (Бахтурин)), и происходит следующая фаза реф-

⁹⁷ Цит. по кн.: Дубровский В.Я. Очерки по общей теории деятельности. М.: ННФ ИР им. Г.П. Щедровицкого. 2011. – Д.Б.

лексивного замыкания (см. рис. 1д (Бахтурин)), что трактуется как «улитка» Дубровского.

Итак, эти общие этапы становления, общую схему становления методологического мышления я и буду использовать как, я бы так сказал, логически абстрактное для представления развертывания Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) как инженерной методологии и ее институционализации.

Мы очень хотели начать, что называется, даже не от Царя Гороха, а от обезьян, и вкратце упомянем опыты [Кёллера](#), которые показали, что и обезьяны умеют изобретать новые способы деятельности. Проблема в том, что обезьянье сообщество не в состоянии их культурно закрепить и транслировать.

Как следующий типологический пример, характеризующий сдвигку человеческого мышления (конечно же, это никакая не хронология), для нас интересен опыт первых американских переселенцев, заселявших американский континент. Что прежде всего привозили с собой эти люди на американскую землю? Способы, навыки, возможность воспроизводства того, что они производили на европейском континенте. В этом смысле можно сказать, что такая трансляция прямо совпадает с маршрутами кораблей, перевозивших переселенцев на американский континент⁹⁸. Это очень чистый пример, потому что это – относительно свежая история, и на нем хорошо можно исследовать, как и в какой последовательности, этап за этапом, происходило становление той самой инновационной цивилизации, о которой мы с определенной завистью сейчас говорим и читаем.

Еще один пример, который я не могу пропустить. Джордж Истмен (1854–1932) – человек, который уничтожил, можно сказать, целую сферу деятельности, целый институт. Чем в его годы жизни, примерно в конце XIX века, был семейный поход к фотографу? Это почти то же самое, что сейчас сходить к портретисту. Фотография в силу технологической сложности самого устройства и процесса обработки была делом избранной элиты, делом такой избранной касты, весьма и весьма преуспевающей в своей жизни. А Джордж Истмен – это тот человек, который изобрел фотопленку, и в течение десяти лет все это благополучное сообщество превратилось в не более чем набор музейных экспонатов.

Для того обсуждения, которое я веду, пример с «Кодаком» важен следующим образом. На вершине успеха своей компании Истмен сказал: «Друзья, мы сейчас зарабатываем большие деньги, нам хорошо. Но представьте себе: где-то в подвале сейчас некто конструябит какое-то изобретение, которое точно так же отправит нас в небытие, как мы в свое время отправили этих традиционных фотографов». Джордж Истмен вошел в историю инновационного движения прежде всего как человек, создавший первый корпоративный центр Research and Development. В этом смысле мышление, изменяющее деятельность, было впервые имплантировано в деятельность.

Я заканчиваю сюжеты, связанные с деятельностью в деятельности и с мышлением над деятельностью. Ключевой сюжет, вокруг которого мне нужно

⁹⁸ См. слайд 5 файла [презентации](#). – *Ред.*

развернуть гипотезу современной институционализации, это переход от мышления о деятельности к мышлению о мышлении о деятельности.

На рис. 2 (Бахтурин) представлена схематическая иллюстрация. Сам по себе он достаточно показателен, но для того чтобы сфокусироваться на главных характеристиках этапа, там приведена всем известная цитата. Это фрагмент из «Философских тетрадей» Ленина, написанный в 1915 г., то есть уже в процессе предуготовления Октябрьской революции, но в то время когда Владимир Ильич еще имел возможность заниматься интеллектуальным трудом такого высокого полета.

Рис. 2 (Бахтурин). Мышление о мышлении над деятельностью.

Тут, наверное, надо вернуться и сказать, что в период с 1946 по 1950 гг. большое количество людей начали искать мышление в текстах, мышление о мышлении стали разворачивать как поиск той самой логики «Капитала», которую Владимир Ильич Ленин завещал нам обнаружить. В частности, это лежало в основе программы Московского логического кружка. Вы знаете, что диссертация А.А. Зиновьева называлась «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)» (1954), диссертация Э.В. Ильенкова называлась «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса» (1953). И одна из важнейших работ того периода Георгия Петровича Щедровицкого – это «Опыт логического анализа рассуждений (“Аристарх Самосский”))»⁹⁹ (~ 1960-79), где описывается анализ хода решения задачи.

В этот же период не только философы взялись искать мышление в мышлении, мышление в текстах. В 1956 году, обратите внимание, в журнале

⁹⁹ Щедровицкий Г.П. Опыт логического анализа рассуждений («Аристарх Самосский») // Г.П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. С. 57-202. – Д.Б.

«Вопросы психологии» выходит статья «О психологии изобретательского творчества»¹⁰⁰ двух тогда еще совершенно неизвестных ученых-изобретателей. В этой статье изложены базовые тезисы, которые продекларировал Г.С. Альтшуллер: первое – техника развивается закономерно, эти закономерности можно учитывать и использовать в реальной изобретательской практике; второе – техника развивается через устранение противоречий. И я добавлю здесь еще один важнейший тезис, который так явно в этой статье не был сформулирован Альтшуллером, – он был сформулирован позже, но фактически реализовывался им с самого начала его деятельности. Это был принципиальный тезис, прямо вытекающий из первых двух базовых принципов: «Изобретательство – это наука, ей можно обучиться. Изобретателем нужно стать, а не родиться».

Что же позволило Альтшуллеру сотоварищи сделать столь радикальный вывод, что же лежало в основании его гипотезы о закономерностях развития техники? Обратите внимание: с 1946-го по 1971 год прежде всего им самим было проанализировано более 40 тысяч патентов. Период от начала работ в 1946-м до выхода статьи в 1956-м – десять лет. Десять лет Альтшуллер молча работал и анализировал патенты, выявляя те самые закономерности в способах решения инженерных задач, которые были представлены в этих успешных образцах. Ведь что такое патент? Это зафиксированное в тексте успешное решение задачи, которое признано экспертизой как успешное. И база эмпирического материала, проработанного Альтшуллером в течение десяти лет, была такова, что позволила ему сделать этот вывод о закономерностях развития техники. Я вспоминаю слова Георгия Петровича о том, что у него «на одну схему уходит примерно десять лет». Почти аналогично работе Альтшуллера – объем проработки материала, который позволяет ему объективировать некоторые собственные предположения и гипотезы, достаточно показателен.

В чем сущность ТРИЗ как инженерной методологии, как я бы это выразил, пользуясь языком системомыследеятельностной методологии¹⁰¹? Специфика ТРИЗ как инженерной методологии, прежде всего, в научном подходе. Научный подход был применен как при ее разработке, так и имманентен самой методологии ТРИЗ.

На следующем рисунке (Рис. 3 (Бахтурин)) представлена схема научного метода по Г.П. Щедровицкому¹⁰². Очевидна корреляция с ранними работами МЛК и ММК, когда исследовалось воссоздание адекватного представления объекта в мысли. Восстанавливая логику «Капитала», решалась задача: найти способ, каким Карл Маркс правильно воспроизвел буржуазные отношения, что не удалось сделать его предшественникам – Смиту, Риккардо и т.д. Зиновьев двигался в логике воссоздания этой научной методологии представления объ-

¹⁰⁰ Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б. О психологии изобретательского творчества // «Вопросы психологии». 1956. № 6. – Д.Б.

¹⁰¹ Здесь важно отметить, что первый анализ школы ТРИЗ с методологической точки зрения был проделан еще в 1979 г., см.: Котельников С.И. Критический анализ эвристического и стратегического подходов к решению задачи. М.: 1979. Рукопись. – Ред.

¹⁰² См. Дубровский В.Я. «Очерки по общей теории деятельности»... Указ. соч.

екта в мысли. Георгий Петрович, утверждаю я, – и прежде всего это видно в работе «Аристарх Самосский», – разомкнул эту схему.

Посмотрите, здесь в сопоставлении можно видеть две схемы рядом. Верхняя – это схема (В.Я. Дубровского) научного метода по Г.П. Щедровицкому, нижняя схема взята из работы «Аристарх Самосский»¹⁰³, где исследуется не воссоздание объекта, а решение задачи. Безусловно, на нижней схеме есть этап, который на верхней схеме называется «соотнесение» – переход от логически конкретного к эмпирически конкретному. Это соотнесение присутствует на нижней, разомкнутой схеме акта решения задачи.

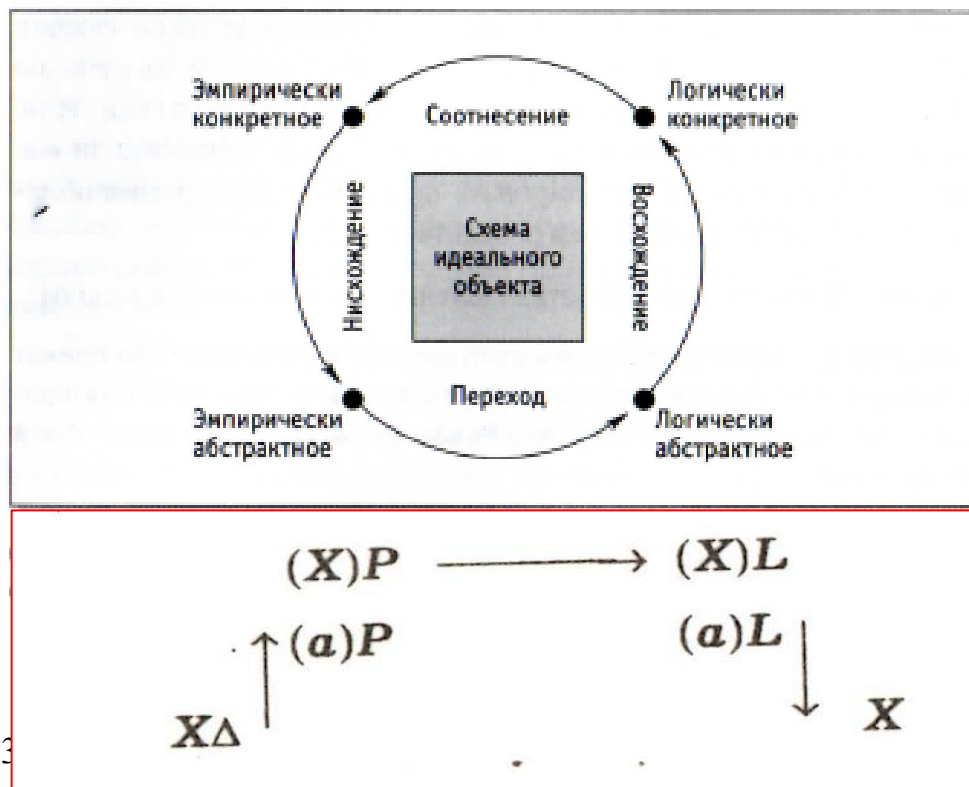

Рис. 3

В чем оно представлено? Этот X слева, с которого, грубо говоря, все начинается, – как бы тот же самый X , который есть справа, но и не тот же. Эта коллизия может быть проиллюстрирована в терминах Дубровского в методе онтологического конструирования, поскольку изобретатель полагает возможное, противопоставляя его существу над основанием должного. В методологии разрешение этой коллизии известно, например, под соотношением места и наполнения, то есть правый X по функции тот же самый, но уже и другой, потому что в нем содержится другое содержание. Он заполнен содержанием другого типа. Итак, X слева и X справа – это одна и та же функция, но с разным наполнением.

Рискну высказать как гипотезу: всем этим, взятым в целом как акт для изобретателя, здесь представлена схематизированная метафора того самого «просвета бытия» или «хождения к границе бытия», о чем говорил Хайдеггер

¹⁰³ Щедровицкий Г.П. Опыт логического анализа рассуждений... Указ. соч.

в работе, обратите внимание, с символическим названием «Вопрос о технике»¹⁰⁴.

Итак, вернемся к схеме научного метода, поскольку, как я утверждаю, именно он лежит в основе ТРИЗ. Ключевая специфика ТРИЗ – в том типе идеального объекта, который был выявлен и положен в ядро метода. В отличие от таких метафизических объектов, известных в методологии как «Система-1»¹⁰⁵, ТРИЗ положил даже не систему с процессом¹⁰⁶, а систему с процессом и с противоречием. Базовым идеальным объектом в ТРИЗ является такая специфическая сущность, которая, с одной стороны, развивается, то есть изменяется, но, с другой стороны, это развитие происходит неравномерно, порождая тем самым противоречия. Это, повторюсь, та базовая схема, вокруг которой происходит процесс научного, логического размышления изобретателя, пользующегося методом ТРИЗ при решении изобретательских задач. Имея такой идеальный объект, методология ТРИЗ могла позволить себе создавать специальный инструментарий, который можно применять к данному типу выделенного идеального объекта.

Обратите внимание – в ТРИЗ есть: 1) стандартные задачи и 2) набор методов решения этих стандартных задач. В результате анализа 40 тысяч патентов в них было отслежено и выделено использование приблизительно сорока типовых приемов, к которым можно было свести всё то многообразие творческих, креативных инсайтов, или озарений, которые посещали людей в течение чуть ли не сотен лет (период анализа был очень большой).

Переходим теперь к собственно институционализации. Я утверждаю, что специфика институционализации ТРИЗ как инженерной методологии отличается от кейсов институционализации, которые разбирались, например, на предыдущих Чтениях. Давайте вернемся, например, к той схеме, где вводились место и роль методологического мышления на схемах практики.

Итак, есть позиционер – тот, кто испытывает затруднения в деятельности и которому нужно решить задачу, а он решить ее не может (см. рис. 4а (Бахтурин))¹⁰⁷. Есть позиция методиста, который создает ему методические предписания, и есть позиции, обслуживающие методиста. Последние две трактовались как поставщики научных знаний и знаний о деятельности. Если посмотреть на набор знаний, обслуживающих методические предписания, то это естественно-научные знания, научно-технические знания и описание норм деятельности (см. рис. 4б (Бахтурин)), и здесь даже вводилась такая позиция, как историк.

В чем специфика ТРИЗ? Историк заменен на ученого. Изучив упомянутые 40 тысяч экземпляров фактической деятельности человечества по разреше-

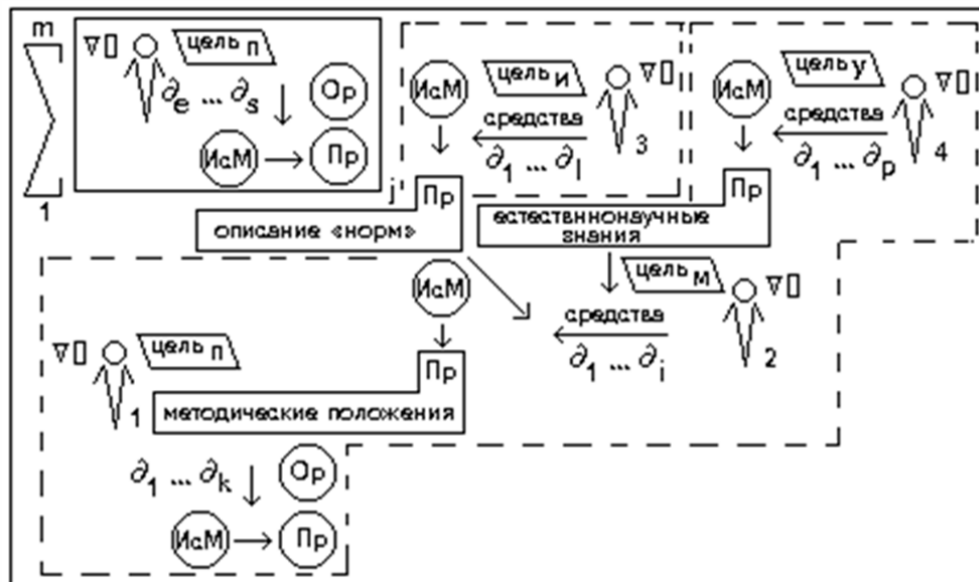
¹⁰⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. Сс. 221-238. – Д.Б.

¹⁰⁵ Имеется в виду различие двух типов систем, проанализированных в методологических разработках ММК, см., например, [Щедровицкий Г.П. Два понятия системы](#). Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники. Т. 1а. М.: 1974 [Перепечатано в сб.: [Щедровицкий Г.П. Избранные труды](#). М.: Шк. Культ. Полит., 1995]. – Д.Б.

¹⁰⁶ Что соответствовало бы понятию «Система-2», см. предыдущую сноску. – Д.Б.

¹⁰⁷ Обе части схемы приводятся по: [Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований \(Методологический анализ\)](#) // Сб. Педагогика и логика. М.: 1968 – (переиздание) М.: Касталь, 1993. – Д.Б.

нию технических противоречий, Альтшуллер вывел закономерности и свел их из исторического опыта в систему теории, соответствующую типу идеального объекта, о котором я уже говорил. Поэтому ТРИЗ и называется теорией. Именно поэтому – фактически – можно сказать, что ТРИЗ выходит на контакт с инженерной деятельностью, оснащенной не только естественнонаучными знаниями, не только знаниями научно-техническими типа сопромата, ТОЭ и прочего, но и научным знанием о способах решения инженерных задач.

а) (сх. 14)

б) (сх. 51)

Рис. 4 (Бахтурин). Институционализация.
Погружение освоенного уровня мышления в деятельность.

Что дает появление в этой позиции ученого вместо историка – мудрого, опытного человека, вместо необходимости пройти школу жизни, прежде чем тебя допустят к решению задач? Это сразу же меняет горизонт, в котором можно масштабировать и осваивать, применять, тиражировать те знания, которые получаются путем научения, из науки, а не из опыта, не путем передачи соответствующих практик либо личного участия в тех или иных вещах. ТРИЗ довольно быстро осознал эту специфику, следующую из метода, которым он создавался.

И обратите внимание, что были попытки перестроения тризовцами целых сфер деятельности на основе ТРИЗ-подхода, когда и сама деятельность тракто-

валась научно, утверждалось, что в ней есть научные знания¹⁰⁸, которые транслируются, воспроизводятся, проверяются, в этом смысле можно сказать, что у нее был очень большой эмпирический базис. И у ТРИЗ было три, как минимум, попытки реформировать сферы деятельности сверху¹⁰⁹.

Первая – это ТРИЗ-педагогика для средней школы: были разработаны программы, готовились педагоги, подавались бумаги в соответствующие министерства. На сегодняшний день, я знаю, осталась просто группа подвижников, которые продолжают эту деятельность, ведя отдельные уроки в отдельных школах, то есть даже до уровня оргтехнической системы этот проект не поднялся.

Вторая – ТРИЗ-преобразование учебных программ в высшей школе. Есть, например, курс ТРИЗ-физики для вузов, где весь курс физики переработан на основе тризовской методологии, где физика трактуется как физические задачи и эволюция физической теории, как способ разрешения противоречий, возникающих в тех или иных экспериментальных ситуациях, в тех или иных практических ситуациях.

И, наконец, третий заход, который, по счастью (правда, не у нас уже, но все же), разворачивается и, может быть, будет успешным: ТРИЗ наконец-то начинают применять за рубежом для реорганизации сферы НИР и НИОКР, утверждая, что те основания, которые лежат в ТРИЗ-методологии, могут сверху – сверху, я подчеркиваю, – радикально реорганизовать всю сферу данной деятельности в соответствующих институтах.

Поскольку опыты ТРИЗ в реорганизации сфер сверху не удались, то нельзя сказать, что было принято какое-то специальное решение, но успешным стало продвижение снизу, с уровня того, что В.Я. Дубровский называет организационно-техническими системами или учреждениями. И я проиллюстрирую это движение на том, что и как происходило в компании «Самсунг», тем более,

¹⁰⁸ Палитра «знаний», циркулирующих в ТРИЗ, по их структуре и способу использования скорее более широка и может быть представлена такими типами, как, например: конструктивно-технические («если к объекту А применить операции а, в, с..., то получим объект В»); практико-методические («чтобы получить результат В, надо к исходному материалу А применить операции а, в, с...»); научные («в заданных условиях объект А переходит в объект В в силу свойств и процессов, ему присущих»). См. типологию знаний по: [Казарновский А.С. Три разрыва \(Дополнение 2\)](#). – *Ред.*

¹⁰⁹ *Краткая справка* (для понимания массовости и институциональности ТРИЗ на пространстве б.СССР). В конце 1970-х ТРИЗ впервые и в единственном числе в СССР был введен в учебный спецкурс Харьковского политехнического института (ныне – НТУ «ХПИ») на кафедре «Инженерная электрофизика». Вел этот спецкурс основатель и бессменный руководитель Харьковской школы технического творчества молодежи при Харьковском Облсовете ВОИР СССР М.В. Заика. Также в конце 1970-х ТРИЗ начали широко и активно использовать в практике ФСА и в программах подготовки специалистов ФСА Минэлектротехпрома СССР (под плотным курированием из отдела машиностроения ЦК КПСС). С начала 80-х годов в этом министерстве уже действовал обязательный для всех его предприятий Стандарт проведения ФСА, где на его т.н. «Творческом этапе» поиск технических решений предписывалось осуществлять также и с помощью АРИЗа (среди прочих методов). В эти же годы ТРИЗ/АРИЗ активно используется в программах повышения квалификации сотрудников Минсредмаша СССР, для чего было выпущено небольшое учебно-методическое пособие: *Бородастов В.Г., Альтиуллер Г.С.* Теория и практика решения изобретательских задач, М.: ЦНИИатоминформ. 1980. В эти же годы ТРИЗ преподавался и во многих ИПК других министерств. Можно смело утверждать, что к концу 80-х годов уже тысячи инженеров СССР владели этим методом. А самым успешным (в те же годы во всем СССР) практикующим тризовцем среди специалистов ФСА Минэлектротехпрома есть основания считать ведущего специалиста Харьковской лаборатории ФСА В.А. Катунина. – *Ред.*

что тризовцы – народ, в общем, очень рефлексивный, дисциплинированный, и все это записывается хронологически.

Итак, компания «Самсунг» впервые познакомилась с ТРИЗ в 1996-1997 годах, обратите внимание, проиграв конкуренцию с «Сони» по проекту нового телевизора. Это ситуация, когда «Самсунг» попал в жесточайший кризис, проиграв на рынке ситуацию со всем известным плоскоэкранным телевизором «Тринитрон». По всему миру были разосланы гонцы в поисках новых идей и новых подходов. На всякий случай заехали в Россию и нашли там каких-то непонятных людей с «какой-то там ТРИЗ». Те, кто был участником процесса, утверждают, что и не поверили гонцы в то, что эти ребята могут что-то такое сделать, но на всякий случай их пригласили.

1998	<ul style="list-style-type: none"> ❑ First induction to TRIZ in Samsung Group ❑ Installing first TechOptimizer software (1 copy) ❑ Formation of first TRIZ research meeting for several Samsung companies (Samsung Electronics, Samsung SDI, Samsung SAIT, Samsung Electro-Mechanics)
2001	<ul style="list-style-type: none"> ❑ Establishment of TRIZ promoting department ❑ Inviting 2 Russian TRIZ experts (August) ❑ Installing TechOptimizer software (10 copies) ❑ First 2 successful projects in semiconductor and printing (TRIZ contribution more \$10 million and 12 patents) ❑ Establishment of monthly TRIZ research meeting ❑ Induction of TRIZ Innovation Master education and certification Program ❑ TRIZ training and certification of 8 SEC's engineers
2002	<ul style="list-style-type: none"> ❑ Development of TRIZ activities in all 6 units of SEC ❑ Excellent results through conducting strategic projects (23 R&D projects, cost reduction \$24 million, 24 patents for year) ❑ Inviting 2 more TRIZ Specialists (the total 4 persons) ❑ Training 22 new Innovation Masters ❑ TRIZ was introduced to each SixSigma Black Belt Courses (2 hours) ❑ Opening the first annual TRIZ Festival (October) at SEC
2003	<ul style="list-style-type: none"> ❑ Accomplishment of TRIZ educational program for Samsung employees ❑ Establishment of Samsung TRIZ Association ❑ Building TRIZ portal site and Intranet (network) ❑ Financial contribution by TRIZ is \$150 million (about 50 projects, 52 patents for year for all Samsung Groups: SEC, SDI, SAIT, SEMC) ❑ Training 20 new Innovation Masters
2004	<ul style="list-style-type: none"> ❑ Financial contribution by TRIZ is \$65 million (about 30 projects, 64 patents just for SEC, no data for other Samsung groups for this year) ❑ Training 24 new Innovation Masters

*Valery Krasnoslobodtsev (TIC), TRIZ Open Seminar, Part 1.
Held by IDEA Co., on August 28, 2006, in Tokyo, Japan*

Рис. 5 (Бахтурин). ТРИЗ в «Самсунге». Хронология первых шагов

Что здесь важно – уже на этих шагах внедрение ТРИЗ сразу пошло по нескольким уровням.

Первое – было сказано: «Ребята, если вы такие умные, то покажите себя в деле, присылайте свой спецназ, мы вам набросаем задачек, вы их решаете, и мы потом посмотрим на результаты». Первая практика была организована с личным присутствием ТРИЗ-мастеров, ТРИЗ-специалистов, с выездами, с семинарами, с участием в решении практических задач.

Второе – существенной поддержкой для этого стал имевшийся уже тогда софт – «Техоптимайзер Софтвэр», переведенная в компьютерный язык оболочка, позволяющая реально поддерживать поиск инженерных решений. Это не рекомендация типа «выпейте, уколитесь или поговорите с соседом, или поме-

дителируйте», это реально рабочий инструментарий в силу того, что он имеет «научную» структуру. В качестве средства поддержки он достаточно легко был переведен на компьютерный язык.

И уже буквально через один-два года в практику «Самсунг» было вплетено обучение специалистов – пошло обучение корейцев при всех трудностях, которые с этим связаны: трудностях перевода, трудностях понимания и прочего, и прочего.

И вы видите, что уже к 2001 году, – кроме того, что появлялись специальные проекты, – на постоянный образ жительства переехали, как минимум, два человека в 2001 году; сейчас эта колония составляет, наверное, человек десять. Впервые появились ТРИЗ-тренинги и сертификация для компаний, появились программы, в том числе Innovation Master Education Program, которые были снабжены соответствующими сертификатами.

2002 год – расширение ТРИЗ-активности, приглашение дополнительного количества людей, увеличение тренингов и уже подготовка мастеров ТРИЗ со стороны компании. То есть уже в самой компании появляются люди, имеющие уровень Мастера, и, что важно, начинается продвижение самого ТРИЗ в рамках такого, можно сказать, института, как «Самсунг». А «Самсунг» в самой Корее сопоставим, наверное, с нашим «Газпромом» по принципиальной структуре.

К 2003 году появились первые общепризнанные финансовые результаты, которые были достигнуты с помощью применения ТРИЗ-методологии – это выделено красным: *finance contribution*, 150 миллионов, около пятидесяти проектов.

Итак, повторяю: за счет научного метода, имплементированного в ТРИЗ, реализовалась принципиальная возможность провести институционализацию инженерного мышления (именно в смысле внедрения в практику) по трем векторам:

- массовая популяризация – объяснение и описание того, что такое ТРИЗ; это входит в программу приема на работу, то есть общий образовательный курс по компании описывает, среди прочего, и ТРИЗ;
- специальная подготовка внутри компании, нацеленная на международную сертификацию по ТРИЗ,
- выделение группы ТРИЗ-сталкеров, ТРИЗ-профи, которые внутри компании решают те задачи, которые не могут решить специалисты, пошедшие подготовку.

Что можно считать сегодня главными результатами и достигнутым уровнем? Прежде всего, с моей точки зрения, это то, что представители заказчика внутри компании могут ставить задачу в терминах противоречий. Они освоили эту рабочую онтологию ТРИЗ и в состоянии прийти в тризовскую группу не просто с тем, что в ТРИЗ называется «административным противоречием» типа «ой, не работает», но осмысленно сформулировать: «Есть такая-то функция, есть требование такое и есть требование такое, противоречие в этом».

Регулярное обучение поставлено как обязательное, более того, это неявно пока, но считается бонусом при карьерном продвижении: сертификация ТРИЗ-

специалистов в «Самсунге» включена в международную сертификацию, проводимую международной ассоциацией.

И очень важное, с моей точки зрения, достижение состоит в том, что удалось договориться с соседями по цеху инженерных методологий – это, прежде всего, «6 сигма», «Кайдзен», то, что обслуживает поточное производство. Не буду занимать вас деталями – все подробности существования ТРИЗ в «Самсунге» можно посмотреть в [презентации](#).

Заканчивая, хотел бы немного сказать о глобализации.

Генрих Саулович Альтшуллер предвидел то, что будет происходить: еще в работах 90-го года он написал: «ТРИЗ придет к нам в Россию из-за рубежа». Общее международное продвижение ТРИЗ можно охарактеризовать следующими вешками.

В 1992-м году оболочка под названием «Изобретающая машина» (софт, программа поддержки изобретательских решений) была переведена на английский язык и начала распространяться по миру. «Проктер энд Гэмбл» подключился к использованию ТРИЗ в 1995-м, а в 1997-1998 – «Самсунг». В 1997 году была создана Международная ассоциация ТРИЗ, прежде всего, это выходцы из бывшего СССР. В 1998 году создан Институт им. Г.С. Альтшуллера в США. В 2001 году создана Европейская ассоциация ТРИЗ.

History of world-wide TRIZ movement

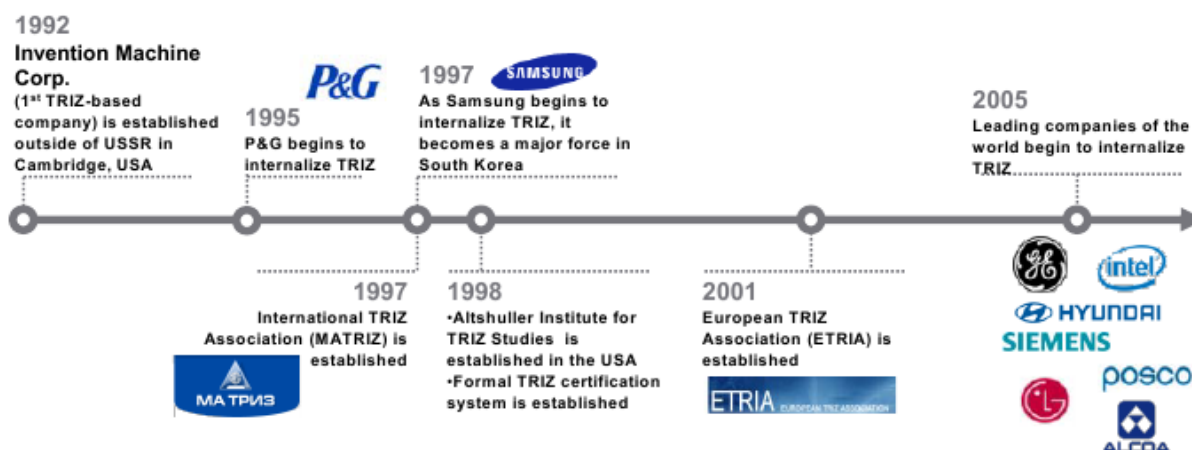

Рис. 6 (Бахтурин). Хронология распространения ТРИЗ в мире.

Сейчас можно уже привести большой список компаний и центров, где сегодня реально проявила себя практика применения ТРИЗ. Среди них – компании из топ-500 мирового уровня. Количество обученных людей только одной компанией (правда, центральной компанией, которая находится в Бостоне), измеряется тысячами. Далее, один из отдельных предметов гордости: в *Engineering Handbook*, – по сути, в стандартном учебнике по Mechanical Engineering, – в специальном разделе есть уже не рассказ о ТРИЗ, а целый раздел, в котором

описывается ТРИЗ-инженерная методология. То есть этот раздел выполнен как составная часть Handbook – как стандартное практическое руководство.

И, наконец, 20 февраля 2012 года на подготовительном семинаре к японскому семинару по ТРИЗ, который состоится в сентябре этого же года, французский профессор рассказывал японцам о том, как применять ТРИЗ как раз для реорганизации сферы НИОКР и смены парадигмы научно-исследовательских работ.

ТРИЗ, оставаясь внутри себя, с моей точки зрения, движением, регулярно проводит рефлексию происходящего, в том числе – формулировку и постановку задач на поддержание своего собственного развития для того, чтобы оставаться в тонусе.

Всё, спасибо.

Щедровицкий. Спасибо. Три вопрос. Слава, к микрофону.

Марача. Я хотел бы понять, в чем именно заключается институционализация ТРИЗ на том материале, который здесь был доложен. Я кратко поясню, чего я не понимаю.

Было сказано, что ТРИЗ – это *научный* метод, то есть некая *теория*, которая может применяться для решения практических задач, вначале – изобретательских задач, а потом она была распространена еще и на организационные задачи. И дальше, на примере «Самсунга», было показано, как это там было применено в большом количестве организационных подразделений. Это замечательно – но в чем здесь институционализация¹¹⁰?

Бахтурин. Я ничего не говорил о применении ТРИЗ в организационном развитии. Есть такое понятие «железный ТРИЗ», и я говорил только о применении ТРИЗ к техническим системам.

Моя версия институционализации проходила по двум слоям. Первое – в попытках реформировать сферу деятельности целиком. Я упоминал, что были заходы ТРИЗ, направленные на изменение программ обучения – программ обучения, стандартов обучения в средней школе, в высшей школе, а также на изменения в проектах управления научными исследованиями и разработками. За-

¹¹⁰ Можно предположить, что основание претензии В.Г. Марача состоит в том, что фактор, претендующий на учет в качестве институционального, должен быть представлен не как важный и множественный в «жизни» или «деятельности» той или иной организованности (организации), пусть даже и массовой, а как значимый в процессе ее воспроизводства. Об этом шла речь [в докладе М.В. Розина](#). А в обсуждении докладов С.Б. Переслегина и С.Н. Градиrowsкого Г.Э. Афанасьев высказал тезис о том, что «[институт – это неуправляемое воспроизводство](#)».

По сути, В. Марача здесь подключает уже актуализированное в прошедших докладах и дискуссиях содержание понятия «институт» к этому докладу.

Вероятно, было бы полезным положить специальное представление об институте, где будут с очевидностью перечислены его компоненты, с необходимостью включенные в механизм воспроизводства. В частности, интересно разобраться, достаточно ли для решения задач, подобных институционализации ТРИЗ, того понятие института, которое задал О.И. Генисаретский (на него, в частности, ссылался [Г.Э. Афанасьев в своем докладе на XVIII Чтениях памяти Г.П.](#), см.: *Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология)*. М.: Стройиздат, 1975). По крайней мере, одно важное замечание к тем давнишним представлениям О.И. Генисаретского и сегодняшним В.М. Розина можно было бы сделать уже сейчас: в них нет указаний на то, каким образом мог бы выглядеть [институт сетевого типа](#), который – в частности на этих Чтениях – обсуждает В.В. Воловик, и каков механизм воспроизводства такого типа институциональности. – *Ред.*

ход сверху на сферу целиком, на изменение стандарта, в терминах Дубровского.

Марача. Ты сказал, что это не получилось.

Бахтурин. Подожди. Второе: ТРИЗ в массовом порядке сейчас распространяется через оргтехнические системы (в терминах Дубровского), то есть через инженерные корпорации, становясь в каждой из них стандартом. И в связи с этим теперь многие вынуждены уже бежать за этим паровозом просто потому, что количество переходит в качество и теперь это попадает снизу, после реализации, в учебники, то есть теперь уже на основе этих практик учат студентов в университетах и в технических вузах. Это шаг того, что эта институционализация снизу, то есть через компании, проникает и захватывает, становится стандартом в сфере деятельности.

Щедровицкий. Спасибо. Еще, коллеги, вопросы есть? Нет. Переходим к дискуссии. Кто хотел бы высказаться? Да, Вадим Маркович, вижу.

Дискуссия по теме коллоквиума

Розин. Вы тут Лосева упоминали, а я вспомнил одну вещь, поразившую меня у Лосева: Лосев писал, что он верующий человек, – почему поразившую? Он говорит: – Когда мы начинаем анализировать всякое мышление, всякое рассуждение, мы доходим до каких-то вещей, где мы не можем сказать, а почему это происходит, поставив вопрос. Ну, разлетаются галактики, спросите, почему? – Взрыв. – А почему взрыв?.. И везде, где мы работаем, мы доходим до неких оснований, где дальше уже нельзя спросить: «почему?». И Лосев говорит: «Это чудо, и поэтому я человек верующий». Это его такой ответ.

Методолог, в отличие от Лосева, это такой инженер, который говорит: – Ничего подобного, мы всегда можем ответить, почему, но совсем в другом смысле. Мы можем взять и проанализировать мышление или проанализировать деятельность, описать ее, и за счет этого, во-первых, избежать этого вопроса «почему?», а во-вторых, объяснить, как это все устроено.

У Вас в начале был такой фрагмент по поводу того, что здесь была реализована программа исследования мышления – мышление о мышлении, был там такой пассаж. Целая линия. Но я бы спросил: а когда методолог описывает мышление – что он описывает? Предположим, он описал мышление, изучая изобретательство, и после этого Альтшуллер создает эту теорию, и дальше, в соответствии с этой теорией, начинает человек действовать. И тогда я бы спросил: а когда он начинает действовать в соответствии с этой теорией? Если мы возьмем то, что Альтшуллер анализировал, – изобретательство – это что: одно и то же – или нет? Вы говорите: исследовать мышление, мышление о мышлении. А я бы сказал кардинально: после того, как методолог как инженер описал это, а, по сути, создал новую инженерную интеллектуальную конструкцию, в соответствии с которой начинает действовать ученый, организатор

или кто-то другой, – мы получаем кардинальный сдвиг в мышлении, кардинальный сдвиг в деятельности, и это совсем уже не та деятельность и не то мышление.

И у меня здесь большие недоумения. Если методолог – такой инженер-конструктор, то хотя он вроде бы изучает, но на самом деле он сдвигает деятельность, и он создает совершенно новую деятельность, новое мышление. Я просто хочу обратить внимание на этот очень важный момент: мы все время начинаем склеивать то, что получается в результате методологической работы, с тем, что изучалось как якобы мышление. И следующий отсюда второй вопрос: а что такое вообще мышление, если оно каждый раз сдвигается в результате методологического изучения?

Щедровицкий. Спасибо. Да, прошу Вас. Представьтесь.

Синюк. Синюк Игорь Владимирович, председатель правления Международного индустриального парка, город Киев.

Я хотел бы отнестись и сделать некие предложения. Первый посыл состоит в том, что я чрезвычайно благодарен и Петру Георгиевичу, и Фонду за эту невероятно актуальную проблему, которая является авангардом с точки зрения эволюционной динамики, можно так сказать, регионального сущего и такого клубно-корпоративного сущего, ибо динамика эволюционная необходимо ушла дальше. Я об этом хочу сказать, и отсюда запрос со стороны глобальной динамики несколько иной, он здесь не прозвучал.

Пункт два. Первый коллоквиум задавал такую определенную планку, можно сказать, в обобщенной форме – институциональную статику и предвосхищение институциональной динамики, и дальше не пошли. А дальше было что-то вроде реконструктивного онтоинтеллектуализирования, когда мы вошли в слом эпох, доиндустриальной и индустриальной, – а у нас, между прочим, другой слом: переход от индустриальной к постиндустриальной, и там, конечно, меняется институциональная форма.

Последний доклад, мне кажется, чрезвычайно интересен в другой постановке: как адекватная институциональная форма системы деятельности делает ее чувствительной, чтобы абсорбировать, например, такого рода предложения, как ТРИЗ, и в то же время там, где ТРИЗ родилась, ее системы деятельности не абсорбируют, нечувствительны отчего-то.

Кстати говоря, хочу просто обратить внимание: в 2008 году в Китае вышла книга (мелькнув на поверхности и оставшись незамеченной), которую издала мощная группа под руководством главы китайского «Эксимбанка» Ли Джогу. Она примерно так и называлась – «Институциональная адекватность экономики развития» или «Развитие развивающей экономики». Она была издана по случаю 30-летия китайских реформ, и книга, видимо, порученческая. Там невероятно интересная пятифакторная модель институционально программируемого развития, где, кроме трех факторов для Европы, России и постсоветского пространства, обычных трех факторов – труд, капитал, новые технологии, отсюда инновации как технологические инновации, – там представлен четвертый – гуманитарный фактор, который включается только при определенных условиях.

И там есть еще пятый институциональный фактор примерно такой достаточно интересной трехчастной конструкции: одна часть – жесткая, которая отвечает за относительно медленно меняющийся фон, и связанная с таким квазиуниверсумом – с описанием, грубо говоря, инновационной динамики макроэкономических, макроинституциональных правил игры. Вторая часть – мягкая компонента, больше связанная, скажем, с региональным влиянием. Третья часть – виртуальная, она в свою очередь имеет две части: внешнюю (стимулирование) и внутреннюю (мотивацию). Это все догармонизировано, и отсюда – подход к программируемому развитию, которое трансформирует саму основу, происходит через динамику, изменение института в динамической институционализации по критерию отслеживания динамики каждого из факторов. И не только производительности труда, когда замедлилось... я уже не говорю, что постсоветское пространство так и не вышло на показатели производительности 1990 года, но когда замедлилась динамика роста – тогда надо менять институции, и вот тут наметился большой разрыв.

Китайцы говорят: европейский онтоподход исходит из статики, ибо, в конце концов, институционализация времен индустриализации и постиндустриализации сводится к двум институтам: верховенству права и корпоративной форме рыночной экономики. Китай говорит: все изменчиво, институты изменчивы в угоду принципу развития, но развитие там диверсифицированное. Это тема, скорее, Петра Георгиевича; там невероятная, действительно колоссальная библиография и модель, обкатанная на 87 развивающихся переходных экономиках. Эта книга мелькнула, а дальше китайцы идут в русле юнктадовских моделей, что они вроде бы показали и вроде бы и не показали.

Что я хочу сказать? Конечно, медленно меняющаяся динамика и то, что в юнктадовских моделях получает название детерминантов, – это то, что определяет в целом фон возможного. На этот счет существуют нормативные модели; нормативными моделями занимается ЮНКТАД – здесь это не звучало; это надо разобрать, к этому надо отнестись. Вот за колонной Нинель сидит, она представляет Женеву, ЮНКТАД, тут многое могло бы помочь.

Второе. Это, конечно, модели детерминантов – те, которые создают стимулирование и, самое главное, достаточно хорошо работают. То есть о чем речь идет? Существует институциональная форма субъекта деятельности (скажем, в лучшей форме это ТНК), и существуют известные теории индустриального типа – дайнингеровские подходы, преимущества владения, преимущества локализации, преимущества, скажем, внутренней бизнес-организованности или интериоризации. Другое – пять ступеней роста: локализация, регионализация, национализация, транснационализация, глобализация. При этом институты качественно меняются. Это эволюционная динамика самого субъекта деятельности, объекта, процесса и среды. На этот счет существуют нормативные теории, но они касаются того пространства, а для переходных экономик – большой вопрос, применимы ли.

Я к чему это все говорю? Мне кажется, коль уж столь полезная работа была проведена в такой реконструктивной фазе, то если бы отнестись к двум моментам – разобрать существующие нормативные теории и устремиться про-

ективно, особенно для переходных экономик, – чрезвычайно большая была бы польза. Это, мне кажется, был бы вызов с точки зрения вызовов должного, а не с точки зрения сущего. Отсюда предложение: мне кажется, если считать, что это авангард, то, к сожалению, он отстает от тех запросов, которые уже существуют реально и материализованы на уровне должного. Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо большое. Еще суждения. Да, прошу Вас, потом Вы.

Марача. Я бы хотел несколько слов сказать об институционализации мышления, естественно, с будущим прицелом на обсуждение проблематики институционализации методологии. Мы сейчас эту проблематику обсуждали во второй половине дня на материале институционализации инженерного мышления и в последнем докладе на материале ТРИЗ, которая, по утверждению автора доклада, тоже является некоей версией научного мышления, но для меня важно, – что *мышления*.

И дальше – вопрос. Вот есть некое мышление, некое интеллектуальное движение; оно, может быть, даже начинает реализовываться на практике, приносить некоторые результаты, может быть, даже начинает реализовываться достаточно массово, даже закрепляться в виде стандартов, входить в учебники и т.д. Что мы можем считать институционализацией?

В одном случае есть версия критерия ответа на данный вопрос, которая следует из доклада В.Я. Дубровского, что если это закрепляется на уровне актов или на уровне организационно-технических систем, то это еще не то, а если это стандарт на уровне сферы, то это уже вроде похоже на институт.

В другом случае – на наших глазах в обозримый исторический период появилась целая сфера, но это достаточно редкое явление. Этот второй вариант как раз, на мой взгляд, был представлен несколько по-разному в докладах Воловика и Александрова. У нас появляется некое движение формирующегося инженерного мышления. И это движение встречает некоторое институциональное сопротивление, то есть оно сталкивается с определенными институциональными факторами: Воловик обсуждал институциональные факторы определенного класса, связанные и с устройством рынков, и с устройством городов, и с устройством торговых путей. Александров обсуждал ряд тоже достаточно важных институциональных факторов, связанных, например, с теологическими дискуссиями. И очень важно, что это мыслительное движение, встречая институциональные, значимые, влияющие на его практическую реализацию институциональные факторы, находит институциональный же ответ. В версии Александрова эксперимент появляется именно как особого рода институт, увязанный и с теологией, и с государством, то есть с другими институтами, которые в то время существовали.

Как мне кажется, наша перспектива, и достаточно интересная, может быть в том, чтобы попытаться аналогичную траекторию изысканий проделать по отношению к методологии. Тем более, как мы с вами помним: методология осуществляла стратегию методологической экспансии, но, по всей видимости, в определенный момент тоже столкнулась с влияющими на нее институцио-

нальными условиями, которые нельзя было выносить за скобки, а нужно было в явном виде рассматривать в качестве существенных.

Первые такого рода попытки сделал О.И. Генисаретский, затем работа Георгия Петровича 1972 года, которая упоминалась сегодня Дубровским. И, мне кажется, это и нужно анализировать, но ответ тоже должен быть институциональным, и, собственно, методология должна освоить работу с этими институциональными условиями именно в виде институционального подхода, понимаемого как методологический подход. Но это уже, правда, моя версия, которую я сам развиваю. Тут возможны другие версии, но мне сейчас важно саму проблему зафиксировать.

Щедровицкий. Спасибо. Прошу Вас.

Гайдин. Я из Обнинска, и как раз хочу сказать, что лет 40 назад Обнинск был цитаделью ТРИЗ, которая потом была занесена в Петрозаводск, а у нас это общее увлечение потихоньку увяло. Более того, в Обнинске издавался журнал «ТРИЗ», и у нас был организован Университет технического творчества. И более того: на конференции по инженерии в Обнинске (лет 30, наверное, назад) мы пытались – прямо непосредственно там – скрестить ТРИЗ с методологией, но ничего из этого не получилось. Но претензия, я думаю, со стороны ТРИЗ была в том, что «а что методологи делают конкретного?». А со стороны методологии ясно было видно, что качество рефлексии тризовцев, конечно, оставляет желать лучшего. И если говорить о том, как они рефлексиируют себя, то, естественно, своими средствами.

Я говорю к тому, что у нас получается как бы горе от ума. Практически, изучая ТРИЗ и преподавая ТРИЗ, я сделал 29, по крайней мере, серьезных изобретений. Конечно, они не находят места в жизни, потому что изобретатель – это враг в любом институте, потому как он ставит под сомнение очень многие разработки. Иногда один человек может вообще все изменить, поставить все под сомнение. Я уж не говорю о том, что нас даже таскали по парткомам, горкомам.

И после тех лет – с 1946 по 1950 год, – когда Генрих Саулович Альтшуллер проанализировал 40 тысяч изобретений, он еще десять лет сидел в тюрьме за свое творчество. Притом сидел тоже уникально и стал творцом, потому что, пока он сидел в камере, его обучали четыре профессора. Им тоже там было нечего делать, отсюда и он стал таким уникальным специалистом, кроме того что сам он, конечно, уникальный, экологичный человек, потому что когда человек стихийно изобретает – это одно, а когда это упорядочено – это совсем другое.

Я хочу сказать, что, кроме ТРИЗ, есть еще ряд методов. У нас был (не знаю, остался ли сейчас) институт «Метод» – по-моему, так он назывался; там очень много было разработок. И если говорить о том, какое надо делать инженерное образование, то вы спросите выпускника даже физика, сколько он знает физических эффектов? – он сможет назвать два-три, а изобретения вообще-то делаются на комбинировании физических эффектов, есть даже специально разработанные методы их комбинаторики.

Я хочу сказать, что, наверное, если заниматься проектно-инженерной деятельностью, то имело бы смысл, скажем, пересмотреть инженерно-

институционально всю творческую культуру и в ней все наладить. То, что Дмитрий Бахтурин сейчас демонстрировал, – это только первый заход, мне он очень нравится именно методологической рефлексией этой ситуации. Я думаю, здесь была бы очень большая перспектива и для инженерии, и для методологии. Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо большое. Пожалуйста.

Левенчук. Я хотел бы поделиться рядом своих интуиций, которые у меня по поводу всего этого действия сегодня появились. Во-первых, у меня самый первый вопрос был, как вы помните: правильно ли я понимаю, что стандарт и институт – это нечто, абсолютно вроде как в сознании несовместимое, в разных местах [находящееся], а потом, когда мы начинаем лингвистически подставлять вместо институционализации стандартизацию, то как-то в языке оно путается, и получается одно и то же.

Мы сейчас познакомились с технологией «Компрено» у компании «АВВУУ» – это самая свежая лингвистическая технология; и, рассказывая нам о том, что они сделали, они показывают «онтологическое дерево». Мы говорим: «Во, это знакомая штука, это же онтология!». На что они отвечают: «Нет, это не онтология». По их мнению, это такое специальное лингвистическое дерево, которое они долго строили, по лингвистическим интуициям. И действительно, оно сильно похоже на «онтологическое дерево». Они говорят: «Если камень появляется, и мы делаем очень детальное именно лингвистическое рассмотрение, то в языке вы уже почувствуете, что это камень, как бы у него природа такая, что она становится в соответствующих позициях».

Я думаю, что это совершенно неслучайно, я у докладчиков смотрел – они регулярно оговариваются: вместо «институционализация» говорят «стандартизация», «стандарты» – и наоборот. Замечу, что не «нормы», не «нормировка», как раньше оно звучало, а уже другое слово – и сразу другой механизм. Мне вообще представилось, что это совершенно неслучайно, и когда мы начинаем рассматривать, а как же это все происходит, особенно [доклад Градиоровского](#), эти соборы – это ровно оно: догмы, которые там получаются.

Некоторое время назад – по-моему, трое Чтений назад, – я сделал предположение, что настоящая методологическая работа ведется в комитетах по стандартизации. Там работают разные люди, они сталкиваются мнениями и должны между собой о чем-то важном договариваться – о том, как устроен мир в какой-то предметной области; там эта работа и ведется. Когда я сегодня услышал, что действительно эти слова путаются, то, возможно, эта институционализация – это и есть отсылка к таким формам, где производится сборка. Как они ухитряются договориться в этой их «соборности», есть ли там отдельный собирающий этот «собор» – или они как-то сами?

Я бы добавил к тому докладу, который я делал три года назад, и все его тезисы остаются, еще одну штуку. Действительно, есть точки сборки, они оказались в очень странных местах – это аналитические агентства, например, «Gartner», с миллионными тиражами. Чтобы получить их мнение, нужно заплатить тысячу долларов, иначе вы их мнения не получите; но когда вы заплатили тысячу долларов и взяли отчет, то вы увидели: появилась новая предметная об-

ласть. Они говорят: «В Австралии, во Франции, еще где-то там появился какой-нибудь Adaptive Case Management – это новая предметная область». Люди с изумлением узнают, что их так назвали, что они занимаются новым типом деятельности. Но аналитики говорят (с точки зрения системы, это функциональное определение): «Они делают так-то и так-то, а как там внутри, мы же не знаем». После чего эти люди встречаются уже в комитете по стандартизации, они говорят: «Мы одной крови, из одной деятельности», – и начинают обсуждать, какие у них реальные объекты, какие у них отношения, и порождают именно стандарт. То есть они институционализируются уже в виде стандарта, который маркирует их деятельность.

А далее – очень интересная штука. Со стандартизацией закончили, далее я говорю интересные мысли. Стандарт, вообще говоря, – это онтология, кусочек. Когда вы пытаетесь с этим стандартом дальше работать – что это, как это, что он из себя представляет, то есть дальше формализовать по этому пути, – то неожиданно выясняется, что это онтология. Мне, наверное, повезло: меня сейчас втянули в оргкомитет *Ontology Summit'2012*. И буквально две недели назад в одной из дискуссий этого *Ontology Summit* был поднят трудный вопрос: может ли онтология быть алгоритмом? Онтология вроде как компьютерная – может ли она вообще быть исполнима? Или это все-таки что-то статическое – тогда что мы с ним делаем? И далее звучит труднопереводимое английское слово – *enactment*¹¹¹. С *enactment* стандарта все понятно: есть стандарт, есть деятельность, стандарт – это бумажка, и запустить стандарт в жизнь, в деятельность – это *enactment*, что означает закрепить определенную структуру деятельности. Они говорят: «Но когда мы этот стандарт перевели в компьютерную форму, отразили его в виде онтологии – это что?».

Теперь про сборку целого. Тут я просто подвесил вопрос, потому что это как раз сегодняшний вопрос: бывает ли онтология исполнимой? И мнения разделились: половина профессоров одних университетов говорит, что «конечно же, да!», а другая половина говорит, что «да ни в коем случае!».

Следующий вопрос – про фирму «Сайк», которая давно занималась тем, что брала стандарты и пыталась их как-то однообразно превратить в онтологию, но сделать этого не смогла и тогда объяснила, почему. Классический пример, который здесь обычно приводят: все знают, что граф Дракула – это вампир, про него много что известно – как одевается, в каком гробу спит; с другой стороны, известно, что вампиров не существует. И тогда специалисты из «Сайк» сказали: «Для того чтобы с этим разобраться, нам надо как-то разделить эти реальности», – и ввели понятие «микротеории», с которым сейчас все онтологи согласились и которое за последние буквально три года уже вошло в практику. И «Сайк» насчитал 26 тысяч таких микротеорий – неких кусочков знания, которые не очень согласованы между собой, и человечество живет как бы между ними, рассуждая логически внутри и не логически снаружи.

¹¹¹ *Enactment* (англ.) – по-видимому, здесь может быть переведено как «постановление», подразумевая ту обязательность, которую несет на себе стандарт. – *Ред.*

Мне представляется (это моя интуиция), что то, что вы тут пытаетесь назвать не стандартами, а институтами, – это нечто, соответствующее таким микротеориям. В результат ручного труда, как бы ручным кодированием, они вышли примерно на 26 тысяч особых стандартов-институтов, в которых идет enactment вот этого мышления, и это – зоны консистентной мысли.

И мне кажется, что если покопаться в этих вопросах: бывает ли исполнимая онтология и правда ли, что стандарты – это enactment в их жизни, правда ли, что у нас есть 26 тысяч не стандартов, а чего-то такого исполнимого, связанного, и это есть институты, стандарты такие, – если тут покопаться, то что-нибудь интересное можно будет найти. И, конечно, важны формы, в которых люди это делают: производят, договариваются, порождают новое.

Щедровицкий. Спасибо. Дмитрий, Ваше заключительное слово. Потом Федор.

Бахтурин. Несколько сюжетов. Во-первых, я хотел бы вернуть вас все-таки к эпиграфу, который виден сейчас на экране¹¹² и по-прежнему остается значимым для понимания институционализации и той ситуации, с моей точки зрения, в которой оказывается мышление, сталкивающееся с этой проблематикой. В частности, это можно развернуть как [продолжение моего вопроса Градировскому насчет «доводки» Аристотеля](#): «Религиозное мышление ассимилировало его правильно – или “как надо было”?» И мы тогда договорились до формулировки – Сергей, если ошибусь, поправь меня, – что религиозное мышление обрезало Аристотеля «как надо», то есть это и значит, что оно «правильно обрезало» Аристотеля.

Щедровицкий. В хорошем смысле этого слова.

Бахтурин. Да, безусловно. Если дальше говорить на таком почти бытовом языке, я так бы ответил Вадиму Марковичу: «что для крутого нормально, то для нормального круто». Даже на нашем коллоквиуме видно, что мы обсуждаем даже не разные процессы, а разные производные – кто-то первую производную, кто-то вторую, кто-то третью. Потому что происходит постоянный (извините, я отнесусь к Лосеву) такой сатанизм, язычество, какие-то такие странные прорывы, которые мы ассоциируем либо с катаклизмами, либо с персонами, а потом убиение, опошление, опять же (теперь уже в смысле Фасмера) обытование этого в мышлении, в деятельности.

И как грустный итог подготовки этого доклада: мы с Наумом Фейгенсоном как изобретатели вынуждены были признать, что на самом деле богатство человечества создано не изобретательским трудом, а трансляцией, копированием, воспроизводством этих отдельных изобретательских актов, причем в их правильно обрезанном виде и в соответствующем предоставлении «в доступ», в использование все большему количеству людей, живущих на этой земле.

Щедровицкий. Спасибо. Федор.

Александров. Я думаю, что право на институционализацию еще надо завоевать. Вспоминаю, как я как-то был в университете, в Музее Менделеева, и директор этого музея рассказывал, что Британскую Академию наук (название,

¹¹² См. слайд 2 файла [презентации](#). – Ред.

может быть, путаю) создавали как место, где можно допустить споры. Потому что споры вообще допускать опасно для государства, и нужно такое специальное место, где споры можно допустить и еще назначить специального человека, который будет спорщиков разнимать. Мне кажется, это звучало, но как-то исчезло, в докладе Градировского, потому что ведь институт – это же еще всегда и граница между теми, кто вне этого мышления. А мышление же – очень рискованная вещь, отношение к нему всегда есть. Оно же порождает хаос, по отношению к нему всегда есть вопрос некоторых границ и порядка.

Это нельзя сделать [создавать место, где можно допустить споры. – *Ред.*], не создав угрозы для институтов, которые существуют. И институционализация – это всегда путь, по которому (избегая войны и революций, если удастся) в некоторый системный контекст вписывается это новое, становящееся мышление. И это отличает, например, институционализацию от стандартизации, когда есть какие-то люди, которые что-то делают, приходят и говорят: «Нам нужен стандарт, давайте, напишите стандарт», – то есть от таких простых строительных работ.

Щедровицкий. Спасибо. Коллеги, давайте поблагодарим наших двух последних докладчиков!

Есть еще один сюжет, несмотря на то, что мы немножко затянули время, но я думаю, надо его сегодня очень коротко обозначить. Вадим Маркович, можно Вас попросить сюда, за стол? Дело в том, что в период подготовки Чтения я получил массу нареканий приблизительно одного и того же свойства: «Как же так, нет ни одного постановочного доклада по проблемам собственно институционализации методологического мышления! Про понятия что-то там сказали, про инженерию оттянулись по полной, а про себя – ничего».

Я сначала отвечал в таком духе, что, мол, сложно, что про себя-то сложнее, чем про других. А потом мне предложили провести круглый стол по этому поводу; я закрыл глаза, представил себе участников этого круглого стола (потому что понятно, что писатели у нас одни и те же), представил, что они будут говорить... Думаю – нет, круглый стол проводить не будем. Но и не сказать ничего тоже нельзя. Поэтому спас меня Вадим Маркович, у него очень хорошая такая позиция: и внутри сообщества, и вне него. И он говорит: «Я готов сделать небольшую интервенцию». Засим я дам ему слово – он пообещал, что это будет коротко, – а потом мы будем завершать.

Розин. Институционализация методологии предполагает ее самоопределение. Здесь интересно обратить внимание, что у Георгия Петровича в плане самоопределения методологии, мне кажется, было два совершенно разных этапа. В 60-е годы он рассматривал методологию прежде всего как средство реформирования самых разных дисциплин, дизайна науки и т.д., и т.п. Но уже в 70–80-е годы (по моим, во всяком случае, наблюдениям) его самоопределение методологии изменилось. По сути дела – не отказываясь, правда, от первой постановки – все-таки он стал больше сдвигаться в том направлении, что главное – это развитие самой методологии, а это есть и некое условие реформирования.

Но прежде всего – саморазвитие. Не в ответ на потребности частных практик, говорил Георгий Петрович, – и в этом смысле он выступал даже против частной методологии.

Более того, когда мы как-то обсуждали этот вопрос, он говорил, что новое вообще не предметники создают, а создают именно методологи, которые приходят в предмет как своего рода троянский конь, – и вот именно они и порождают новое в самом предмете.

Сегодня, как мне кажется, есть совершенно две противоположные тенденции. С одной стороны, сами представители разных дисциплин и предметов против нормирования их деятельности со стороны методологов, и в этом смысле можно было бы говорить, что сегодня нет социальных условий для развития методологии. Кстати, когда Аристотель создал свои правила, категории и т.д., то потребовалось, как известно, 150 лет, чтобы это все было внедрено, да и то – только в рамках империи, где как раз устанавливался соответствующий социальный климат. Но, с другой стороны, я хочу сказать, что такие условия появляются в больших корпорациях, банках, государственных учреждениях и т.д. Среди двух миллионов вакансий на методологов, на мой взгляд, есть и реальный запрос на реальную методологию – это видно по тем комментариям, которые есть в Интернете. Таким образом, здесь две совершенно разные, даже противоположные тенденции.

И мне кажется, что неслучайно появились эти миллионные вакансии. В настоящее время складывается новая ситуация: формируются новые социальные условия, исчерпываются традиционные подходы и методологии, – возникает ситуация, требующая новой методологии. И к этой ситуации, мне кажется, нужно быть готовым.

Теперь следующий момент. Методология, на мой взгляд, – это все-таки интеллектуальная технология, технология мышления, причем раз это технология в широком понимании, то это технология, которая развивается в зоне ближайшего технологического развития. Но обратите внимание, что сделал, например, ММК? ММК в каком-то смысле всего-навсего лишь скооперировал и соорганизовал разные подходы, которые до этого существовали совершенно отдельно – марксизм, исторический подход, естественно-научный подход, семиотический подход, проектирование, психотехнику и т.д. То есть действительно произошло соединение того, что не соединялось в зоне, я бы сказал, ближайшего развития.

И это развитие, на мой взгляд, определяется вовсе не внешними запросами, – и Георгий Петрович это подчеркивал, – а состоянием и трендами интеллектуальной сферы мышления. По мере становления в зоне ближайшего технического и методологического развития методология отвечает и на внешние запросы и вызовы. В этой области действительно прагматическая роль методологии вторична. А в институциональном отношении это означает, что методология должна существовать в двух совершенно разных сферах. Первую можно было бы условно назвать методологической Касталией, а вторая – это, действительно, сфера частной методологии. Миссия первой сферы – развивать мышление, создавать образцы нового мышления, прежде всего методологического

мышления в зоне ближайшего развития (я здесь совершенно согласен с Петром). А миссия второй – войдя в кооперацию с представителями определенных дисциплин и предметов, перестраивать деятельность и мышление, инкорпорировать методологического «тroyанского коня» в саму дисциплину. Мы видим, что в творчестве Лефевра, Попова, Громыко, Зинченко и, отчасти, вашего покорного слуги, по сути, реализуется прежде всего именно вторая стратегия.

А чтобы методологическая Кастилия постепенно становилась социальным институтом, на мой взгляд, необходимы не только чтения, конференции, сайт, семинары, – это все уже сегодня есть. Но действительно необходимы издания, необходима, на мой взгляд, методологическая элита, необходимо методологическое наставничество и, наконец, защита методологической квалификации, которая могла бы происходить, во-первых, через наставников, а также через то, что человек делает доклады, пишет тексты и потом где-то выступает. Для меня, например, был наставником и учителем Георгий Петрович. И у меня у самого есть уже люди, которые прошли такую школу: Горохов, Беляев, Попкова, Липкин и еще несколько человек. Частный методолог – это методолог, с одной стороны, методологической Кастилии, а с другой стороны – это методолог образования, науки и прочее, и прочее. Следовательно, это особая компетенция, особый производный институт.

И последнее. В критерии эффективности методологического мышления, мне кажется, входит, по меньшей мере, три вещи. Это реализация себя и через себя в ответах на вызовы современности, времени – первое; второе – это такое мышление, которое создает условия для следующего шага развития мышления; и третье – это обязательно методологическая коммуникация и общие методологические проекты. Без упора в виде оппонентов, без критики, без рефлексии, без общих дел методологическое мышление будет неэффективным.

Заккрытие XVIII Чтений

Щедровицкий. Спасибо, Вадим Маркович. Давайте будем считать, что это авторская постановка некоторого круга вопросов на следующие Чтения.

Честно говоря, я так откладывал эту тему – сначала на финиш этого этапа нашего движения, а теперь на предпоследние, XIX-е Чтения перед 20-летием со дня смерти Георгия Петровича и 85-летием со дня его рождения, – с тем, чтобы за этим столом выступали все-таки люди чуть более молодые. Потому что, если мы говорим о серьезных каких-то временных горизонтах... не знаю, Вадим Маркович, наверное, считает себя долгожителем, я – нет... поэтому я бы предпочел, чтобы эту тему всерьез обсуждали те, кому сейчас 35, понимая, что тогда у того, что будет говориться, есть некоторый шанс состояться. Поэтому с этим маленьким организационным дополнением я хочу еще раз напомнить, что следующая тема – это институционализация методологического мышления. А через год, то есть в 2014 году, мы проводим Чтения, которые посвящены этим разным датам. И я надеюсь, что мы сумеем на этих Чтениях собрать все те

ключевые темы, начиная от сравнительного анализа методологии Московского методологического кружка в более широком социокультурном контексте, через достижения, через технологии и через институты, и собрать некоторые ключевые результаты той серии Чтений, которая идет под моим руководством.

Добавлю один момент в продолжение того, что сказал Вадим Маркович. Мы приняли решение в этом году запустить ежегодник «Методологические исследования». Я здесь стою на точке зрения минимальных расходов, экономии мышления. Журнала у нас явно не получится – мы для этого слишком недисциплинированные, – а вот ежегодник может получиться. Поэтому я рассчитываю, что ежегодник 2012 года выйдет либо в конце 2012-го, либо в начале 2013 года, и мы имеем возможность суммировать некоторые точки зрения и представить их в таком формате.

И, пользуясь случаем, еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что Фонд совместно с Институтом философии и издательством «РОССПЭН» продолжает издание серии под названием «Русские философы XX века». От второй половины века, о которой мы совместными усилиями сообщили почтенной читающей публике в форме 22 томов, мы переходим к первой половине века. У нас запланировано 36 томов; правда, они уже медленно мигрируют в сторону 38–39-ти. Уже есть анонс этого издания, и мы рассчитываем, что, начиная с весны этого года, мы начнем публикацию этой серии и за два года ее представим.

Я думаю, что данный контекст не нуждается в дополнительных комментариях, и считаю, что любое подобное социокультурное действие ситуационно обусловлено тем, что было, и тем, на что опирались. А поэтому – восстановить хотя бы в виде такой плеяды имен русскую философскую мысль XX века будет хорошим вкладом в понимание истоков Московского методологического кружка, полемики, которую ММК вел в российской социокультурной ситуации, и одновременно некой платформой для обсуждения наших позиций в мире. Нам сложнее, чем тризовцам, – они могут на какое-то время выдать себя за чисто техническую дисциплину, а у нас так не получится.

Поэтому – спасибо за то, что вы приняли участие в Чтениях, в дискуссиях, успехов вам, и – до встречи через год!

Сведения об авторах докладов

Федор Олегович Александров

Заместитель директора Федерального центра ядерной и радиационной безопасности, руководитель проектного офиса.

Георгий Эдгардович Афанасьев

Директор НП «Экспертный клуб», член нескольких экспертных советов и комитетов, член рабочей группы Общественной палаты РФ по вопросам энергообеспечения, энергоэффективности и энергосбережения. Интересы: фабрики мысли, сетевые формы организации мышления, территориальное развитие, инфраструктуры с профицитной энергетикой.

Дмитрий Александрович Бахтурин

Первое знакомство с методологией и методологами – осень 1994 г. Участвовал в циклах Стратегических игр П.Г. Щедровицкого «Гуманитарные технологии» и «Онтология...». Сфера практической деятельности в настоящее время – Госкорпорация «Росатом». Сферы научных интересов – диалектический и исторический материализм, философия науки и техники, философия творчества, история философии, ТРИЗ (теория решения изобретательских задач).

Владимир Вениаминович Воловик

Консультант в сфере коммуникационных и оргтехнологий. Сфера занятий: исследование медийных аудиторий, организаций, команд; разработка медийных кампаний, коммуникативных пространств, суггестивные коммуникативные технологии. Участник ОД-игр, начиная с И-17. Интересы: история инженерии, антропология, эпистемология.

Сергей Николаевич Градировский

Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации; руководитель рабочей группы «Томский кластер развития образования»; генеральный директор «Агентства развития города Томска»; проектный руководитель магистратуры «Управление изменениями в условиях этноконфессионального и социокультурного многообразия» факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; эксперт Всемирного банка в области миграционной политики.

Галина Алексеевна Давыдова

Руководитель программы коммуникационного сопровождения деятельности в Тольяттинской академии управления (ТАУ), соучредитель [Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#).

Вера Леонидовна Данилова

Кандидат психологических наук, научный руководитель [Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#). Включилась в работу методологических семинаров Г.П. Щедровицкого с 1972 года. В составе игротехнической команды Г.П. Щедровицкого участвовала в подготовке и проведении около 50 ОДИ, провела 11 ОДИ в качестве руководителя. С 1987 года принимала участие в образовательных проектах методологического сообщества в лабораториях Харьковских университетов ХНУГХ (б. ХИИКС) и НТУ «ХПИ» (б. ХПИ), в Тольяттинской академии управления (ТАУ), в Новой гуманитарной школе (НГШ, Москва).

Виталий Яковлевич Дубровский

Был членом ММК с 1964 по 1978 год, руководил несколькими дочерними семинарами. Окончил математический факультет МГПИ (1963) и аспирантуру ВНИИТЭ (1968, рук. Г.П. Щедровицкий). В настоящее время – Professor Emeritus, School of Business, Clarkson University. Членство в обществах: New York Academy of Sciences, International Society for the Systems Sciences (член Совета), Human Factors and Ergonomics Society, Association for Information Systems и др.

Аркадий Исаакович Липкин

Доктор философских наук, кандидат физ.-мат. наук, проф. кафедры философии МФТИ и кафедры истории науки РГГУ, руководитель [московского семинара по философии науки](#) и [семинара «Цивилизации в современном мире»](#). Активный участник семинаров Г.П. Щедровицкого в 1983-86 гг. Основные направления исследований: философия науки и философия культуры.

Эдвард Люттвак (Edward Nicolae Luttwak)

Американский военный стратег, экономист, историк, политический аналитик и специалист по международным отношениям. Автор многочисленных работ по военной стратегии, истории и внешней политике как времён древнего мира, так и наших дней. Политический консультант Государственного департамента и Министерства обороны США. Старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон). Бывший советник президентов Рейгана и Дж. Буша-старшего.

Вячеслав Геннадиевич Марача

Кандидат философских наук, доцент Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Участник ММК с 1986 г., руководитель проектов [Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#). С 2009 г. ведет международный [методологический семинар по теме «Институты и институционализация»](#). Автор более 140 публикаций. В качестве руководителя или ведущего консультанта участвовал в разработке стратегий и программ развития ряда регионов и городов. В настоящее время – научный руководитель [Центра реализации стратегий «МетаКонсалтинг»](#) и [Центра государственных и муниципальных программ Национальной гильдии профессиональных консультантов](#).

Сергей Борисович Переслегин

Физик, социолог, публицист, литературный критик, автор 10 книг по геополитике, прогнозированию, стратегии. Президент Фонда «Энциклопедия» (Санкт-Петербургской общественной организации работников науки и культуры). Руководит аналитическими группами «Санкт-Петербургская школа сценарирования», «Конструирование будущего», «Знаниевый реактор».

Николай Алексеевич Потемкин

Кандидат философских наук, руководитель Центра развития квалификаций и системной организации в промышленности и энергетике, специалист по системной организации, проектированию и кадровому обеспечению бизнес-процессов, руководитель нескольких проектных и программных групп, в том числе – в рамках партнерства Экспертного клуба с компанией «Strategy Partners» в реализации проекта Минобрнауки РФ «Разработка дорожных карт развития российской промышленности и энергетики».

Вадим Маркович Розин

Доктор философских наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук. Работает в Институте философии РАН. Один из первых учеников Г.П. Щедровицкого и активный участник Московского методологического кружка, а сейчас методологического движения. Начиная с середины 1970 годов, развивает свое направление методологии, основанное на идеях и принципах гуманитарного подхода, семиотики и культурологии.

Николай Сергеевич Розов

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск), профессор философского факультета Новосибирского гос. университета, [профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского гос. технического университета](#). Автор семи монографий, составитель и научный редактор двух альманахов, член нескольких редакционных коллегий журналов. Переводчик (совместно с Ю.Б. Вертгейм) книги Рэндалла Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения». Ведет исследования в области философии и методологии социального познания, исторической макросоциологии, философии истории, теории ценностей, философии образования.

Петр Георгиевич Щедровицкий

Кандидат философских наук, заместитель директора по развитию Института Философии РАН, эксперт Правительства России, член правления фонда «Центр стратегических разработок “Северо-запад”», Советник генерального директора ГК «Росатом», Президент [Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#).

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ

НАУЧНЫЙ ФОНД
ИМ. Г.П.ЩЕДРОВИЦКОГО

**XVII и XVIII Чтения памяти Г.П. Щедровицкого цикла
«Институты мышления»**

Темы Чтений:

XVII Чтения – «История институтов мышления»

**XVIII Чтения – «История и современное состояние
институтов мышления»**

Москва, 23 февраля 2011 г. / 23 февраля 2012 г.
Отель «Ренессанс Москва»

© ННФ ИР им. Г.П. Щедровицкого

Материалы Чтений подготовили:

© *Валерий Александрович Проскурнин*, редактор

© *Вячеслав Геннадиевич Марача*, научный редактор
ННФ ИР им. Г.П. Щедровицкого

15.02.13